Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Грабарь-Пассек М. Е.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Емельяников С. П.
Жирмунский В. М.
Ибрагимов М.
Кербабаев Б. М.
Конрад Н. И.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Рюриков Б. С.
Самарин Р. М.
Семпер И. Х.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

ШОТА РУСТАВЕЛИ

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

ПЕРЕВОД С ГРУЗИНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1969

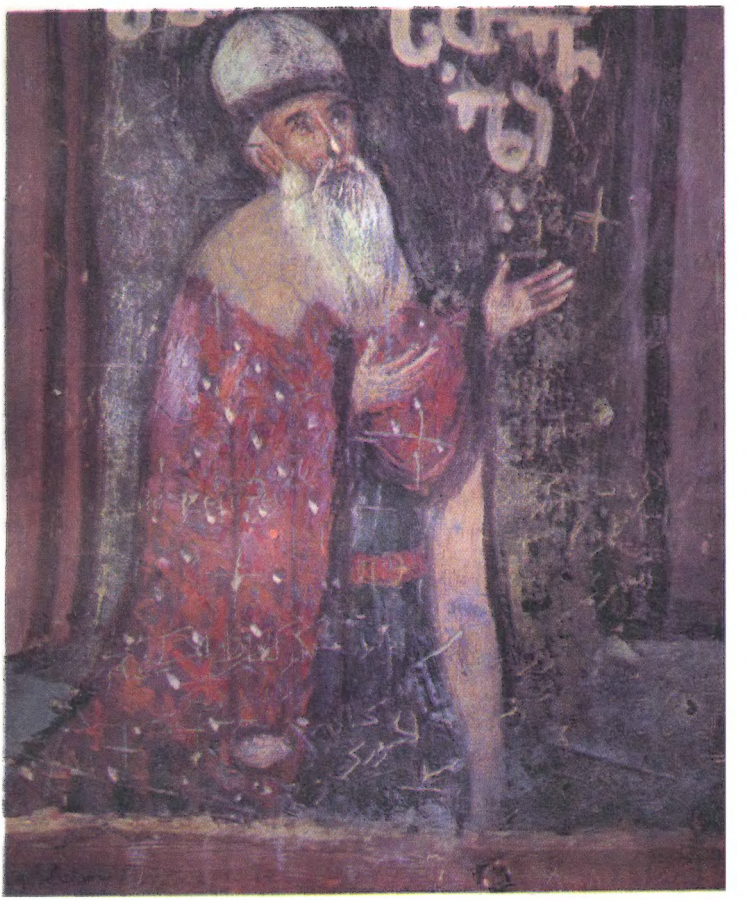
Вступительная статья
И. Абашидзе

Перевод
Н. Заболоцкого

Иллюстрации
С. Кобуладзе

С (Груз) 1
Р 89

7-4-3
Подп. изд.



СЛОВО О ШОТА РУСТАВЕЛИ

«Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели вошел в число самых удивительных творений, созданных человеческим гением.

Восемь веков отделяют наше поколение от автора этой бессмертной поэмы. Но ее жизнеутверждающий пафос, светлый гуманизм и героический дух, воплощенные в ней идеи патриотизма и интернационализма, возвышенные человеческие чувства и моральные идеалы роднят и сегодня этот величественный литературный памятник далекого прошлого с духовным миром всех свободолюбивых народов.

Творение Руставели уже стало органическим и кровным достоянием всего человечества. Европеец или сын Азии, американец или африканец могут вычитать в этой поэме, подобно народу, ее создавшему, нечто большее, чем романтическую, рыцарскую повесть, блестяще поведанную в стихах.

И это произошло в первую очередь благодаря тому, что бессмертная поэма Руставели переведена за последнее столетие не только на языки народов Советского Союза, но и на многие языки мира.

В течение веков произведение Руставели, написанное на неведомом миру, еще никем не изученном языке, жило лишь в родной стране поэта, к югу от Кавказских гор, в ущельях Чорохи, Риони, Куры и Алазани.

Появление «Витязя в тигровой шкуре» для мировой культуры было похоже на грандиозное археологическое открытие. Впервые «в большом мире» это неоценимое сокровище заметил в начале XIX века русский общественный деятель Евгений Болховитинов: «Сцены действий подобны Ариостовой поэме Роланду, но красоты, оригинальность картин, естественность идей и чувствований — Оссиановы», — писал он, восторгаясь этим творением в начале XIX века, почти сразу же после присоединения Грузии к России — в 1802 году.

...Шесть столетий длилась спячка обескровленной врагами Грузии. Теперь она снова — через Север — возвращалась к европейской цивилизации, с которой до нашествия монголов, на протяжении многих веков была связана с Юга.

«Витязь в тигровой шкуре» написан накануне роковой катастрофы, постигшей Грузию в «золотой век» ее истории, когда эта небольшая, но могущественная феодальная страна была в зените своего политического, экономического и духовного возрождения. А назавтра, сразу же после появления этой книги, Грузия была оторвана от внешнего мира и на протяжении веков оставалась похожей на закрытый концентрационный лагерь, за кордонами которого почти никто не знал, что происходило в этой когда-то прославленной своей высокой культурой стране.

Да и в XIX столетии, несмотря на то, что поэма Руставели была уже замечена и многие пытались хотя бы частично познакомить с нею человечество, «Витязь в тигровой шкуре» оставался все же тайной для иностранного читателя.

Лишь в конце XIX столетия и в начале нашего века тайна эта была открыта миру: «Как Гомер есть Эллада, Данте — Италия, Шекспир — Англия, Кальдерон и Сервантес — Испания, Руставели есть Грузия... Народ, если он великий, создаст песню и выносит в лоне своем мирового поэта. Таким венценосцем в веках, еще доселе не узнанный русскими, был избранник Грузии, Шота Руставели, давший в XII веке своей родине знамя и зов — «Вепхисткаосани» — «Носящий барсову шкуру». Это лучшая поэма любви, какая когда-либо была создана в Европе, радуга любви, огневой мост, связующий небо и землю».

Эти слова принадлежат переводчику «Витязя в тигровой шкуре» на русский язык, поэту Константину Бальмонту. Вот как он вспоминает первую встречу с Руставели: «Я впервые узнал Руставели в океанском просторе, невдали от Канарских островов, на английском корабле, носившем имя красиво-мудрой богини Афины, где я познакомился с Оливером Уордропом, который дал мне прочесть, находившийся при нем в корректурах, английский перевод «Барсовой шкуры», сделанный с великой любовью его сестрой Марджори Скотт Уордроп. Прикоснуться к грузинской розе в просторе океанских зорь, при благом соучастии Солнца, Моря, Звезд, дружбы и любви, и диких вихрей, и свирепой бури, это — впечатление, которого забыть нельзя».

Первый полный, высоко поэтичный перевод Бальмонта, который еще в 1916 году начал публиковаться в периодической печати, сыграл исключительно важную роль в деле ознакомления мировой общественности с поэмой Руставели.

Английская писательница Марджори Скотт Уордроп посетила Грузию в 90-х годах прошлого столетия. Выдающийся грузинский поэт и обще-

ственный деятель Илья Чавчавадзе познакомил ее с поэмой Руставели. Восхищенная этим творением, она усердно взялась за изучение грузинского языка, и в 1912 году английская общественность узнала Шота Руставели по этому прозаическому переводу.

Так зазвучала почти одновременно на двух языках мира эта древнейшая грузинская поэма.

* * *

Начиная разговор о «Витязе в тигровой шкуре», в первую очередь необходимо коснуться вопроса о личности автора. Кем был Шота Руставели? Имеются ли о нем какие-либо данные в грузинской историографии?

Исторические сведения о Грузии и грузинском народе встречаются еще в источниках «отца истории» Геродота. До него Гомер, воспевая Троянскую войну, упоминает о грузинском племени — халибах, затем описание государства Иберии и древней Колхиды встречаются у Страбона и у многих греко-римских авторов.

Во всемирной истории эпоха Руставели—это время, когда на Востоке, в степях, опаленных жгучим солнцем Средней Азии, будущие полководцы Джебе и Субэтэй проходят военную подготовку, состязаясь на вороных и вонзая в цель свои стрелы. На раскаленном небе Монголии собираются кровавые тучи; на Западе — бушует третий крестовый поход и грозный Саладин, поразив у Тивериадского озера рыцарей Европы; вступает в Иерусалим.

С этими двумя важнейшими процессами связано не только политическое и духовное будущее Грузии, но и сама биография Руставели.

А пока в его стране — «золотой век». На престоле — прославленная своим умом и красотой царица Тамар (1184—1213). Ее государство едино и могущественно. Основу этому заложил ее великий предок, прадед Давид Строитель (1089—1125). Воспользовавшись крестовыми походами, он изгнал с территории своего государства арабов и турок после трехсотлетнего их владычества.

Возрожденная Грузия тесно связана с западной и восточной культурой. Именно в эту эпоху «иранская литература встречалась с северной, европейской, Лейли с Изольдой, Будда с легендой об Агасфере. Грузия была родиной встречи двух культурных потоков, стремившихся друг к другу, и героем этой встречи, человеком удивительного песенного дара, ума и страсти, стал Руставели» (Н. Тихонов).

История не сохранила точных сведений о великом грузинском поэте, но по «Витязю в тигровой шкуре» и некоторым историко-литературным документам, которыми мы сегодня располагаем, можно составить определенное представление о личности автора и о времени создания его гениальной поэмы.

Время жизни Шота Руставели и период создания поэмы, по описанным в ней событиям, точно совпадают с эпохой царицы Тамар вплоть до конфликтов династий, которые являются отражением придворных столкновений данной эпохи.

Автор, к счастью, не раз говорит в поэме и о себе, представляя себя как Руставели, или, точнее, как он сам пишет, «Руствели». «Это древнее сказанье, я, чье имя Руставели, нанизал, как цепь жемчужин, чтоб его стихами пели».

Поэт сам говорит о Тамар:

Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!
Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.

А строки «страсть любви меня, миджнура, к этой повести склонила» и «пораженный ею в сердце, я горю в огне горнила» ясно указывают на безответную любовь поэта к царице. Некоторые грузинские ученые-руствелологи считают переданный в поэме любовный конфликт отражением личных отношений поэта и царицы. Возможно, здесь и есть отдельные совпадения, но для научного доказательства мы не располагаем соответствующими историко-биографическими документами.

Правда, у нас нет и точных исторических сведений, касающихся личности Руставели, но биография царицы Тамар достаточно полно передана в старой грузинской историографии («Картлис цховреба») и особенно в рассказах личного историка и придворного наставника царицы — «Басилия».

В исторических источниках XII—XIII веков и старинных грамотах фигурируют несколько личностей с именем Шота. Не является ли один из них поэтом? Вот вопрос, который давно занимает грузинских ученых. Они принимают за Руставели то одного, то другого Шота. (Лишь после изучения Иерусалимской фрески с изображением Шота спор об этом можно в какой-то степени считать законченным.)

И все же, кем был Шота — стихотворец родом из Рустави?

Не шесть городов, но два населенных пункта в Грузии объявили себя родиной поэта. Первый — город в двадцати километрах от столицы Грузии Тбилиси, ныне крупный металлургический центр, известный во всем Советском Союзе,— Рустави. Восемь столетий назад он был большим административным, экономическим и культурным центром Грузии.

В 1265 году Рустави окончательно был разрушен монголами. Интересная картина предстала перед строителями сегодняшнего Рустави во время расчистки одной из развалин. На полу был обнаружен обезглавленный скелет молодой девушки, поодаль лежал ее череп. В руках у девушки был топор. По-видимому, она оборонялась от ворвавшегося в дом воина.

В это время и снесла ей голову острая сабля монгола. Рядом со скелетом девушки были найдены останки преданной ей собаки.

В этот же день, семьсот лет назад, монголы обезглавили и город, который считает себя родиной Шота Руставели.

Второй Рустави — маленькое село на юге Грузии, расположенное на границе с Турцией. Иначе еще этот уголок называют Месхетией. Здесь расположен сооруженный в XII веке город в скале — Вардзия, пещерный комплекс светского и культового назначения, с замечательными фресками с изображениями царицы Тамар и членов ее семьи. Тут же находятся высеченные в скалах в XIII веке многоярусные «Ванские пещеры», крепость Тмогви, отсюда был родом Саргис Тмогвели, автор «Диларгетиани», упоминаемый в «Витязе в тигровой шкуре». Здесь же расположена Хертвисская крепость и многие другие исторические памятники, которые сыграли большую роль в политической и культурной жизни древней Грузии. Месхетия дала нашей культуре многих выдающихся деятелей, писателей, ученых, художников, философов. Имя «Шота», как утверждают ученые, особенно было распространено в данной провинции в X—XII веках.

По традиционным преданиям, Шота Руставели выходец из этого уголка южной Грузии. Многие ученые считают сегодня, что Шота Руставели — из Месхетского Рустави, Шота Руставели — месх.

Но какой Шота из упоминаемых в исторических источниках является поэтом? Большинство грузинских литературных источников автором поэмы называют «Шота», занимавшего при дворе царицы Тамар пост казначея.

По традиционным народным преданиям, Руставели являлся министром царицы. Он получил образование сначала на родине, в Грузии, в Гелатской или Икалтойской академии, затем продолжил занятия в Греции в Афинах или на горе Олимп, где в те времена обучались многие грузины. Поэт блестяще овладел греческим, арабским и персидским языками. Глубоко изучил литературу и философию этих стран, после чего получил высокую должность при дворе царицы Тамар.

И действительно, судя по поэме, Руставели великолепно знал античную философию, Гераклита, Эмпедокла, но, как утверждают сегодня многие грузинские ученые, главный его идейный арсенал — переработка идей античности в произведениях грузинских мудрецов-мыслителей: Петра Ивера, Иоанэ Лаза, Иоанэ Москва (Месха), Ефрема Мцыре и Иоанэ Петрици.

Академик Н. Я. Марр утверждал еще в ранних своих работах, что грузины X—XI веков изучали те же проблемы, которые интересовали в ту эпоху самые передовые умы христианских стран Запада и Востока и что европейцев они опередили в том отношении, что раньше других смогли откликнуться на новые философские течения и обладали образцовым для тех времен критицизмом мышления.

По этим же источникам и по народным преданиям, Шота Руставели много путешествовал по свету, что видно и из «Витязя в тигровой шкуре», а в старости отправился в Палестину, и там, в Иерусалиме, поэта настигла смерть.

Сегодня уже научно доказано, что Руставели был министром финансов при дворе царицы Тамар. У наших ученых имеются все необходимые документы для подтверждения этого факта.

Как известно, еще в V веке грузины основали в Палестине Крестовый монастырь, где на протяжении двенадцати веков они вели большую просветительную и культурную работу, пока в XVII веке монастырь не захватили греки. На протяжении веков там писалась история самой обители, составлялись сведения о ее деятелях, имена которых вносились в «Поминальную книгу».

Сотни томов на грузинском, греческом и других языках, которыми пользовались в то время грузины в Палестине, в том числе «Поминальная книга» и святцы, перешли в собственность греческой церкви и находятся в книгохранилище греческого патриарха в Иерусалиме.

Грузинские ученые располагают лишь некоторыми микрофотокопиями, среди них святцами. В указанной копии говорится: «И в этот же понедельник поминки казначея Шота». Эта запись относится к первой четверти XIII века.

На протяжении столетий на родине поэта ученые ничего не знали об этом.

В середине XVIII века грузинский общественный деятель Тимоте Габашвили посетил и описал грузинские древности Палестины, и среди них иерусалимский Крестовый монастырь. Им была написана книга «Путешествие», в которой, между прочим, говорилось: «Ниже купола, колонны обновил и расписал... Шота Руставели, казначей, где сам он тоже изображен стариком». Габашвили высказал предположение, что казначей Шота должен был быть поэтом Шота Руставели. Предположение о том, что Руставели является министром финансов, Габашвили строил на основе традиционных народных легенд.

Кем были разрушены купол и колонны монастыря, восстановленные и расписанные при содействии Шота Руставели, и когда это произошло?

Крестовый монастырь на протяжении своей истории несколько раз был разрушен и восстановлен, отремонтирован и реконструирован. Можно предположить, что Шота Руставели приехал в Палестину после разрушения и взятия Иерусалима, во время третьего крестового похода, египетским султаном Саладином. У наших ученых имеется документ, составленный арабским историком Ибн-Шедедом, в котором говорится что, когда в 1187 году египетский султан Саладин взял Иерусалим, к нему отошел и Крестовый монастырь. Грузинская царица Тамар предложила за обитель

выкуп в двести тысяч динаров. Некоторые исследователи предполагают, что царица послала в Иерусалим с этой миссией своего министра финансов.

Руставели принимал участие в восстановлении разрушенных Саладином стен и колонн грузинской обители в Палестине. В знак благодарности Шота сам был изображен на одной из колонн монастыря. Руставели нарисован здесь в светском костюме, коленопреклоненный, рядом со святым Иоанном Дамаскином, прославленным поэтом христианства в средние века, и Максимом Исповедником, разработавшим христианскую философию и теологию на основе неоплатонизма. Интересно и то, что Максим Исповедник в VII веке открыл путь учению Дионисия (Ареопагита), который считался в средние века неоплатоником, хотя и был ортодоксальным христианином. Дионисий упоминается в «Витязе в тигровой шкуре» как «Дивнос», все его мышление христианско-философское, и, как утверждают наши ученые, это мировоззрение питает и поэму «Витязь в тигровой шкуре». Возможно, Шота лично выбрал место для своей фрески между этими двумя святыми. Обо всем этом стало известно в последние годы, когда наши ученые получили из Палестины портрет Шота.

Дело в том, что фреска Руставели, о которой писал еще в середине XVIII века Тимоте Габашвили, а в XIX веке члены научной экспедиции, исчезла в конце прошлого столетия, и приезжавшие в Палестину грузинские ученые ее уже не находили. Сколько тайн было погребено вместе с портретом! Ведь все сказанное выше выяснилось после нового открытия фрески. Неизвестно, куда мог исчезнуть портрет. Об этом факте с печалью сообщали нам в конце прошлого и в начале нашего столетия грузинские путешественники в Палестину. И действительно, фреска, казалось, окончательно была утеряна.

Этот вопрос встал передо мной десять лет назад, когда родилась идея о праздновании юбилея Руставели. Я твердо решил выяснить вопрос о портрете поэта в Палестине.

Наша экспедиция, в которую вошли академики АН Груз. ССР Акакий Шанидзе, Георгий Церетели и я, прибыла в Палестину осенью 1959 года. В книге «Палестинский дневник» я подробно описал научную деятельность нашей экспедиции, и заинтересованный читатель может обратиться к ней. Хочу отметить лишь, что после тщательного изучения нам удалось обнаружить портрет Руставели, который, к счастью, оказался не стертым, не был поврежден и находился под толстым слоем темно-черной краски. Греческие церковные лица систематически прибегали к таким операциям начиная с XVII столетия, для того чтобы стереть в старой грузинской обители всякий национальный след. Мы очистили эту фреску и ее копию привезли с собой на родину. Под портретом подпись — «Руставели». Палестинская фреска — драгоценнейший документ биографического характера,

касающийся великого грузинского поэта и мыслителя, которым мы сегодня располагаем. На основе портрета и Иерусалимских святцев окончательно доказано, что поэт Шота Руставели и упоминаемый в грузинских исторических источниках и народных легендах казначей Шота — одно и то же лицо.

* * *

Подлинник «Витязя в тигровой шкуре» утерян. Может быть, он превратился в пепел в то время, когда грозный Джалал-ад-дин в 1225 году сжег Тбилиси, или позже, при аутодафе христианских рукописей, устроенном монголами на площадях Тбилиси. Возможно, он был изорван в клочья во времена набегов персидских кизилбашей и турецких аскеров. Многое было уничтожено и потеряно для Грузии в эти черные времена.

Мы в стихах Мосэ Хонели Амирана узнаем.
Прочитав «Абдул-Мессию», дань Шавтели воздаем.
Диларгета пел Тмогвели, сожигаемый огнем...—

сообщает Руставели в своей поэме. Куда исчезли эти творения: «Абдул-Мессия», «Диларгетиани» и многие другие. Их поглотили черные волны истории. Отыскать эти литературные памятники нам не удалось и по сегодняшний день, их след остался лишь в фольклоре в виде отдельных осколков, подобно величественным развалинам архитектурных памятников, разбросанных по всей территории Грузии. Большое счастье, что в этом огне уцелел «Витязь в тигровой шкуре».

Самая древняя рукопись бессмертного творения Шота Руставели, которой мы сегодня располагаем, датирована 1646 годом. Некоторые более ранние записи сохранились в виде отрывочных фрагментов, но и они относятся к XV веку. Одна из них, буквально в несколько строк, обнаружена недавно при комплексных раскопках и изучении «Ванских пещер». На скале найдена надпись, принадлежащая руке поэтессы Анны Рчеулишвили. Она говорит о своих страданиях словами из «Витязя в тигровой шкуре»:

В башне я сижу высокой вдалеке от всех людей.

Благодаря усердной исследовательской работе обнаружено более ста пятидесяти рукописей «Витязя в тигровой шкуре», которые находятся сейчас в наших хранилищах. Но не все из них могут быть использованы для научной работы [1].

«Витязь в тигровой шкуре» впервые был напечатан и издан в 1712 году по инициативе и под редакцией основателя грузинской типографии царя Вахтанга. Он, видимо, изучил древние рукописи поэмы, которых в его

[1] Об истории текста поэмы см.: С. С. Цаишвили, «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, изд. «Художественная литература», М. 1966, стр. 117—128.

время было намного больше и которые, как видно, относились к более раннему периоду. На основе этих рукописей Вахтанг отредактировал текст поэмы и научно обработал его.

На протяжении столетий, при отсутствии оригинала, текст «Витязя в тигровой шкуре» в руках переписчиков постоянно менялся. Многие «украшатели» включили в содержание поэмы по своему желанию или по желанию заказчиков новые места. В XVI веке в грузинской культуре и литературе начинается определенное оживление. В это время безгранично растут популярность и влияние «Витязя в тигровой шкуре». Переписчики поэмы включают в нее различные сюжетные варианты, интерполяторы продолжают исправлять ее и стараются идейно выправить в соответствии с учением христианской религии. Поэтому во многих рукописях извращен первичный текст поэмы. Так что в последующие столетия поэма все больше и больше «обогащалась». Много пришлось поработать первому ее редактору, чтобы очистить от явных вставок и «чтобы мутное превратить в чистое». После Вахтанга большую работу для установления текста поэмы проделал великий грузинский писатель и общественный деятель XIX века Илья Чавчавадзе. Но и сегодня еще ведется работа над восстановлением ее окончательного научного текста.

Через огонь веков, как «Знамя и зов», пронес грузинский народ свое любимое творение — «Витязь в тигровой шкуре», создатель которого, «проведя своих любящих через всевозможные пытки, им дает в жизни засиять таким блеском, что умереть они уже не могут никогда. В этом такое же преимущество грузинского гения над его европейскими современниками и певцами позднейшими, как среди драматических гениев индус Калидаса выше своею «Сакунталой»,— где в конце концов колдований, дьявольских колдований смерти нет,— и есть полная гармония счастья,— выше и совершеннее любого гения Европы...» (К. Бальмонт).

Народ почувствовал душу и философскую суть поэмы. Да, почувствовал и признал ее самым дорогим кладом в своей духовной сокровищнице. Под этим «знаменем» и по этому «зову» шли наши предки вперед в труде и оборонительных боях, бережно храня в памяти слова поэта:

Есть ли кто презренней труса, удрученного борьбой,
Кто теряется и медлит, смерть увидев пред собой?
Чем он лучше слабой пряхи, этот воин удалой?
Лучше нам гордиться славой, чем добычею иной.

Характерно, что в неприступных горах Грузии были и есть люди, которые знают наизусть все полторы тысячи строф поэмы Руставели. Знаменательно и то, что самым ценным приданым для невест на протяжении многих веков считался «Витязь в тигровой шкуре». Каждый грузин вместе со «Святым писанием» клал у своего изголовья «Витязя в тигровой шкуре».

Иностранные путешественники считали даже, что у грузин два бога — Христос и Руставели. Этого не могли простить поэту клерикалы, и в

последующие века начинаются гонения на человека, который был изображен в свое время на стене самого святого места христианства — иерусалимского Крестового монастыря. Имеются сведения о том, что в XVIII веке духовные лица выбросили в Куру чуть ли не весь тираж первого издания поэмы.

Церковникам не нравилось и то, что воспетая в поэме повесть о любви разворачивается не в христианских, а магометанских странах, в основном в Аравии и Индии. Но, несмотря ни на что, «Витязь в тигровой шкуре» победоносно прошел через века и победоносно шагает сегодня навстречу будущему.

* * *

Первым признаком человеческой натуры и человечности Руставели считал любовь. Его бессмертная поэма — это гимн любви, а лейтмотивом ее с руставелевским лаконизмом и философской глубиной звучит провозглашенная вечная истина — «Возвышает человека лишь любовь».

Заглянем в заветные страницы «Витязя в тигровой шкуре».

Но сначала хоть в самых общих чертах уясним себе, на какой основе, на какой почве, в какой духовной атмосфере возникла эта великая поэма.

Культуру Грузии руставелевской эпохи определяли гуманистические идеалы и устремления. И, окидывая взглядом эту эпоху, может создаться даже впечатление, будто силы, творившие грузинскую культуру предруставелевского периода, как бы торопились возвести стены ее величественного здания, дабы Руставели успел увенчать ее блистательным куполом всего лишь за несколько десятков лет до роковой катастрофы, разразившейся над его родиной.

Речь идет о поразительной интенсивности, насыщенности и творческой напряженности культурного строительства в Грузии. Во всяком случае, то, что Грузия успела создать после принятия христианства на протяжении IV—XII веков в условиях непрекращающихся оборонительных войн и под постоянной угрозой гибели, требовало (по всем мыслимым масштабам) гораздо большего исторического периода.

Алексей Толстой говорит: «Во время поездок в Грузию я осматривал памятники грузинской архитектуры, фрески и т. д. Я должен сказать, что, когда я увидел эти памятники X и XI веков, я убедился, что Грузия создала все предпосылки Ренессанса и создала творения, равные Джотто за два столетия до Джотто».

Интенсивная культурная деятельность охватила буквально все сферы жизни грузинского народа, особенно это относится к художественной литературе.

Уже в первых агиографических сочинениях, а вскоре и в духовной поэзии, историографических и философских произведениях дали себя знать и явственно обнаружились аспекты, как раз и подразумевающие

интерес к человеку в совокупности его духовного и телесного бытия. На передний план стали выдвигаться мотивы восхищения красотой человека, любви, возвышающей его, поиски истины.

Не было случайным для грузинской литературы того времени глубокое и доскональное изучение трудов Аристотеля и Платона и, наконец, возникновение в недрах духовной литературы в V веке высокоразвитой изящной словесности, которая создавалась на богатейшем литературном языке.

Грузинская культура XII века отличается особым многообразием и богатством. В Грузии функционируют две академии — Гелатская и Икалтойская, в которых слушатели получают универсальное образование, а сами они являются крупными центрами научно-философской мысли.

Добавим к этому, что в Грузии в силу ее географического местоположения, как об этом уже было сказано, осуществлялся высокий синтез западной и восточной культур.

Все же это были фундамент и стены величественного здания, которое так и осталось бы незавершенным, если бы Грузия не обрела Руставели.

Руставели завершил и с могучей силой выразил тот высокий человеческий идеал, о котором мог лишь мечтать средневековый мир, да и только ли средневековый? Руставели поднял на недосягаемую высоту для своей эпохи и для более поздних времен имя человека.

Всем известно, что явилось тем гордиевым узлом, развязать который никак не смогло средневековое мышление — религиозное, философское или художественное. Это была образовавшаяся в познании пропасть между богом и действительным миром, между создателем и созданием. Тщетно трудились над разгадкой этой тайны лучшие умы средневековья, но итог был всегда одним и тем же: истинно лишь божество, сотворенный же мир — лишь видимость, обитель зла и достояние сатаны.

Зачарованно взирало человечество на эту бездну, на два берега этой роковой пропасти, не находя выхода, и если философы и обрели надежду, лишь уповая на «тот берег», повернувшись спиною к земному, судьба художников и поэтов была куда более сложной и тяжелой, ибо по самой сути своего творчества она была здесь, в этом мире, на земном берегу, а религия и философия внушали, что истинно лишь потустороннее существование, а все земное достойно отрицания и осуждения. И это ощущение отсутствия выхода из духовного тупика накладывало тяжелый и мрачный отпечаток на творения художников средневековья.

Такой представляется духовная атмосфера той эпохи, того мира, которому суждено было стать свидетелем жизни Руставели.

Одно предварительное замечание: допустим на мгновение, что мы ничего не знаем о мировоззрении Руставели, что мы не изучили его поэму с этой точки зрения. Но каждому, хоть раз ее прочитавшему, становится ясным, что поэт, каким он предстает перед нами с ее страниц, даже по чисто

психологическому своему складу и душевному облику никак не может быть последователем какой-либо дуалистической концепции.

Для автора «Витязя в тигровой шкуре» немыслим раздвоенный, разобщенный, разорванный мир, как немыслимы для него герои с раздвоенной душой, с расщепленной натурой. Персонажи «Витязя в тигровой шкуре» монолитны и цельны. Они будто высечены из огромных цельных горных глыб. Даже потерявший надежду на встречу с любимой, отчаявшийся и дошедший до грани безумия, бежавший от жизни и уединившийся в пустыне Тариэл не перестает быть цельной натурой, ибо в создавшейся ситуации и в предлагаемых ему судьбой обстоятельствах он, именно как цельная натура, иначе не мог действовать, мыслить, переживать.

Из сказанного видно, что Руставели стоит на позиции монизма. Но каков характер этого монизма? Можем ли мы предположить, что Руставели преодолел дуализм своей эпохи, просто-напросто сняв вопрос о потустороннем мире, о самом существовании «того берега»? В нашей науке высказывалась и такая точка зрения. Утверждалось, что Руставели поглощен лишь земным миром, что сфера его интересов принципиально не выходит за грани земного.

Думается, что такая постановка вопроса и такое его решение означали бы искусственное упрощение проблемы. Не следует пренебрегать историческим подходом к сложной проблеме и не стоит приписывать поэту XII века выводов, в которых человечество окончательно стало утверждаться лишь на протяжении последнего столетия: не надо путать свободу и раскрепощенность мысли с атеистическими и материалистическими ее рубежами. Для XII века эти рубежи начисто были исключены. Сложные же явления культуры и философской мысли следует объяснить, исходя из законов, в них же заложенных, а не навязанных им извне, хотя бы с самой передовой и с самой новейшей точки зрения и с самыми лучшими и благими намерениями.

Нет, Руставели, в отличие от неизмеримо более поздних выводов человеческого разума, вовсе не снимал проблемы «того берега», но, вопреки и наперекор господствующей в его эпоху традиции, не отворачивался от реальности «этого берега» даже теоретически. И, несмотря на это видимое противоречие, Руставели сумел преодолеть эту пропасть. Каким же образом?

Пропасть была побеждена тем, что она сама (а не сотворенный мир) была объявлена злом, которое, согласно руставелевской концепции, иллюзорно. Это лишь видимость, разделяющая пропастью создателя и создание. Тот, кто желает приобщаться к богу, должен победить зло, доказав иллюзорность пропасти, разделяющей творца и человека. Лишь активная борьба со злом даст возможность приобщиться к всевышнему.

Мир сотворен богом не для того, чтобы сделать его обителью зла. Земля, украшенная несравненной и многоцветной красотой, создана для

людей, ибо человек сам причастен к божеству, он сам его частица, его порождение, без него немыслимы единство и гармония мира.

Любовь, согласно руставелевской концепции, уже в земном мире способна приобщить человека к высшей гармонии и тем самым приблизить к божественному. Разум же дан человеку, чтобы тот познал сотворенный для него мир и сделал свое познание орудием достижения высшей цели. Для истинного мудреца не существует разделяющей небо и землю пропасти, он знает, что не мир, а эта пропасть иллюзорна. Кажущееся сущим зло порождено лишь невежеством и преодолевается активным познанием, которое не должно остаться «мудростью в себе», а должно быть целиком направлено к утверждению добра, к высшей цели приобщения к богу, высшему строю и гармонии.

В этом — принципиальная разница между мировоззрением Руставели и традиционным средневековым мышлением.

Руставели считает, что мир создан богом для человека, а сам человек частица божества. Поэтому человеку предназначено жить, творить и действовать, а не пребывать в плену зла. Мир освещен солнцем, а солнце — это видимый образ творца. И источник земного света — само божество.

Поэт убежден: надо любить реально существующую личность, а не безжизненный символ божества. Любовь приобщает к высшей гармонии, так как любовью побеждается зло, рушатся оковы и рассеивается иллюзия разобщенности создателя и человека.

Руставели знает, что для постижения высшей истины человеку не следует ждать в мистическом экстазе небесного озарения. Творец одарил человека разумом для воплощения в нем своей же природы. Бог и человек едины благодаря разуму, и именно поэтому и возможности человеческого разума безграничны.

Для утверждения своих философско-этических идей Руставели вовсе не нужно было выходить за рамки христианского учения. Объективному искателю истины эти принципы вполне могли открыться в самом религиозном вероучении. Тем более могли постичь их интуиция и мудрость гениального поэта. Не исключено и то, что Руставели увидел и познал в христианских идеях неизмеримо большее, чем это было доступно церковным толкователям. Разумеется, все эти истины не отчеканились бы в сознании поэта с такой явностью и стройностью без философского опыта Псевдо-Дионисия Ареопагита.

Раз уж была преодолена пропасть разобщенности между творцом и сотворенным и выявлены силы, непосредственно возвышающие до божественного совершенства (любовь и мудрость), то должно стать ясным, что деятельность человека ценна для существования — как божественного, так и земного. А отсюда уже вытекает важнейший вывод: земная деятельность человека, стремящегося приобщиться к богу, отнюдь не суета и тщета в якобы суетном мире (как это утверждалось и мыслилось по сред-

невековой традиции), а неотъемлемая часть неотвратимого процесса развития и движения единого мироздания. И в конечном итоге эта земная человеческая деятельность сама оказывается сопредельной божественному деянию. Но, разумеется, божественным может оказаться лишь то дело, которое уже направлено самой деятельной личностью, преисполненной любви и мудрости к высшей цели, к божественному идеалу. Что же касается существования, не освещенного светом любви и разума, то оно обречено на прозябание и муки в плену у зла, в сфере, где все недолговечно, иллюзорно и преходяще, бесплодно и недееспособно. В этой сфере с неумолимой жестокостью действуют все законы земной жизни в целом, но действующие лишь во мраке нелюбви и неразумения, ибо, как мы знаем, согласно важнейшему философско-этическому выводу Руставели — «Зло мгновенно в этом мире, доброта же неизменна!»

Вот почему, говоря о том, что Руставели поднял человека на недосягаемую высоту, имеют в виду идею человечности, а не просто любого человека. Тариэл и Автандил, Нестан и Тинатин, а также их друзья — живое воплощение этой идеи. Они поистине венцы творения, цари природы, владыки духа.

Именно этим объясняется и постоянное сравнение героев поэмы с солнцем, а зачастую и олицетворение их в образе солнца.

Переходя к общей художественной характеристике поэмы, следует обратить внимание на одно обстоятельство. Архитектоника «Витязя в тигровой шкуре» весьма сложна. Поэма задумана и воплощена в нескольких планах. Но характерно, что каждый из них разработан с одинаковой доскональностью и последовательностью. Эти планы взаимопроникаемы, и лишь скрупулезнейший анализ способен изолировать их и расчленить.

Думается, в истории мировой литературы буквально по пальцам можно перечесть столь совершенно построенные произведения, как поэма Руставели. Но и это не главное. Главное то, что таким образом задуманная и созданная поэма подразумевает необычайно широкий круг читателей. И «Витязь в тигровой шкуре» всегда был одинаково близок и дорог как умудренному знаниями человеку, так и простому труженику. Каждый из них находил, вычитывал и обретал в поэме то, что именно ему было близко, понятно и дорого. И каждый воспринимал и постигал ее идею, которая сегодня особым светом светит нам, ее читателям, число которых — миллионы. Идея эта проста и велика. Руставели напоминает нам, современникам, что величайшей ценностью мира является человек, и только человек; что он должен быть прекрасен и гармонически совершенен. Прекрасными должны быть его душа и тело, разум, чувство и деяния. Человек призван, а значит, и обязан, выработать в себе такую волю, чтобы и мысли и действия свои направлять только к добру, только к высоким делам.

Но Руставели предупреждает нас и о том, что для подлинного величия человека, для возвышения его до высоты, его достойной, мало созер-

цательного и пассивного гуманизма, хотя бы самого прекраснодушного и благого по намерениям. Ведь благими намерениями, как говорится, вымощен ад. Лишь активность (и активность, если нужно, героическая и самоотверженная), вечное, непреклонное и неустанное деяние способно попрать на земле зло и гарантировать торжество добра. «Зло убито добротою, доброте же нет предела!» Вот что делает человека человеком, вот что гарантирует торжество такого миропорядка, при котором царит подлинная гармония.

Для того чтобы вызволить из плена Нестан-Дареджан, необходимо было выдержать неимоверные испытания, вытерпеть нестерпимые муки, преодолеть непреодолимые препятствия и совершить нечеловеческие подвиги, почти немыслимые для простых смертных. И в этом сказался нравственный максимализм Руставели, который не унизил своих героев мелочностью задач, трудностей и препятствий. Но если даже оставить в стороне эту символику, заключенную в повести о пленении и освобождении Нестан, и прочесть поэму Руставели в чисто современном и наиболее интересующем нас аспекте, то нам откроется все та же мудрость, которая лежит и в основе любого плана этой многосложной поэмы: зло может быть повержено лишь активной силой торжествующего добра и добро может воцариться на земле лишь в его непримиримом и победоносном столкновении со злом.

Вот почему было суждено «Витязю в тигровой шкуре» стать бесценным сокровищем народа, вот почему поэма эта вечно пробуждала и поддерживала веру человека в свои силы, в торжество добра.

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Тот, кто силою своею основал чертог вселенной,
Ради нас украсил землю красотою несравненной.
Животворное дыханье даровал он твари бренной.
Отражен в земных владыках лик его благословенный.

Боже, ты единый создал образ каждого творенья!
Укрепи меня, владыка, сатане на посрамленье!
Дай гореть огнем миджнура до последнего мгновенья!
Не карай меня по смерти за былые прегрешенья!

Лев, служа Тамар-царице, держит меч ее и щит.
Мне ж, певцу, каким деяньем послужить ей надлежит?
Косы царственной — агаты, ярче лалов жар ланит.
Упивается нектаром тот, кто солнце лицезрит.

Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!
Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.
Мне пером была тростинка, тушью — озеро агата.
Кто внимал моим твореньям, был сражен клинком булата.

Мне приказано царицу славословить новым словом,
Описать ресницы, очи на лице агатобровом,
Перлы уст ее румяных под рубиновым покровом,—
Даже камень разбивают мягким молотом свинцовым!

Мастерство, язык и сердце мне нужны, чтоб петь о ней.
Дай мне силы, вдохновенье! Разум сам послужит ей.
Мы прославим Тариэла, утешителя людей,
Трех героев лучезарных, трех испытанных друзей.

Сядем, братья, и восплачем о несчастном Тариэле!
Скорбь о нем копьем печали ранит сердце мне доселе.
Это древнее сказанье я, чье имя Руставели,
Нанизал, как цепь жемчужин, чтоб его стихами пели.

Страсть любви меня, миджнура, к этой повести склонила:
Та, кому подвластны рати, для меня светлей светила.
Пораженный ею в сердце, я горю в огне горнила.
Коль не сжалится светило, ждет безумного могила.

Эта повесть, из Ирана занесенная давно,
По рукам людей катилась, как жемчужное зерно.
Спеть ее грузинским складом было мне лишь суждено
Ради той, из-за которой сердце горестью полно.

Ослепленный взор безумца к ней стремится поневоле.
Сердце, сделавшись миджнуром, в отдаленном бродит поле.
Пусть она спасет мне душу, предавая плотской боли!
Как воспеть мне трех героев, если сил не станет боле?

Что кому дано судьбою — то́ ему и утешенье:
Пусть работает работник, воин рубится в сраженье,
Пусть, безумствуя, влюбленный познает любви лишенья,—
Не суди других, коль скоро сам боишься поношенья!

Стихотворство — род познанья, возвышающего дух.
Речь божественная с пользой услаждает людям слух.
Мерным словом упиваться может каждый, кто не глух.
Речь обычная пространна, стих же краток и упруг.

Испытаньем иноходцу служит дальняя дорога,
Игроку — удар искусный, если мяч рассчитан строго.
Для певца же дело чести — ширь стихов, богатство слога,
Он и сам коня осадит, увидав, что речь убога.

Если вдруг в стихотворенье речь становится невнятна,
Присмотреться стихотворцу и полезно и приятно:
Увидав свою ошибку, он попятится обратно
И, геройски в мяч ударив, победит неоднократно!

Кто два-три стишка скропает, тот, конечно, не творец.
Пусть себя он не считает покорителем сердец.
Ведь иной, придумав глупость, свяжет рифмою конец
И твердит, как мул упрямый: «Вот искусства образец!»

Небольшой стишок — творенье стихотворца небольшого,
Не захватывает сердца незначительное слово.
Это жалкий лук в ручонках у стрелочка молодого:
Крупных он зверей боится, бьет зверушек бестолково.

Мелкий стих подчас пригоден для пиров, увеселений,
Для любезностей веселых, милых шуток, развлечений.
Если он составлен бойко, он достоин одобрений.
Но певец лишь тот, кто создан для значительных творений.

Надо, чтобы стихотворец свой талант не расточал,
Чтоб единственно любимой труд упорный посвящал.
Пусть она в стихах искусных, пламенея, как кристалл,
Удостоится созвучий музыкальных и похвал.

Той, кого я раньше славил, продолжаю я гордиться.
Я пою ее усердно, мне ли этого стыдиться!
Мне она дороже жизни, беспощадная тигрица.
Пусть, не названная мною, здесь она отобразится!

Есть любовь высоких духом, отблеск высшего начала,
Чтобы дать о ней понятье, языка земного мало.
Дар небес, она нередко нас, людей, преображала
И терзала тех несчастных, чья душа ее взалкала.

Объяснить ее не в силах ни мудрец, ни чародей,
Понапрасну пустословы утомляют слух людей.
Но и тот, кто предан плоти, подражать стремится ей,
Если он вдали страдает от возлюбленной своей.

Называется миджнуром у арабов тот влюбленный,
Кто стремится к совершенству, как безумец исступленный.
Ведь один изнемогает, к горним высям устремленный,
А другой бежит к красоткам, сластолюбец развращенный.

Должен истинно влюбленный быть прекраснее светила,
Для него приличны мудрость, красноречие и сила,
Он богат, великодушен, он всегда исполнен пыла...
Те не в счет, кого природа этих доблестей лишила.

Суть любви всегда прекрасна, непостижна и верна,
Ни с каким любодеяньем не равняется она:
Блуд — одно, любовь — другое, разделяет их стена.
Человеку не пристало путать эти имена.

Нрав миджнура постоянен: не чета он блудодею,
Верен он своей любимой и скорбит в разлуке с нею.
Будь любимая сурова — он и так доволен ею...
В мимолетных поцелуях я любви не разумею.

Не годится звать любовью шутки взбалмошные эти.
То одна у ветрогона, то другая на примете.
Развлекаться столь беспечно лишь дурные могут дети.
Долг миджнура: если нужно, обо всем забыть на свете.

У влюбленного миджнура свой единственный закон:
Затаив свои страданья, о любимой грезит он.
Пламенеет он в разлуке, беспредельно исступлен,
Подчиняется смиренно той, в которую влюблен.

Тайну раненого сердца не откроет он другому,
Он любимую позорить не захочет по-пустому,
Он свои скрывает чувства, он к ее не ходит дому,
Он за счастье почитает эту сладкую истому.

Трудно верить в человека, коль о милой он бормочет.
Сам себе он вред приносит — что ж он попусту хлопочет?
Чем он милую прославит, если тут же опорочит?
Почему он сердцу милой причинить страданье хочет?

Не пойму я: чем притворство привлекает сумасброда?
Если он не любит деву, разве нет ему исхода?
Почему ж ее он хочет запятнать в глазах народа?
Но злодею злое слово слаще сахара и меда!

Плач миджнура о любимой — украшенье, не вина.
На земле его скитанья почитают издавна.
И в душе его, и в сердце вечно царствует одна,
Но толпе любовь миджнура открываться не должна.

НАЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О РОСТЕВАНЕ, ЦАРЕ АРАВИЙСКОМ

Жил в Аравии когда-то царь от бога, царь счастливый,
Ростеван, искусный воин и владыка справедливый.
Снисходительный и щедрый, величавый и правдивый,
Был он грозный полководец и мудрец красноречивый.

Кроме дочери, владыка не имел другого чада.
Дочь его звездой сияла и была ему отрада.
Славных витязей царевна с одного пленяла взгляда.
Чтоб воспеть ее достойно, мудрецов немало надо.

Тинатин ей дали имя. Лишь царевна подросла
И затмила свет светила блеском юного чела,
Царь собрал своих вазиров, знатоков добра и зла,
И завел беседу с ними про высокие дела.

Царь сказал: «Когда под старость сохнет роза, увядая,
Вместо этой старой розы расцветает молодая.
Вот и я не вижу света, меркнет взор, изнемогая.
Справедливого совета жду от вашего ума я.

Жизнь моя к концу подходит, старость хуже всякой боли.
Завтра, если не сегодня, я умру по божьей воле.
Для чего и свет, коль мрака не избегнуть в сей юдоли!
Пусть же дочь, мое светило, воцарится на престоле».

Но вазиры отвечали: «Царь, с ущербною луной,
Как бы звезды ни сияли, не сравниться ни одной.
Увядающая роза дышит слаще молодой.
Что ж ты сетуешь на старость и зовешь ее бедой?

Нет, не вянет наша роза, не тверди нам, царь, об этом!
Но совет твой, даже худший, не чета другим советам.
Делай так, как ты задумал, коль другой исход неведом.
Пусть воссядет на престоле та, чей лик сияет светом!

Хоть и женщина, но богом утверждается царица.
Мы не льстим: она способна на престоле потрудиться.
Не напрасно лик царевны светит миру, как денница:
Дети льва равны друг другу, лев ли это или львица».

Сын вельможи-полководца, сам прославленный спаспет,
Автандил-военачальник был в расцвете юных лет.
Стройный станом, почитался он соперником планет,
Но ресницы сонцеликой довели его до бед.

Затаив любовь к царевне, он страдал, испепеленный.
Розы щек его бледнели в тишине уединенной,
И росло при каждой встрече пламя страсти затаенной...
Сколь достоин сожаленья унывающий влюбленный!

В день, когда решилось дело с солнцеликою царевной,
Боль души его сменилась светлой радостью душевной.
Он сказал: «Теперь все больше, с каждой встречей
ежедневной
Буду я освобождаться от судьбы моей плачевной».

Ростеван по всей державе разослал такой указ:
«Тинатин на царском троне будет править вместо нас.
Пусть она сияет миру, словно царственный алмаз!
Дочь-царицу славословить приходите в добрый час!»

И сошлись к царю арабы, и приехали вельможи,
И Сограт, вазир любимый, с Автандилом прибыл тоже,
И, когда они воздвигли трон, устроенный пригоже,
Весь народ сказал в восторге: «Нет цены ему, о боже!»

И когда на трон царевну царь возвел пред всем собором,
И когда ее венчал он дивным царственным убором,—
С царским скипетром, в короне, восхваляемая хором,
На людей смотрела дева вдохновенно-кротким взором.

И склонились перед нею все собравшиеся ниц,
И признали эту деву величайшей из цариц,
И ударили кимвалы, и, как крылья черных птиц,
Все в слезах, затрепетали стрелы девичьих ресниц.

Ей казалось: трон отцовский отдан ей не по заслугам,
Потому в слезах томился садик роз, взращенный югом.
Царь сказал: «Отцы и дети, мы царим здесь друг за другом.
Не отдав тебе престола, был бы я убит недугом!

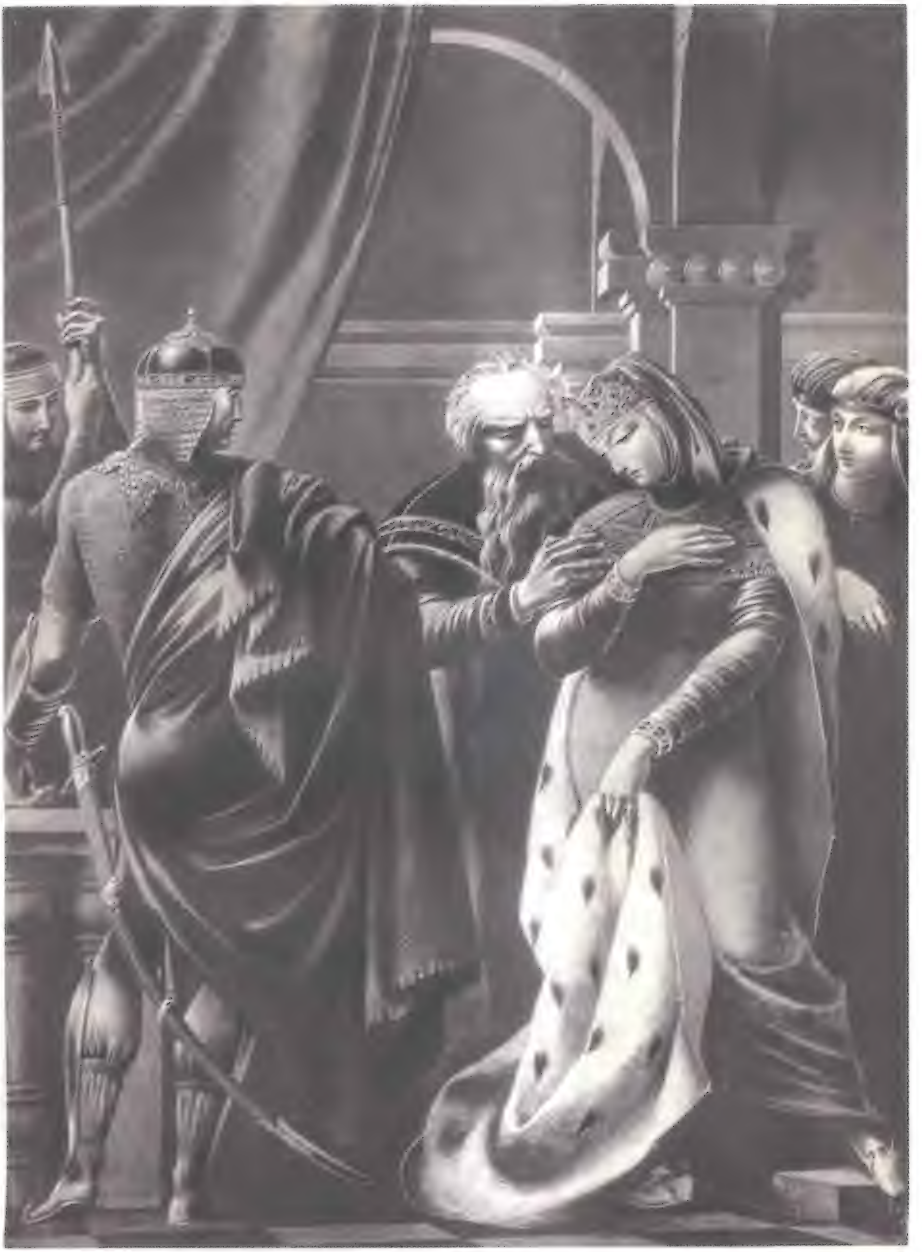
Не томись напрасно, дочка! — он просил, увещевая.—
Ты теперь надежда наша, отдал все тебе права я.
Аравийская царица, будь правительницей края,
Мудро, скромно, прозорливо государством управляя.

Как бурьяну, так и розам солнце светит круглый год,—
Будь и ты таким же солнцем для рабов и для господ.
Царской щедростью и лаской привлеки к себе народ,
Помни: море не иссякнет, расточая бездны вод.

Щедрость — слава государей и премудрости основа.
Дивной щедростью владыки покоряют даже злого.
Есть и пить любому нужно, в том не вижу я плохого.
Что припрячешь — то погубишь, что раздашь — вернется снова».

Поучениям отцовским дочь послушная внимала,
Светлым разумом без скуки в наставленья проникала.
Царь устроил пир веселый, веселился сам немало,
Солнце дивной красотою юной деве подражало.

И царица повелела вызвать дядьку-пестуна:
«Под печатями твоими сохраняется казна.
Сундуки открой с деньгами и очисти их до дна:
Дочь царя, своим богатством поделиться я должна».



Раздала все то царица, что своим считала сроду.
Всем — и знатным и незнатным — поприбавилось доходу.
Дева так и говорила: «Пусть родителю в угоду
Ныне все мое богатство будет роздано народу.

Открывайте кладовые, отпирайте все подвалы!
Выводи коней, конюший! Выносите перлы, лалы!
Ничего не пожалею!» И войска, наполнив залы,
На сокровища царицы устремились, как шакалы.

Как законную добычу завоеванных земель,
Всех коней они угнали, столь лелеемых досель.
И была похожа дева на небесную метель,
Чтоб любой ее дарами мог наполнить свой кошель.

Первый день прошел в забавах. Пили, ели, пировали,
Многочисленные гости властелина окружали.
Вдруг поник он головою, преисполненный печали.
«Что с владыкой приключилось?» — перешептываться стали.

Автандил-военачальник с добродетельным Сократом
Во главе иных придворных на пиру сидели рядом.
Увидав отца царицы странной горестью объятым,—
«Что с царем?» — они невольно стали спрашивать себя там.

И решили: «Наш владыка стал задумчив не к добру,
Ведь никто не мог обидеть государя на пиру!»
Автандил сказал Сократу: «Эту странную хандру
Постараемся рассеять: нам она не по нутру».

Встал Сограт седобородый, встал воитель, стройный станом,
Подошли они к владыке — каждый с поднятым стаканом,—
Опустились на колени на ковре золототканом,
И Сограт вступил в беседу с престарелым Ростеваном:

«Загрустил ты, царь великий! Взор твой больше не смеется.
Что ж, ты прав! В твоих подвалах даже драхмы не найдется.
Дочь твоя свои богатства раздала кому придется.
Лучше б ей не быть царицей, чем с нуждой тебе бороться!»

Оглянувшись на вазира, усмехнулся царь-отец,
Удивился: как он смеет упрекать его, наглец.
«Одолжил меня ты славно, мой прославленный мудрец,
Но ошибся, утверждая, что арабский царь — скупец!

Нет, вазир, не эти мысли доставляют мне мученье!
Стар я стал, уходят годы, чую смерти приближенье.
Кто, скажи, теперь возьмется заменить меня в сраженье?
Кто сумеет в ратном деле перенять мое уменье?

Не дала судьба мне сына. Жизнь моя — сплошная мука.
И хотя привычна стала для меня земная скука,—
Сын сравнялся бы со мною, как лихой стрелок из лука...
Лишь отчасти Автандилу впрок пошла моя наука».

Слово царское услышав, улыбнулся Автандил,
Светозарною улыбкой всю долину озарил.
Пред царем потупил очи, был он молод, полон сил.
«Ты чему смеешься, витязь? — царь, нахмурившись,
спросил.—

Разве речь моя безумна и достойна порицанья?»
«Государь,— ответил витязь,— дай сперва мне обещанье,
Что меня ты не осудишь за обидное признанье,
Не предашь меня на муки, не придешь в негодованье».

Милой дочерью поклявшись, что, как солнце, пламенела,
Царь сказал: «Не бойся, витязь, говори мне правду смело».
«Царь,— сказал отважный витязь,— предан я тебе всецело,
Но напрасно ты кичишься, недостойно это дело!

Я, твой верный полководец, только пыль у царских ног,
Но пускай решает войско, кто искуснее стрелок.
Выходи ж на состязанье, государь, и видит бог,
Лук и стрелы нас рассудят и дадут тебе урок».

Царь воскликнул: «Я с тобою говорю не для забавы.
Коль со мной ты спор затеял, не уйдешь ты от расправы!
Мы в свидетели поставим лучших воинов державы,
Поле быстро обнаружит, кто из нас достоин славы».

Так они договорились в этот вечер меж собою.
Царь шутил и улыбался, расположенный к герою.
В заключение решили: кто не справится с стрельбою,
Тот проходит трое суток с непокрытой головою.

И загонщикам велел он: «Рассыпаясь цепью длинной,
Ваше дело — из трущобы гнать на нас косяк звериный».
И бойцов на состязанье пригласил он всей дружиной,
И закончил пир веселый, и расстался с чашей винной.

В дорогой чалме, в оружье, как лилея, строен станом,
На рассвете прибыл витязь ко дворцу за Ростеваном.
С высоко подъятым ликом, светозарным и румяным,
На коне он красовался в одеянье златотканом.

Скоро выехал владыка, для охоты снаряжен.
Луг, назначенный заране, был народом окружен.
Вдалеке звучали крики — начался звериный гон,
И стрелки схватили луки, как предписывал закон.

Царь двенадцати любимцам приказал: «Вперед, за мною!
Лук держите наготове, приготовьте стрелы к бою!
Подсчитайте, сколько дичи я убью моей рукою!»
Между тем лесные звери приближались к зверобою.

Многочисленное стадо появилось в отдаленье,
На охотников бежали серны, лани и олени.
Царь и витязь их встречали градом стрел, не зная лени.
Созерцая их проворство, люди были в изумленье.

Пыль, поднявшаяся к небу, солнце кутала во мглу,
Кровь лилась вокруг рекою, пот струился по челу.
Но любой из нападавших за стрелою слал стрелу,
И нельзя укрыться было ни оленю, ни козлу.

Поле быстро проскакали, все зверье поразогнали,
Многих насмерть уложили, землю кровью запятнали.
«Кипарис в садах эдемских! Есть другой такой едва ли!» —
Так о витязе твердили те, кто спор их наблюдали.

Поле кончилось, за полем поднимался лес дремучий,
Вдалеке торчали скалы, громоздясь на кручу кручей.
Звери прянули в трущобу, там их спас счастливый случай,
Ибо в чаще их настигнуть даже конь не мог могучий.

Царь, усталый, но довольный, возгласил: «Моя взяла!»
Автандил не соглашался, отирая пот с чела.
Услыхав их спор веселый, к ним дружина подошла.
Царь сказал: «Без всякой лести расскажите, как дела?»

«Государь,— сказали слуги,— чтоб тебе не заблуждаться,
Знай, что с юным Автандилом ты не можешь состязаться.
Мы помочь тебе не в силах, мы обязаны признаться,
Что от стрел его оленям было некуда деваться.

Двадцать раз по сто животных мы за вами прикололи,
Только счет у Автандила штук на двадцать будет боле.
Он без промаха стреляет, ты же, царь, помимо воли,
Много стрел своих напрасно разметал на этом поле».

Царь забавной схваткой в нарды посчитал событье это.
Был ему успех питомца слаще солнечного света.
Соловей не любит розу так, как он любил спаспета.
И печаль его исчезла, и душа была согрета.

Оба сели под деревья, дали воинам сигнал,
И войска, как строй колосьев, устремились на привал,
И двенадцать слуг царевых, каждый строен и удал,
Наблюдали за рекою и за выступами скал.

АРАВИЙСКИЙ ЦАРЬ ВСТРЕЧАЕТ ВИТЯЗЯ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Вдруг заметили арабы чужестранца молодого.
Опечаленный, держал он за поводья вороного.
Крупным жемчугом сверкало снаряженье верхового,
Роза инеем покрылась, как от ветра ледяного.

Облаченный в шкуру тигра и в такой же шапке странной,
Он сидел и горько плакал, этот витязь чужестранный.
Толщиной в мужскую руку, плеть его была чеканной.
«Что за странное виденье!» — думал царь со всей охраной.

Наконец, чтобы знакомству положить скорей почин,
Своего раба отправил за пришельцем властелин.
Но струился дождь хрустальный из агатовых стремнин,
И не смог ни слова молвить, подскакав, простолюдин.

Произнесть не мог ни слова чужеземцу раб смущенный.
Наконец, придя в сознанье, он воскликнул, восхищенный:
«Царь велел»... И вновь умолкнул, безгранично
удивленный.
Но его не видел даже витязь тот иноплеменный.

Ничего не слышал витязь и не понял этой речи,
Невдомек страдальцу было, что войска шумят далече.
Сердце в пламени пылало, тихо вздрагивали плечи,
Кровь мешалась со слезами, как на поле грозной сечи.

Ум его витал далеко, грез не в силах отряхнуть.
И, когда его посланец пригласил с собою в путь,
Не сказал ни слова витязь, только слезы лил на грудь,
Не хотела эта роза уст прекрасных разомкнуть.

И посланец к Ростевану возвратился без ответа:
«Царь, не хочет этот витязь слышать царского привета,
Ослепил мои глаза он блеском солнечного света,
Только время потерял я, не вини меня за это».

Удивился царь и в гневе приказал немедля слугам:
«Поезжайте все двенадцать, каждый с палицей и луком!
Если этот незнакомец не ответит мне ни звуком,
В плен его возьмите силой и воздайте по заслугам».

Вот рабы, гремя оружьем, к незнакомцу подошли,
И очнулся этот витязь, сын неведомой земли.
Оглянулся он внезапно, увидал войска вдали.
«Горе мне!» — сказал, и слезы по лицу его текли.

И смахнул он эти слезы, и отер лицо рукою,
Меч на поясе поправил, лук повесил за спиною,
Сел в седло неторопливо и поехал стороною,
Не послушал, что хотели доложить рабы герою.

Руки воины простерли, задержать его хотели.
Горе, что он с ними сделал! Их враги бы пожалели!
Он валил их друг на друга, как никто другой доселе,
Рассекал по пояс плетью, пробивая в латах щели!

Царь был взбешен, и в погоню полетел другой отряд.
Вьется пыль, несутся кони, латы в воздухе горят.
Витязь снова оглянулся и, мешая с рядом ряд,
Стал рабов метать друг в друга, лютым пламенем объят.

Царь вскочил и с Автандилом поспешил на поле брани.
Стройный станом незнакомец тихо двигался в тумане.
Лик его светился светом, конь ярился, как Мерани,
Приближенье государя заприметил он заране.

Он хлестнул коня, и взвился чудный конь, покорный воле
Седока, и все исчезло — никого не видно боле:
Ни коня, ни чужестранца... Вознеслись на небо, что ли,
Или в землю провалились — но следы исчезли в поле.

Как их люди ни искали — не нашли. И царский стан
Порешил, что это демон напустил на них дурман.
Люди плакали по мертвым, обмывали язвы ран.
«Час настал, конец веселью! — скорбно молвил Ростеван.—

Видно, богу надоело созерцать мое веселье,
Потому он посылает вслед за радостью похмелье.
Все мне в тягость, жизнь постыла, как губительное зелье...
Сохрани меня, создатель, как сохранен был досель я!»

И уехал царь, вздыхая, полный горя и заботы,
Никого не пригласил он к продолжению охоты.
Разошлись и те, кто раньше испытал его щедроты.
Говорил один: «Причуда!» А другие: «Прав он, что ты!»

Скрылся царь в опочивальне. Автандил, названый сын,
Возвратившийся с охоты, провожал его один.
Никого из всех домашних не заметил властелин,
Замолчали в знак печали и кимвал и тамбурин.

Приходила дочь-царица, света белого кристальней,
У дворецкого пытала перед той опочивальней:
«Спит иль бодрствует родитель?» — «Возвратясь с охоты
дальней,
Государь наш с каждым часом все становится печальней.

Говорят, ему явилась на охоте вражья сила,
Он скорбит и не внимает утешеньям Автандила».
«Я уйду,— сказала дева и потом проговорила: —
Если спросит о царице, доложи, что приходила».

Наконец спросил владыка: «Где же юная луна?
Лишь она, роса живая, исцелит меня одна!»
«Государь,— сказал дворецкий,— приходила уж она,
Но, узнав, что ты невесел, удалилась, смущена».

«Ты сходи,— сказал владыка,— и скажи ей, ради бога:
«Отчего ты удалилась от отцовского порога?
Приходи скорее, радость, будь родителю подмога,
Расскажу тебе я, дочка, какова моя тревога».

И пришла, не задержалась дочь послушная царева,
Как луна, небеснолика, утешать царя готова.
Усадил ее владыка, целовал и нежил снова,
Говорил: «Зачем ты, радость, не пришла ко мне без зова?»

«Государь, когда ты мрачен,— отвечала дочь царя,—
Не войдет к тебе и дерзкий, твой покой боготворя.
Увидав тебя печальным, потухает и заря.
Но полезней вникнуть в дело, чем отчаиваться зря».

«О дитя,— сказал владыка,— в час, когда приходит горе,
Нахожу я утешенье лишь в твоем прекрасном взоре.
Только ты одна сумеешь исцелить меня от хвори
И корить меня не будешь, о моем узнав позоре.

Некий витязь чужестранный повстречался мне в долине,
Лик его, подобный солнцу, не забуду я отныне.
Он сидел и горько плакал по неведомой причине,
Не хотел он с добрым словом подойти к моей дружине.

Увидав, что я разгневан, он помчался на коне.
Я рабов послал вдогонку — он их плетью по спине.
Он, как бес, исчез в пространстве, не вернулся он ко мне.
Наяву ль его я видел, или грезил я во сне?

И внезапно стал мне горек сладкий дар творца вселенной,
Позабылись дни, когда я веселился, как блаженный.
Возмутил мое сознанье этот витязь дерзновенный,
Сколько дней ни проживу я, не утешусь жизнью бренной!»

«Царь,— в ответ сказала дева,— ты мое послушай слово.
Почему судьбу и бога осудил ты столь сурово?
Не того ль клянешь, кто в жизни не лишал тебя покрова?
Благосклонный к человеку не умыслит дела злого!

Ты — владыка над царями! Вот тебе он, мой совет:
Безграничными краями ты владеешь много лет.
Так пошли людей надежных, пусть объедут целый свет,
Пусть узнают, человек он, этот витязь, или нет.

Если он такой же смертный, человек, как мы с тобою,—
Он со временем найдется. Если ж нет, тогда, не скрою,
Был, как видно, это дьявол, нам ниспосланный судьбою.
Не томи себя печалью, не терзай себя тоскою!»

И в четыре части света полетели скороходы.
Им сказали: «Будьте смелы, поборите все невзгоды,
Разузнайте, кто тот витязь нам неведомой породы,
В захолустья шлите письма, не скупитесь на расходы».

Целый год гонцы скитались, исходили полземли,
Всех знакомых, незнакомых расспросили, как могли,
Но того, кто знал страдальца, как ни бились, не нашли
И с досадой возвратились, истомленные, в пыли.

«Государь,— они сказали,— мы повсюду побывали,
Но не встретился нам витязь, преисполненный печали.
Ничего о нем доселе чужестранцы не слыхали.
Делай, что тебе угодно, но найдешь его едва ли!»

«Ах,— ответил царь,— я вижу, что права была царица!
В сети адские попал я, начал плакать и томиться.
То не витязь был, но дьявол, улетевший, точно птица.
Прочь печали и тревоги! Будем жить и веселиться!»

И опять открылись игры, и сошлись на царский двор
И певцы и лицедеи, услаждающие взор.
Роздал царь даров немало, во дворце устроил сбор,—
Говорят: людей столь щедрых бог не создал до сих пор.

Автандил в своем чертоге, сбросив платье дорогое,
Наслаждался звоном арфы, вспоминая про былое.
Вдруг явился негр-служитель той, чей стан стройней алоэ.
«Солнцеликая,— сказал он,— ждет тебя в своем покое».

И почудилось спаспету, что сбылось его мечтанье,
И облекся он немедля в дорогое одеянье.
В первый раз без посторонних был он призван на свиданье.
Сладко быть вблизи любимой, созерцать ее сиянье!

Не смущаясь, подошел он ко дворцу, красив и смел,
Ради той, из-за которой столько горя претерпел.
Но печальный взор царицы, словно молния, горел,
И луна в его блистанье проклинала свой удел.

Грудь заботливо ей кутал мех прекрасный горностая,
С головы фата спадала, тканью сладостной блистая,
Мрак ресниц впивался в сердце, словно черных копий стая,
Шею локоны лобзали, с плеч коса вилась густая.

Но мрачна была царица под прозрачною фатою,
Нежным голосом, однако, приказала сесть герою.
Подал стул ему невольник. Сел он с радостью живою
И, лицом к лицу с любимой, упивался красотою.

Витязь молвил: «Что скажу я, коль душа твоя мрачна?
Говорят, при встрече с солнцем потухает и луна.
Я не в силах больше мыслить, словно есть на мне вина.
Чем, скажи, тебя утешу? Чем ты ныне смущена?»

«Витязь,— дева отвечала благосклонно и учтиво,—
От меня ты был доселе отдален несправедливо.
И, хотя свиданье наше почитаешь ты за диво,
О беде моей великой я скажу тебе правдиво.

Помнишь, как совсем недавно, состязаясь с Ростеваном,
Повстречался ты на поле с незнакомцем чужестранным?
С той поры о нем я мыслю, плачу в горе непрестанном.
Разыщи его мне, витязь! Поезжай по дальним странам!

И хотя не мог ты видеть до сих пор свою луну,
Знаю я: в уединенье любишь ты меня одну,
Непрестанно слезы точишь, таешь каждую весну,
Что твое томится сердце у меня одной в плену.

Слушай, витязь. Ты обязан мне служить по двум причинам:
Ты, во-первых, славный воин, одаренный духом львиным,
Во-вторых, ты стал миджнуром, подчиняться мне
повинным,—
Потому прошу тебя я: незнакомца отыщи нам!

Я люблю тебя безмерно, но любить я буду боле,
Если ты исчадье это победишь на бранном поле.
Дай взрасти цветам надежды в бедном сердце, полном боли!
Знай, мой лев: тебя я встречу, восседая на престоле.

Ты ищи его три года и, напав на верный след,
Возвращайся, победитель, с величайшей из побед.
Не найдешь, так я уверюсь, что его на свете нет,
И отдам тебе навеки непоблекшей розы цвет.

Я клянусь тебе, мой витязь: если выйду за другого,
Будь он даже солнцем мира в виде юноши земного,—
Пусть тогда лишусь я рая! Я и в ад сойти готова!
Хоть пронзи меня кинжалом, не скажу тебе ни слова!»

«О,— воскликнул витязь,— дева, чьи ресницы из агата!
Что скажу тебе на это? Вся душа огнем объята!
Ты меня вернула к жизни, вот за горести расплата!
За тебя, твой раб, пойду я на любого супостата!

Бог тебя подобной солнцу сотворил над миром зла,
Подчинил тебе он в небе все небесные тела.
Оттого твоим щедротам нет ни меры, ни числа,
Оттого в твоем сиянье роза снова ожила!»

Поклялись они друг другу дивной клятвой крепче стали
И, беседуя друг с другом, успокаиваться стали,
И счастливые минуты для влюбленного настали,
Жемчуга из уст открытых, словно молнии, блистали.

Сели вместе, улыбнулись и в лобзании невинном
Обнялись агат с агатом и слились рубин с рубином.
Он сказал: «Лишить рассудка можешь взглядом ты единым,
Лишь мое больное сердце наполняешь духом львиным!»

И расстался с девой витязь, и вернулся он назад.
Озираясь, как безумный, шел он ночью наугад.
На сияющие розы сыпал он хрустальный град,
Обручил он с сердцем сердце, чтобы верным быть стократ.

Говорил он: «О светило! Поражен судьбой коварной,
Я — кристалл, рубин и роза — принимаю цвет янтарный.
Как три года проживу я вдалеке от светозарной?
Изнывая от печали, я умру, неблагодарный!»

Лег на ложе, горько плачет, слезы вытереть не может,
Гнется тополем по ветру, но тоска все больше гложет.
Лишь задремлет — образ милой сердце снова растревожит,
Вскрикнет витязь и, проснувшись, в двадцать раз печаль умножит.

Так ему знакомы стали муки пламенных сердец.
Жемчуг слез сиял на розе, и ласкал ее багрец.
Утром встал он, облачился, кликнул слуг и наконец
На коне своем любимом устремился во дворец.

И послал он царедворца к Ростевану с донесеньем:
«Царь, осмелюсь обратиться за твоим распоряженьем.
Славен меч твой, все народы чтут его повиновеньем.
Это должен я напомнить всем соседним поселеньям.

Ныне я идти обязан на противников войною,
Славной вестью о царице положить конец разбою.
Я обрадую покорных, непокорных успокою,
Я пришлю даров немало, лишь дела твои устрою».

И сказал ему владыка, услыхав его слова:
«Лев, от боя уклоняться недостойно званья льва.
Мы обязаны с тобою охранять свои права.
Поезжай, но что мне делать, коль проездишь года два?»

И вошел к владыке витязь и сказал ему с поклоном:
«Государь, не думал быть я столь высоко восхваленным!
Бог, быть может, озарит мне дальний путь под небосклоном,
И тебя я вновь увижу неизменно благосклонным».

Обнял царь его, как сына, целовал его, вздыхая.
Воспитатель и питомец — есть ли где чета такая?
И покинул в день разлуки Автандил владыку края.
Ростеван мягкосердечный плакал, слезы проливая.

И покинул витязь город и скитался двадцать дней,
Постепенно приближаясь к дальней вотчине своей.
Величавый и отважный, радость мира и людей,
В вечных думах о любимой пламенел он все сильней.

И, когда он, странник, прибыл в пограничные владенья,
Поднесли ему вельможи дорогие подношенья.
Всякий, кто его увидел, расцвстал от лицезренья,
Но спешил в дорогу витязь и боялся промедленья.

Здесь, в средине скал природных, где конца не видно кручам,
Славным городом владел он, неприступным и могучим.
Трое суток жил тут витязь, бил зверей в лесу дремучем,
Совещался с Шермадином, верным другом наилучшим.

«Шермадин, — промолвил витязь, — повинюсь чистосердечно,
Виноват я пред тобою: ты служил мне безупречно,
Я ж, любовь мою скрывая, тосковал и плакал вечно.
Ныне я моей любимой обнадежен бесконечно.

Тинатин меня пленила, и нарциссы в день печали
На заснеженные розы слезы жгучие роняли.
Не хотел я, чтобы люди о любви моей узнали,
Но теперь слова надежды скорбь мою уврачевали.

Мне царица повелела: «Тайну витязя открой,
И, когда назад вернешься, буду я твоей женой.
За другого я не выйду, будь он райской купиной!»
Речь ее — бальзам для сердца, истомленного тоской.

Я, владыка твой, обязан власть царя считать верховной
И служить ему повинен, как слуга беспрекословный,—
Это первое. Второе: заключив союз любовный,
Робость в годы испытаний почитаю я греховной.

Из владык и подчиненных только мы друзья друг другу.
Умоляю, окажи мне беспримерную услугу.
На тебя я оставляю все войска и всю округу,
Одному тебе я верю, обреченный на разлуку.

Предводительствуй войсками, охраняй страну от бед,
Узнавай через посланцев, весел царь наш или нет,
Шли ему дары и письма в продолжение трех лет.
Пусть никто в стране не знает, что исчез его спаспет.

На охоте и в сраженьях принимай мое обличье,
Сохраняй три года тайну и блюди благоприличье.
Я еще вернусь, быть может,— слово мне дано девичье.
Не вернусь — простись со мною и оплачь мое величье.

В этот день с печальной вестью ты предстань пред
Ростеваном
И во всем ему откройся, как пристало только пьяным.
Расскажи, что я скончался: всем ведь гибель суждена нам,—
И раздай мои богатства неимущим поселянам.

Сам же, в город возвратившись, будь мне преданным
вдвойне:
Не забудь меня внезапно, вечно помни обо мне.
Все дела мои устроив, помолись наедине,
Вспоминай о нашем детстве на родимой стороне».

И была для Шермадина эта весть подобна грому,
И заплакал он внезапно, и почувствовал истому.
Он сказал: «Какая радость без тебя рабу простому?
Но мольбы мои напрасны: все равно уйдешь из дому.

Ты велел мне быть владыкой и вождем твоей дружины.
Разве это мне по силам — заменять тебя отныне?
Как забуду я, что, бедный, ты скитаешься в пустыне?
Лучше я с тобой поеду мыкать горе на чужбине!»

«Нет,— ответил витязь,— должен я поставить на своем:
Коль миджнур бежит в пустыню, он не странствует вдвоем.
Мы ценой великих бедствий дивный жемчуг достаем.
Да погибнет вероломный, умирая под копьем!

С кем я мог, коль не с тобою, поделиться этой тайной?
Мог ли я другим доверить этот труд необычайный?
Укрепляй мои границы, наблюдая за окрайной.
Я еще вернусь, быть может, избежав беды случайной.

Погибают от несчастья и один и сто за раз.
Одиночество — не гибель, если бог спасает нас.
Коль не справлюсь за три года, плачь по мне в печальный час.
На владение страною я даю тебе указ».

УКАЗ
АВТАНДИЛА ЕГО ПОДДАННЫМ

Вот указ его: «Вельможи! Воспитатели и дети!
Мужи, преданные сердцем и надежные в совете!
Вы — моих желаний тени, предо мною вы в ответе!
Соберитесь ныне вкупе, чтоб слова услышать эти!

Автандил, ваш прах, пишу я ради вас своей рукою:
На короткий срок расстаться я решил с моей страною,
Предпочел скитанья — пиру, путешествия — покою,
Возложил на лук заботу добывать еду стрелою.

Некий умысел имея, покидаю я страну,
Целый год я пыль скитаний с ног моих не отряхну.
Заклинаю вас: в разлуке чтите заповедь одну —
Охраняйте наше царство, как хранили в старину.

Я владыкою над вами оставляю Шермадина,
И, пока он не узнает, что пришла моя кончина,
Пусть он здесь, лелея розу, будет вам за господина.
Пусть пред ним злодеи тают, как на пламени вощина!

Шермадин, как вам известно, для меня дороже брата,
Вы его, как Автандила, почитайте ныне свято.
Вместе с ним, лишь грянут трубы, сокрушайте супостата.
Не вернусь, так вместе плачьте: велика его утрата».

Изукрасивший посланье столь искусным языком,
В пояс он насыпал злата и на лошадь сел верхом.
«На охоту!» — крикнул витязь, и войска сошлись кругом,
И, не мешкая нимало, он покинул отчий дом.

И велел он на охоте провожатым удалиться:
«Мне помощников не нужно, я хочу уединиться».
И по чаще тростниковой полетел он, точно птица,
И в его царила мыслях Тинатин, его убийца.

Проскакал он через поле и войска вдали оставил,
И никто за ним не гнался и вернуться не заставил.
Не страшился он булата, исполнитель высших правил.
Но, придавлен грузом горя, раны сердца окровавил.

Люди кончили охоту, спохватились: где же он?
И, не видя господина, каждый плакал, поражен,
И великое веселье превратилось в горький стон,
И на розыски помчались ездоки со всех сторон.

«Где ты, лев, надежда наша?— приближенные взывали.—
На кого ты нас покинул?» И гонцов повсюду слали.
Но, увы, не отыскался тот, которого искали,
И в слезах поникло войско, и народ поник в печали.

Шермадин, собрав придворных и иных достойных чести,
Показал указ владыки, и его читали вместе.
С пораженными сердцами все внимали этой вести.
Рвали волосы от горя, уподобленные персти.

И сказали Шермадину: «Хоть сменял он свет на тьму,
Без тебя доверить трона он не мог бы никому.
Как велел нам повелитель, так и быть теперь тому!»
И, признав раба владыкой, поклонились все ему.

АВТАНДИЛ УЕЗЖАЕТ НА ПОИСКИ ВИТЯЗЯ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Мудрый Эзрос в «Дионосе» нам оставил назиданье:
«Замерзающая роза вызывает состраданье».
Сострадания достоин также тот, кто в дни скитанья,
С милой родиной расставшись, обречен на увяданье.

Всю Аравию проехав за четыре перехода,
Автандил скитался в землях чужестранного народа.
И твердил печальный витязь, увядая год от года:
«Если б я вернулся к деве, миновала бы невзгода!»

Свежий иней пал на розу, и цветок утратил цвет,
Уж хотел себя кинжалом заколоть он в цвете лет:
«Возложил мне мир на плечи не одну, но сотни бед!
Нет, увы, со мною арфы и свирели больше нет!»

Вяла роза, увядала, не согретая светилом,
Но крепился он, чтоб сердцу были горести по силам,
И расспрашивал он встречных, по местам бродя унылым,
И немало их в дороге говорило с Автандилом.

И неслись к морям далеким слезы витязя рекою.
Спать на землю он ложился, подперев щеку рукою.
«Сердце с милой неразлучно,— рассуждал он сам с собою,—
За нее умру без страха, если велено судьбою!»

По лицу земли скитаясь, бесприютен и убог,
Посетил он за три года каждый малый уголок.
Лишь три месяца осталось, истекал условный срок,
Но напасть на след скитальца Автандил еще не мог.

Удрученный, целый месяц он бродил в краю пустынном,
Изо всех сынов Адама не встречаясь ни с единым.
Страшных бед таких не знали Вис прекрасная с Рамином!
Он же думал лишь о милой, разъезжая по долинам.

Раз, об отдыхе мечтая, он доехал до привала.
На семь дней пути долина перед ним внизу лежала.
У подошвы скал высоких речка мелкая бежала,
К ней с горы леса спускались и трущобы буревала.

Стал считать он на досуге, сколько дней провел в пути.
Лишь два месяца осталось эти поиски вести!
«Целый мир теперь узнает, как метался я в сети,
Не поправить это горе, новой жизни не найти!»

И задумался он крепко: «Коль ни с чем вернусь я к дому,
Для чего все это время я потратил по-пустому?
Чем обрадую царицу, погруженную в истому,
Если путь не отыскал я к незнакомцу молодому?

Если ж мне без доброй вести непристойно возвращаться,
Сколько времени я должен по земле еще скитаться?
Будут щеки Шермадина день и ночь в слезах купаться,
И пойдет он к Ростевану, чтоб во всем ему признаться.

Он обязан по условью известить царя и знать.
О моей узнав кончине, будут люди горевать.
После этого смогу ли перед ними я предстать?» —
Так сказал несчастный витязь и задумался опять.

«Справедлива ли, о боже,— он твердил,— твоя десница?
Почему я должен тщетно по лицу земли влачиться?
Вырвал радость ты из сердца, дал в нем горю угнездиться,
Из очей моих до смерти не устанут слезы литься!»

Но потом решил он мудро: «Все ж разумнее терпенье.
Чтоб не сгинуть раньше срока, пересилю огорченье.
Против бога я бессилен, слезы мне не избавленье,
Воля смертного не может повлиять на провиденье».

«Всех людей перевидал я, — говорил себе он снова,—
Но никто мне о пропавшем не сумел сказать ни слова.
Видно, царь не без причины счел его за духа злого.
Для чего же я скитаюсь и горюю бестолково?»

Перебравшись через речку, Автандил поехал чащей.
Наводил на сердце скуку шум осоки шелестящей.
Сила рук его иссякла, помутился взор горящий,
Черной поросльюю покрылся лик унылый и скорбящий.

И решил он возвратиться, надрывая стоном грудь,
И коня в глухие степи поспешил он повернуть.
Без людей он целый месяц продолжал печальный путь,
И охота на животных не влекла его ничуть.

Одичав в сердечной муке, продолжал он жить в томленье,
Но, как всякий сын Адама, вдруг взалкал в уединенье,
И длинней руки Ростома он стрелу пустил в оленя,
И костер в глухой трущобе он развел без промедленья.

Он пастись поставил лошадь и, насытившись дичиной,
Шестерых людей увидел, проезжающих долиной.
«То разбойники,— решил он,— те, что грабят люд
невинный,
Кроме них, никто не ездит в этой местности пустынной».

Взяв оружье, поспешил он, чтобы встретить их вдали.
Там два мужа бородатых безбородого вели.
Безбородый был изранен, был в крови он и в пыли.
Рвался дух его из тела, улетая от земли.

«Вижу я,— воскликнул витязь,— что живете вы разбоем!»
«Нет,— ответили пришельцы.— Помоги нам, зверобоям!
Если ж ты помочь не можешь, посочувствуй нам обоим,
Плачь сегодня вместе с нами, ибо жалости мы стоим!»

Автандил подъехал ближе, и, рыдая, люди эти
Рассказали, как в дороге был изранен путник третий:
«Витязь, мы — родные братья, одного отца мы дети,
Город, нам принадлежащий, расположен в Хатаети.

Мы о месте этом диком услыхали от людей
И пришли сюда с дружиной многочисленной своей.
По горам и по долинам мы скитались тридцать дней.
И немало на охоте постреляли мы зверей.

Оказались мы в дружине наилучшими стрелками,
И великий спор внезапно разгорелся между нами.
«Я искусней всех стреляю!», «Я — сильнейший между
вами!» —
Так мы трое препирались неразумными словами.

Отвезти оленьи шкуры поручили мы дружине
И решили состязаться без загонщиков отныне.
Мы условились, чтоб каждый лишь по той стрелял дичине,
След которой заприметит на горе или равнине.

Отослав домой сегодня многочисленную рать,
Только трех оруженосцев мы с собой решили взять.
Мы зверей стреляли в поле, в чаще рыскали опять,
Не давали мы пернатым над собою пролетать.

Вдруг пред нами некий витязь появился на поляне.
Мрачный ликом и печальный, восседал он на Мерани.
Был закутан в шкуру тигра; в меховом своем тюрбане,
Он сиял такой красою, о какой не знали ране.

Нестерпимые для взора он метал очами грозы.
Мы сказали: «Вот светило, погрузившееся в грезы!»
Мы схватить его хотели, мы дерзнули на угрозы,
Оттого-то мы и стонем, проливая эти слезы.

Я мечтал тогда, как старший, чтобы всадник стал моим,
Средний брат очаровался скакуном его лихим.
Младший жаждал поединка. Мы помчались вслед за ним.
Но спокойно ехал витязь, горделив и нелюдим.

Лал и жемчуг драгоценный розы уст его скрывали.
Погруженный в размышленья, был он в горе и печали.
Он на нас не бросил взгляда, но когда мы закричали,
Плеть тяжелую приподнял и поехал молча дале.

Отстранив меня рукою, младший крикнул супостату:
«Стой!» — и к витязю рванулся, не подумав про расплату.
Витязь встретил нападенье, не притронувшись к булату:
Златокованою плетью раздробил он череп брату.

Он одним ударом плети череп юноше разбил,
Он свалил его на землю без сознанья и без сил,
Он смешал беднягу с прахом, оскорбленья не простил
И умчался, горделивый, как светило из светил.

Он назад не возвратился, не промолвил он ни слова.
Вон он движется, как солнце, скрыться в облако готово!»
И скиталец в отдаленье вдруг заметил вороного —
Дивный всадник солнцеликий перед ним явился снова.

И ланиты Автандила слезы больше не кололи:
Не напрасно на чужбине он отведал горькой доли!
Кто желанного достигнет, пострадав в земной юдоли,
Тот уже не вспоминает о своей минувшей боли.

«Братья,— он сказал,— я странник, потерявший свой приют.
С милой родиной расставшись, я искал скитальца тут.
Вы его мне указали, душу вынули из пут,
Пусть за это вам сторицей силы неба воздадут!

Так же как достиг я ныне исполнения желаний,
Пусть ваш юноша несчастный исцелится от страданий».
Показав свою стоянку, он прибавил на прощанье:
«Положите в тень страдальца, отдохните от скитаний!»

Тут коня пришпорил витязь и, не медля ни минуты,
Полетел, как вольный сокол, разорвавший клювом путы.
Как луна, навстречу солнцу он спешил, избегнув смуты,
Потушил он в юном сердце беспощадный пламень лютый.

Приближаясь к незнакомцу, так он начал размышлять:
«Необдуманное слово прогневит его опять.
Только мудрый это дело может толком распознать,
Он спокойствия не станет в затруднениях терять.

Этот витязь столь безумен, что боится каждой встречи,
Он людей не хочет видеть и людские слышать речи.
Значит, мы убьем друг друга, коль сойдемся в лютой сече!»—
Так он думал, за скитальцем наблюдая издалече.

Прячась в зарослях, твердил он: «Нет, не зря пропали
годы!
Даже зверь приют имеет, чтоб спастись от непогоды;
Не стремится ль витязь к дому через горные проходы?
Поспешив за ним, быть может, я забуду про невзгоды».

Так они два дня, две ночи продолжали этот путь,
Оба не пили, не ели, не хотели отдохнуть.
Ни на миг очей усталых не могли они сомкнуть,
Лишь бесчисленные слезы упадали им на грудь.

Лишь на третий день под вечер, в горной местности
далекой,
Добрались они, скитальцы, до пещеры одинокой.
Под горой река шумела, окруженная осокой,
Подпирая свод небесный, рядом лес стоял высокий.

Витязь, речку переехав, поскакал по горным склонам,
Автандил коня поспешно привязал под старым кленом,
Сам на дерево взобрался и, припав к листам зеленым,
Стал следить из-за укрытья за скитальцем истомленным.

Только витязь в шкуре тигра чащу леса миновал,
Дева в черном одеянье появилась возле скал.
Слез поток неудержимый из очей ее бежал.
Витязь спешился и деву, наклонясь, поцеловал.

Он сказал: «Асмат, сестрица, мост надежды рухнул в море.
Не найти нам больше девы, безутешно наше горе!»
Витязь в грудь себя ударил и замолк с тоской во взоре,
И в ответ ему рыдала дева в траурном уборе.

Рвали волосы безумцы, чаща пасмурнее стала,
Утешал скиталец деву, дева друга утешала,
Эхо сотней отголосков их стенанья повторяло,—
Автандил следил за ними и дивился им немало.

Успокоившись, девица снова сделалась бодра,
Отвела коня в пещеру, где не мучила жара,
Расстегнула панцирь другу, как любимая сестра,
И в пещеру с незнакомцем удалилась до утра.

Автандил тревожно думал: «Как от них добиться слова?»
Дева в черном одеянье на рассвете вышла снова
И обмыла на дорогу и взнуздала вороного,
Принесла вооруженье незнакомца молодого.

Снова этот незнакомец уходил от Автандила!
Дева плакала, прощаясь, в грудь себя руками била.
Обнял он ее, целуя, на Мерани сел уныло,
И опять его подруга в путь-дорогу проводила.

Сходный с запахом алоэ ощущая аромат,
Автандил из-за деревьев осторожный кинул взгляд.
Видит: витязь солнцеликий безбород, едва усат,
Но и львы ему, как видно, не опаснее ягнят.

Всадник, с девою простившись, ехал старою тропою,
Через заросли осоки степью двигался глухою.
Автандил ему дивился, рассуждая сам с собою:
«Бог мне это все устроил всемогущею рукою!

Мог ли он устроить лучше, чтоб помочь в опасном деле?
Дева тайну мне откроет, о моем узнав уделе.
Я и сам открою деве, как я мучился доселе,
Чтоб не биться с незнакомцем в этом каменном ущелье».

Слез он с дерева и быстро переехал речку вброд,
И приблизился к пещере, где зиял открытый вход.
И опять навстречу вышла дева, полная забот,—
Верно, думала бедняжка, что вернулся витязь тот.

Но при виде незнакомца, осененная догадкой,
Дева кинулась в пещеру, чтобы скрыться в ней украдкой.
Автандил настиг беглянку и схватил могучей хваткой,
И она пред ним в испуге заметалась куропаткой.

Вырывалась и кричала, на пришельца не глядела,
Угодив к орлу в неволю, подчиниться не хотела,
Все какого-то на помощь призывала Тариэла,
И не мог ей долго витязь своего поведать дела.

Он твердил ей: «Успокойся! Я — простой Адамов сын!
Видел я, как роза мая увядает средь долин.
Расскажи, открой мне тайну, кто он, этот райский крин?
Зла тебе я не желаю, нужен сердцу он один!»

Дева, словно размышляя, говорила сквозь рыданья:
«Если в здравом ты рассудке, брось напрасные старанья!
Не простое это дело — описать его деянья,
Невозможного не требуй от меня повествованья.

Для чего, не понимаю, вышла я к тебе навстречу!
Описать перо не в силах эту душу человечью.
«Расскажи!» — ты мне прикажешь. «Нет! — стократно я отвечу.—
Не от счастья льются слезы, вот что я тебе замечу».

«Дева, ты меня не знаешь! Я объехал целый свет,
Тщетно витязя искал я и немало вынес бед.
Наконец тебя нашел я,— умоляю, дай ответ,
Расскажи про незнакомца: без него мне счастья нет!»

«Кто ты, витязь неизвестный? — зарыдала дева снова.—
В час, когда исчезло солнце, ты страшней мороза злого!
Мы с тобою длить не будем спора этого пустого.
Поступай со мной как хочешь,— не скажу тебе ни слова».

Витязь, деву заклиная, пал пред нею на колени,
Но, ни слова не добившись, изнемог он от молений,
И, объятый лютым гневом, прекратил мольбы и пени,
И клинок занес над девой в беспримерном исступленье.

«Ты умножила,— сказал он,— муку смертную мою!
Неужели ты не видишь, почему я слезы лью?
Коль не скажешь мне ни слова, бог свидетель,— пусть в бою
Так же недруг мой погибнет, как и я тебя убью!»

«Витязь,— дева отвечала,— средство выбрал ты дурное.
Рассказать тебе при жизни не могу я о герое.
Если ты меня заколешь, непреклонней буду вдвое.
Ибо что́ тебе откроет тело девы неживое?

Почему же ты не хочешь прекратить своих попыток?
Говорить мне запрещает горя вечного избыток.
Лучше ты меня прикончи, толку нет от этих пыток.
Разорви меня без страха, как ненужный людям свиток!

Ты не думай, что кончина мне, страдалице, страшна.
Море слез моих осушит, благодатная, она.
Жизнь моя — пучок соломы. Велика ли ей цена?
Что еще, тебя не зная, я сказать тебе должна?»

И тогда подумал витязь: «Чтобы нам договориться,
Нужно выбрать новый способ, ибо старый не годится».
Отпустил он незнакомку, дал слезам своим излиться
И сказал: «Зачем я, глупый, огорчил тебя, девица!»

Сел он в сторону, заплакал, не сказав ни слова боле.
Дева, сумрачная ликом, о своей грустила доле.
Были залиты слезами розы, выросшие в холе.
Наконец она вздохнула и смягчилась поневоле.

Зарыдала, пожалела незнакомца всей душой,
Но молчала, как и прежде, и была ему чужой.
Автандил заметил это и с поникшей головой
Встал пред девой на колени и воскликнул сам не свой:

«Дева, больше о доверье я молить тебя не смею!
Огорчил тебя я тяжко и об этом сожалею.
Но прошу тебя я, сжалься, будь заступницей моею,
Ибо семь грехов, не меньше, отпускается злодею.

Пусть слова мои вначале были гневны и сердиты,—
Пожалеть миджнура надо, вот что, девушка, пойми ты!
Без тебя мне в этом мире не останется защиты.
Душу я отдам за сердце, лишь меня не оттолкни ты!»

Лишь услышала девица на любовь его намек,
Во сто раз печальней стала, проливая слез поток.
И от горести сердечной цвет ланит ее поблек,
И моленья Автандила наконец услышал бог.

Витязь понял: не случайно горем девушка объята,
Видно, девушку тревожит участь горестная чья-то!
Он сказал: «Жалеть миджнура даже враг обязан свято,
Ведь миджнур стремится к смерти, если к жизни нет возврата.

Я — миджнур, невольник страсти, в жизни мне ничто не мило.
Твоего ищу я друга по велению светила.
Там, где был я, даже туча никогда не проходила.
Но нашел сердца я ваши, и ко мне вернулась сила.

Образ витязя ношу я в глубине души моей.
Ради витязя скитаясь, я не вижу светлых дней.
Возврати же мне свободу, вырви душу из цепей,
Дай мне жить во имя счастья, а не можешь, так убей!»

И тогда девица стала благосклоннее, чем ране:
«Ты придумал лучший способ исцелить свое страданье.
Раньше спорил ты со мною и привел в негодованье,
А теперь нашел ты друга в столь великом испытанье.

Ты любовью заклинаешь, чтобы встретились вы, братья,
Как сестра, тебе, миджнуру, не способна отказать я.
Значит, здесь тебе усердно обещаюсь помогать я,
Значит, жизнь отдам тебе я,— что еще могу отдать я!

Если будешь ты отныне мне послушен навсегда,—
Знай: того, кого ты ищешь, повстречаешь без труда.
А поссоришься со мною — он исчезнет без следа,
И свершить своих желаний ты не сможешь никогда».

«Это дело,— молвил витязь,— сходно с притчею старинной:
Два каких-то человека шли дорогою пустынной.
Вдруг один, упав в колодец, стал захлебываться тиной,
А другой воскликнул сверху, воспылав душой невинной:

«Подожди меня, приятель! Нам не время расставаться!
Я пойду искать веревку, чтоб наверх тебе взобраться».
Тот, кто был внизу, в колодце, поневоле стал смеяться:
«Как могу не подождать я, если некуда деваться?»

Ты судьбы моей веревку держишь, милая сестра!
Если ты не пожелаешь, не увижу я добра.
Ты — бальзам больному сердцу. Сжалься, девушка, пора!
Кто с петлей на шее ходит, коль душа его бодра?»

«Витязь, — девушка сказала,— мне приятны эти речи.
Многих ты похвал достоин за свое чистосердечье.
Вижу я, что ты немало пострадал до нашей встречи.
Но не вечно будут длиться испытанья человечьи.

Здесь никто о незнакомце рассказать тебе не может,
Ничего ты не добьешься, если сам он не поможет.
Жди, покуда он вернется и надежды приумножит,
Пусть истерзанную розу холод больше не тревожит.

Я скажу тебе немного из того, что ты хотел:
Люди этого безумца называют Тариэл.
Я — Асмат, его рабыня, в чьей душе немало стрел,
Десять тысяч тяжких вздохов — незавидный мой удел.

Кроме этого, мой витязь, не узнаешь ничего ты.
Рыщет в поле он, безумец, полный горя и заботы.
Я питаюсь мясом дичи, что приносит он с охоты.
И не знаю я, как долго должен ждать теперь его ты.

Но советую тебе я дожидаться Тариэла.
Умолять его я буду настоятельно и смело;
Пусть он встретится с тобою, про свое расскажет дело,
Чтоб душа твоей любимой понапрасну не болела».

И миджнур повиноваться этой девушке решил.
Вдруг с реки донесся топот, плеск воды и звон удил,
И возник из влаги всадник, как светило из светил,
И отпрянул в глубь пещеры пораженный Автандил.

«Бог послал тебе удачу,— дева молвила герою.—
Поспеши скорей за мною, я тебя в пещере скрою.
Кто посмеет с ним тягаться, тот заплатит головою,
Я же так теперь устрою, что поладит он с тобою».

Дева, спрятав Автандила, с братом встретилась названым.
Витязь спешился и деве снова отдал лук с колчаном.
Слезы их текли рекою и сливались с океаном.
Автандил следил за девой и пришельцем долгожданным.

Лица их в слезах купались, янтарем казался лал.
Долго девушка рыдала, долго витязь с ней рыдал.
Наконец они умолкли и вошли под своды скал.
Взмах ресниц, как взмах кинжалов, слезы горя оборвал.

Автандил следил за ними сквозь расщелину провала.
Видит: тигровую шкуру дева брату разостлала.
Тариэл присел на шкуру и задумался устало,
И наполнились слезами глаз агатовые жала.

Дева высекла поспешно искру с помощью огнива,
Развела огонь и ужин приготовила на диво.
Тариэл, отрезав мяса, оттолкнул его брезгливо:
Он не мог смотреть на пищу, голодая терпеливо.

Повалился он на шкуру, задремал, заснул на миг,
Вдруг, чего-то испугавшись, испустил безумный крик,
Камнем в грудь себя ударил, застонал, угрюм и дик,
И Асмат над ним рыдала, истерзав ногтями лик.

«Что с тобой?» — она твердила. И ответил черноокий:
«Повстречался мне однажды государь один жестокий.
Он выслеживал в долине зверя, скрытого осокой.
Рать загонщиков по степи цепью двигалась широкой,

Горько было мне увидеть предающихся забаве!
Не приблизился к царю я, не примкнул к его облаве.
Бледный ликом, я укрылся от охотников в дубраве
И с рассветом удалиться посчитал себя я вправе».

И тогда сказала дева, зарыдав еще сильней:
«Ты скитаешься в трущобах посреди лесных зверей,
Никого ты знать не хочешь, убегаешь от людей,
Пропадаешь ты без пользы для возлюбленной твоей!

По лицу земли скитаясь и блуждая по пустыне,
Как ты преданного друга не нашел себе доныне?
Он бы странствовал с тобою, утешал бы на чужбине...
Коль умрете вы с царевной, что за толк в твоей гордыне?»

«О сестра,— ответил витязь,— ты исполнена участья,
Но на свете нет лекарства от подобного несчастья.
Не пришел еще собрат мой в этот мир, где должен пасть я,
Смерть — одна моя отрада, признаю ее лишь власть я.

Под несчастною планетой только я один рожден.
Не найти мне в мире друга, как ни дорог сердцу он.
Кто мое разделит горе? Кто услышит горький стон?
Лишь одной тобой, сестрица, я утешен и смирен».

И тогда сказала дева: «Не сердись на слово это.
Бог меня к тебе приставил для разумного совета.
Я тебе открою, витязь: есть на лучшее примета.
Свыше сил нельзя томиться отрешенному от света».

«Объяснись,— ответил витязь,— я тебя не понимаю.
Кто поможет мне скитаться по неведомому краю?
Создал бог меня несчастным, оттого я и страдаю,
Оттого похож на зверя, прежний облик свой теряю».

И тогда Асмат сказала: «Хоть тебе и недосуг,
Но клянись мне головою, что, когда найдется друг,
Тот, который за тобою будет ездить для услуг,—
Ты ему не пожелаешь ни опасностей, ни мук».

И тогда ответил деве этот витязь светлолицый:
«Если я его увижу, то, клянусь моей царицей,
Зла ему не пожелаю, не коснусь его десницей,
Но за преданность и дружбу отплачу ему сторицей».

Встала девушка, ликуя, и пошла за Автандилом.
«Он не злобствует,— сказала,— будь ему собратом милым!»
И когда предстал пришелец перед витязем унылым,
Тариэлу показался он сверкающим светилом.

Словно два огромных солнца, словно две больших луны,
Были витязи друг к другу в этот миг устремлены.
Что пред ними цвет алоэ, древо райской стороны?
Семь планет и те бледнели, видя братьев с вышины!

Обнялись, поцеловались, хоть и виделись впервые,
И скрестили, обнимаясь, несгибаемые выи.
Капли слез в очах блеснули, в розах — перлы снеговые:
То уста горят, как розы,— нет, как яхонты живые!

Пожимая руку гостя, витязь с ним уселся рядом.
Трудно было им не плакать, смертной мукою объятым.
«Полно, братья, убиваться, — говорила дева взглядом,—
Не скрывайте свет светила, не поите душу ядом!»

В стужу роза Тариэла, охладев, не умерла.
Он спросил: «Какую тайну ты скрываешь в мире зла?
Кто ты сам? Откуда родом? Где Асмат тебя нашла?
О себе скажу, что мною даже смерть пренебрегла».

И тогда ему ответил Автандил красноречивый:
«Тариэл, прекрасный витязь! Лев могучий и учтивый!
Я сюда к тебе приехал из Аравии счастливой.
Жжет меня огонь любовный, пламя страсти молчаливой!

Дочь царя меня пленила, обладательница трона.
Крепкорукими рабами ныне ей дана корона.
Ты меня однажды видел,— вспомни, как во время оно
Царских воинов побил ты, не отдав царю поклона.

За тобою на охоте царь послал своих рабов.
Ты сидел и, горько плача, не откликнулся на зов.
Рассердился наш владыка, приказал устроить лов,
Обагрил ты поле кровью, взвил коня и был таков!

Ты меча тогда не вынул, плетью ты рубил с размаха,
Но и след твой обнаружить не могли мы в груде праха.
Ты исчез, подобно каджу, улетел ты, словно птаха.
Царь был взбешен, а дружина обезумела от страха.

Закручинился владыка — избалован царский разум!
Чтоб найти тебя, к народу обратился царь с указом,
Но никто тебя доселе ни одним не видел глазом,—
Даже та, пред кем померкнут и эфир и солнце разом.

И сказала мне царица: «Коль узнаешь ты о нем,
Мы с тобою, мой любимый, будем счастливы вдвоем!»
Приказала мне три года убиваться день за днем,
И не диво ли, что жив я, сожигаемый огнем?

Я людей, тебя встречавших, не видал еще доселе,
Лишь разбойников я встретил, что пленить тебя хотели,—
Одного побил ты плетью, он уж дышит еле-еле,
Два другие мне решились рассказать об этом деле».

И тогда припомнил витязь бой с рабами Ростевана:
«Стародавний этот случай вспоминаю я туманно.
Ты с царем седобородым там стоял в средине стана,
Я ж, о деве вспоминая, плакал в поле неустанно.

Для чего, не понимаю, был вам нужен Тариэл?
Вы охотой забавлялись, я же плакал и скорбел.
И царю, когда он силой захватить меня хотел,
Вместо пленника досталась только груда мертвых тел.

Но, когда за мной в погоню повелитель твой пустился,
На него поднять оружье я, подумав, не решился.
Не сказав ему ни слова, я поспешно удалился,
Конь мой несся невидимкой,— с кем бы он еще сравнился?

От назойливых, мой витязь, улетаю я мгновенно,
Тот, кто гонится за мною, отступает неизменно.
Люди, кроме тех хатавов, что вели себя надменно,
Враждовать со мной не смеют и ведут себя смиренно.

Ныне ты как друг явился, сердцу твой приятен вид.
Ты подобен кипарису, солнцелик и именит.
И хотя ты вынес много затруднений и обид,
Человек бывает редко всемогущим позабыт».

Автандил ему ответил: «Я похвал твоих не стою,
Славословия приличны одному тебе, герою,
Ибо ты — прообраз солнца, что восходит над землею,—
Не затмить твое сиянье даже мукою земною!

Ту, что сердце мне пленила, забываю в этот день я,
Для тебя я отрекаюсь от любовного служенья.
С хрусталем я не сравняю драгоценные каменья,
Оттого тебя не брошу до последнего мгновенья».

Тариэл воскликнул: «Витязь, вижу твой сердечный нрав!
На любовь твою и дружбу мало я имею прав.
Но миджнур миджнура любит — это общий наш устав.
Чем воздать тебе смогу я, от любимой оторвав?

Ты искать меня пустился по велению любимой,
И нашел меня ты ныне, силой божией хранимый.
Но, коль свой рассказ начну я, по лицу земли гонимый,
Опалит мне душу снова пламя скорби нестерпимой».

И сказал девице витязь, лютым пламенем объятый:
«Дева, в горестных скитаньях не покинула меня ты,
Знаешь ты, что я не в силах возвратить моей утраты...
Ныне этот юный витязь опалил меня трикраты.

Если друг возлюбит друга, то, не мысля о покое,
Он готов во имя дружбы бремя вынести любое.
Чтоб спасти одно созданье, должен бог казнить другое.
Сядь, мой витязь, расскажу я про житье мое былое.

Сядь и ты,— сказал он деве,— и со мною здесь побудь.
Как начну терять сознанье, окропи водою грудь.
Плачь, печалься, если очи суждено мне здесь сомкнуть,
Вырой темную могилу, проводи в последний путь».

Сел на землю он и плечи обнажил рукой могучей,
И померк, подобно солнцу, занавешенному тучей,
И, открыть уста не в силах, изнемог в печали жгучей,
И холодные ланиты оросил слезой горючей.

«О возлюбленная дева! — он рыдал, тоской объят.—
Жизнь моя, моя надежда и услада из услад!
Кто срубил тебя, алоэ, украшающее сад?
Как ты, сердце, не сгорело, истомленное стократ?»

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ ТАРИЭЛА, РАССКАЗАННАЯ АВТАНДИЛУ ПРИ ПЕРВОЙ ВСТРЕЧЕ

Будь внимателен, мой витязь, к моему повествованью.
Лишь с трудом событья эти поддаются описанью,
Ибо та, из-за которой сердце отдано терзанью,
Мне отрадою не будет вопреки ее желанью!

Семь царей когда-то были господами Индостана.
Шесть из них своим владыкой почитали Фарсадана.
Царь царей, богатый, щедрый, равный льву красою стана,
Мудро правил он страною и сражался неустанно.

Мой отец, седьмой на троне, Саридан, гроза врагов,
Управлял своим уделом, супостатов поборов.
Был счастливец он при жизни, весельчак и зверолов.
Порицать его боялись и мудрец и суеслов.

Стал со временем родитель одиночеством томиться.
Он подумал: «Враг мой сломлен, и крепка моя граница.
Сам я, грозный и могучий, смог на троне утвердиться,—
Пусть же будет мне оплотом Фарсаданова десница».

И посла он к Фарсадану снарядил, не медля боле:
«Государь, велик и славен на индийском ты престоле!
Я тебе мои владенья отдаю по доброй воле,
Пусть об этом помнят люди, существует мир доколе».

Фарсадан ему ответил: «Я, владыка этих стран,
Воздаю хваленье богу, светом счастья осиян,
Ибо власть мою признал ты, хоть имел такой же сан!
Приезжай и будь мне братом, благородный Саридан!»

Царь ему оставил царство и назначил амирбаром,
Амирбар же в Индостане служит главным спасаларом.
Отказавшись от престола и владея царским даром,
Мой отец единовластно управлял уделом старым.

В эти годы мой родитель был царю всего дороже.
Царь твердил: «На целом свете нет достойнее вельможи!»
Оба тешились охотой и врагов карали тоже.
Мы с отцом, как вы со мною, друг на друга не похожи.

Горевали царь с царицей: не давал им бог детей,
Горевала и дружина, и народ индийский с ней.
В это время я родился. Царь решил с женой своей:
«Будет он нам вместо сына, ведь и он — дитя царей».

Стал я жить в чертоге царском, окруженный мудрецами,
Обучался править царством и начальствовать войсками.
Обиход познав державный и освоившись с делами,
Я возрос и стал как солнце — лев, сильнейший между львами.

Лишь тебе, Асмат, известно, как поблек я в цвете лет.
Был же я прекрасней солнца, как прекрасней тьмы рассвет.
Всякий, кто со мной встречался, восклицал: «Эдемов цвет!»
Ныне я — лишь тень былого, тень того, кого уж нет!

На шестом году узнал я, что беременна царица.
Срок прошел, настало время царской дочери родиться...»
Витязь смолк... Ему водою окропила грудь девица...
Он сказал: «Родилась дочка, светозарна, как денница!

Мой язык, увы, не в силах описать ее красоты!
Фарсадан, весь день пируя, позабыл свои заботы.
Драгоценные подарки привозили доброхоты,
И посыпались на войско бесконечные щедроты.

Справив пышные родины, стали нас растить супруги.
Дочь царя, подобно солнцу, стала счастьем для округи.
Одинаково любили нас родители и слуги...
Но смогу ль назвать я имя дорогой моей подруги!»

Снова смертная усталость Тариэлом овладела,
Автандил заплакал тоже, огорченный до предела.
Но когда Асмат водою оживила Тариэла,
Он сказал, вздыхая горько: «Как душа не отлетела!

Эту девушку, мой витязь, звали Нестан-Дареджан.
Доброта ее и разум удивляли горожан.
Лет семи она сияла, словно солнце южных стран.
Потеряв ее, заплачет и бездушный истукан!

В год, когда она созрела, стал я воином отважным.
Царь воспитывал царевну и к делам готовил важным.
Возвращенный в дом отцовский, но привыкший к царским
брашнам,
Львов душил я, словно кошек, в состязанье рукопашном.

Безоаровую башню царь воздвиг для черноокой,
Был рубинами украшен паланкин ее высокий.
Перед башней, средь деревьев, водоем сиял глубокий.
Здесь меня царевна наша болью ранила жестокой.

Здесь курильницы курились, арфы слышался напев.
То скрывалась в башне дева, то гуляла средь дерев.
И Давар, сестра царева, в царстве каджей овдовев,
Всем премудростям учила эту лучшую из дев.

За прекрасною завесой аксамита и виссона
Возросла она, царевна, словно пальма Габаона,
Но жила вдали от мира, как всегда, уединенно,
Лишь Асмат и две рабыни у ее служили трона.

Мне пятнадцать лет минуло, царским сыном я считался,
Во дворце у властелина день и ночь я оставался.
Кипарис в садах Эдемских, силой я со львом сравнялся,
Бил без промаха из лука и с друзьями состязался.

Стрелы, пущенные мною, были смертью для зверей.
Возвратившись, в мяч играл я на ристалище царей,
Пристрастившийся к веселью, пировал среди друзей...
Ныне я лишился жизни для возлюбленной моей.

Мой отец внезапно умер, и отцовская кончина
Пресекла увеселенья во дворце у властелина.
Сокрушенный враг воспрянул и сомкнулся воедино,
Супостаты ликовали, горевала вся дружина.

Целый год, одетый в траур, плакал я в уединенье,
Целый год ни днем, ни ночью я не знал успокоенья.
Наконец от Фарсадана получил я повеленье:
«Тариэл, сними свой траур, прекрати свои мученья!

Смертью равного по сану ведь и мы удручены!»
Царь велел мне сто сокровищ дать в подарок от казны.
Он сулил мне сан отцовский — полководца всей страны:
«Будь отныне амирбаром, чтоб решать дела войны!»

Изнемогшего от горя и сгоревшего от муки,
Повели меня к владыке врачеватели и слуги.
И, устроив пир веселый, венценосные супруги
Вновь меня облобызали, как родители и други.

На пиру меня владыки возле трона посадили
И о сане амирбара вновь со мной заговорили.
Я, покорный царской воле, отказаться был не в силе
И, склонившись перед троном, принял то, о чем просили.

Уж всего мне не припомнить. Много времени прошло.
О событьях лет минувших вспоминать мне тяжело.
Мир изменчивый и лживый непрестанно сеет зло,
Пламя искр его, навеки обреченного, сожгло!»

ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ ТАРИЭЛА, ВПЕРВЫЕ ПОЛЮБИВШЕГО

Стал рассказывать он снова, пересиливая муку:
«Раз, с охоты возвращаясь, Фарсадан мне подал руку.
Он сказал: «Пойдем к царевне и ее развеем скуку».
Боже, как я жив доселе, обреченный на разлуку!

Дивный сад, приют блаженства, я увидел пред собою.
Там, как сирины из сказки, птицы пели над листвою.
Благовонные фонтаны били розовой водою.
Вход в покои был завешен аксамитовой тафтою.

За оградой изумрудной, в окруженье тополей,
Царь сошел с коня у башни безоаровой своей.
Драгоценная завеса колыхалась у дверей.
В этот день копье печали над душой взвилось моей!

Турачей, убитых в поле, царь велел отдать прекрасной.
Я понес их за владыкой и попал в огонь, несчастный!
С той поры оброк тяжелый стал платить я муке страстной:
Ранит доблестное сердце лишь один клинок алмазный.

Царь скрывал свою царевну от вельмож и от народа.
Не желая быть невежей, задержался я у входа.
Царь вошел, сказав рабыне: «Здесь со мною воевода,
Он привез царевне дичи для домашнего расхода».

Тут Асмат открыла полог, и увидел я на миг
Ту, чей взор копьем алмазным прямо в сердце мне проник.
Турачей Асмат я отдал, сам, задумавшись, поник.
Горе мне! С тех пор горю я, вспоминая милый лик!

Ныне та, что краше солнца, уж не льет свое сиянье!»
Удручен воспоминаньем, Тариэл терял сознанье.
Автандил с Асмат рыдали, эхо множило рыданья:
«Силу рук его сломили безутешные страданья!»

И опять Асмат водою окропила Тариэла.
Долго он молчал, очнувшись: мука сердцем овладела,
Слезы он мешал с землею, он тоске не знал предела.
Он твердил, изнемогая: «Как душа не отлетела!

Тот, кто предан бренной жизни, свято чтит ее дары,
Но, познав ее измену, забывает про пиры.
И недаром спорят с нею те, кто разумом мудры...
Возвратимся же к рассказу, коль я жив до сей поры.

Турачей Асмат я отдал, свет померк передо мною.
Я упал, не в силах двинуть ни рукою, ни ногою,
И когда вернулся к жизни, плач услышал над собою:
Словно челн перед отплытьем, окружен я был толпою.

В царской горнице огромной, под охраной караула,
Я лежал на пышном ложе посреди людского гула.
Царь с царицею рыдали. Муллы, сгорбившись сутуло,
Мой припадок объясняли чародейством Вельзевула.

Только я открыл зеницы, царь упал ко мне на грудь.
Он твердил: «Сынок любимый, хоть скажи мне что-нибудь!»
Но, увы, как одержимый, уст не мог я разомкнуть
И опять, теряя силы, стал в беспамятство тонуть.

Слаб я был, мешались мысли, неземным огнем палимы.
Надо мной, Коран читая, пели мукры и муллимы.
Им казалось, что больного бесы мучают незримы.
В этой глупости вовеки разобраться б не смогли мы.

Врачеватели, собравшись, удивлялись странной хвори:
«Здесь лекарства бесполезны, у него иное горе».
Я же вскакивал с постели, бормотал о разном вздоре.
Слезы плачущей царицы переполнили бы море.

Так лежал я трое суток, то ли мертвый, то ль живой,
Наконец, очнувшись снова, понял, что стряслось со мной.
Я подумал: «Неужели я не умер, боже мой!»
И к создателю с горячей обратился я мольбой.

Я сказал: «Великий боже, дай мне силы приподняться!
Невозможно мне, больному, у владыки оставаться:
Самого себя я выдам, только стану забываться!»
И творец меня услышал: сердце стало укрепляться.

Я привстал... И к государю полетел гонец счастливый,
И вошла ко мне царица с речью ласково-учтивой,
С обнаженной головою царь явился торопливый,
Он хвалил и славил бога пред толпою молчаливой.

Сели оба у постели, принесли отвару мне.
Я сказал: «Теперь, владыка, я оправился вполне.
Снова по полю хотел бы я проехать на коне».
И отправился в дорогу я с царем наедине.

Миновав большую площадь, мы помчались вдоль потока.
Проводив меня, владыка возвратился одиноко.
Дома сделалось мне хуже. Я твердил, томясь жестоко:
«Смерть, возьми меня скорее! Ибо что́ мне ждать от рока?»

Все лицо мое от скорби, как шафран, позолотилось,
Десять тысяч острых копий в сердце яростно вонзилось.
Вдруг дворецкого позвали. Я подумал: «Что случилось?
Неужели догадались, что́ со мною приключилось?»

То Асмат гонца прислала. Я сказал: «Позвать гонца!»
И любовное посланье получил от пришлеца.
Сердцем горестным пылая, я дивился без конца:
Мог ли я в моей печали покушаться на сердца!

Это смелое посланье счел неслыханным я дивом,
Но молчать в ответ девице было делом неучтивым,
Дал бы повод я к упрекам, порицаниям ревнивым,—
И ответил на признанье я письмом красноречивым.

Миновали дни за днями, с каждым днем я таял боле,
Уж не в силах с игроками выходить я был на поле.
Ко дворцу я не являлся, и лечился поневоле,
И долги платил исправно человечьей горькой долс.

Докучали мне лекарства, падал на́ сердце туман,
И никто не мог почуять жар моих сердечных ран.
Посоветовал немедля кровь пустить мне Фарсадан.
Я на это согласился: был на пользу мне обман.

Мне пустили кровь, и, грустный, снова я лежал в постели,
И опять гонец явился, как являлся он доселе.
Я велел ввести посланца и подумал: «Неужели
Это будет продолжаться? Кто я ей, на самом деле?»

Подал мне письмо посланец. Я прочел его до слова.
Эта девушка писала, что прийти ко мне готова.
Я ответил: «Приходи же, не вини меня сурово,
Я и сам приду немедля, твоего дождавшись зова».

Стал я думать: «Это дело неприятнее копья,—
Амирбар я, вождь индийцев, дорога мне честь моя.
Коль меня застанут с девой, опозорен буду я,
Навсегда меня изгонят в зарубежные края».

В этот день ко мне явился человек от Фарсадана.
Царь справлялся о здоровье, не сочится ль кровью рана.
Я ответил: «Успокойся, я очнулся от дурмана,
Скоро я к тебе приеду, милость мне твоя желанна».

Я поехал к государю. Он сказал: «Болеть не надо!»
И заставил сесть на лошадь без военного наряда,
И взвилась за турачами быстрых соколов плеяда,
И стреляли там пернатых царедворцы из отряда.

И великий пир устроил, возвратившись, царь-отец.
На пиру звенели арфы, услаждал гостей певец.
Роздал царь даров немало — самоцветов и колец.
Удостоились награды все, кто прибыл во дворец.

Побороть тоски не в силах, вечно думал я о милой,
И огонь любовный в сердце бушевал с великой силой,
И собрал своих друзей я, и прикинулся кутилой,
Пировал и пил я с ними, чтобы скрыть мой вид унылый.

Вдруг шепнул мне мой дворецкий: «Господин, у входа
в зданье
Просит некая девица амирбарова вниманья,
Лик ее закрыт вуалью, но достоин почитанья».
Я сказал: «Проси в покои. Я назначил ей свиданье».

Гости стали подниматься. «Стойте,— я сказал гостям,—
Продолжайте пир, покуда не вернусь я снова к вам».
И прислужнику велел я не пускать гостей к дверям,
И свое скрепил я сердце, чтоб не впасть в великий срам.

Я вошел в опочивальню. Дева, кланяясь, сказала:
«Слава той благословенной, что к тебе меня послала!»
«Кто ж так кланяется милым? — удивился я немало,—
Будь она поискушенней, так вести б себя не стала».

«Стыдно мне перед тобою! — продолжала речь девица.—
Ты подумал, вероятно, что посмела я влюбиться.
Хорошо, что ты спокойно можешь к делу относиться.
Бережет меня, я вижу, всемогущая десница!

Витязь, я дрожу от страха, ибо втайне от людей
Ныне послана к тебе я девой царственной моей.
Столь неслыханная смелость подобает только ей.
Прочитай же эти строки и тоску свою развей!»

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

И увидел я посланье той, что сердце опалила.
«Лев, скрывай от света рану! — так вещал мне лучсветила. —
Я твоя, но что достойней — слабость жалкая иль сила?
Пусть Асмат тебе расскажет то, что я ей говорила.

Жалкий обморок и слабость — их ли ты зовешь любовью?
Не приятней ли миджнуру слава, купленная кровью?
Нам обязаны хатавы дань представить по условью, —
Отчего ж мы потакаем их обману и злословью?

Я желаю выйти замуж за тебя давным-давно,
Но увидеться доселе было нам не суждено.
Лишь твой обморок недавно я заметила в окно,
Разузнать о происшедшем было мне не мудрено.

Вот совет тебе разумный: объяви войну хатавам,
Заслужи почет и славу в столкновении кровавом.
Чем кропить слезами розу, укрепись в сраженье правом!
Я ль твой мрак не осветила блеском солнца величавым!»

Тут Асмат, забыв смущенье, речь со мною повела.
О себе скажу немного: радость душу залила,
Сердце сладко трепетало, стал кристален блеск чела,
Зарубинились ланиты жаждой счастья и тепла.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛА ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

И писал я, созерцая это дивное посланье:
«О луна, как может солнце превзойти твое сиянье?
Пусть тебя не опечалит ни одно мое деянье!
Как во сне я, и не верю, что прошло мое страданье!»

Я сказал Асмат: «Не в силах ничего писать я боле!
Ты скажи ей: «О царевна, ты как солнце в ореоле!
Ты меня вернула к жизни, исцелив от тяжкой боли!
Я служить тебе отныне по своей желаю воле!»

И опять сказала дева: «Осторожен будь, мой брат!
Если ты проговоришься, сам ты будешь виноват.
Ты прикинуться обязан, будто любишь ты Асмат,—
Так велит тебе царевна, чтоб ты мог проникнуть в сад».

Показалось мне разумным то, что дева говорила,—
Состязаться с ней не может и небесное светило,
Свет дневной ее сиянье в сумрак ночи превратило,
И Асмат ее заветы мне послушно повторила.

Дал Асмат я самоцветов в чаше золота литого.
«Не возьму,— она сказала,— подношенья дорогого!»
Лишь колечко весом в драхму приняла, промолвив слово:
«Пусть останется на память от безумца молодого!»

Так копье она из сердца извлекла рукой своей,
И ушла, и погасила жар губительных огней.
И к столу я возвратился, и обрадовал гостей,
И немалыми дарами одарил своих друзей.

ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛА К ХАТАВАМ И СВИДАНИЕ ЕГО С ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

И приказ врагам хатавам я послал, составив строго:
«Всемогущий царь индийцев — царь, ниспосланный от бога.
Тот, кто голоден, но предан,— от него получит много,
Тот же, кто ему изменит,— ищет сам к беде предлога.

Господин и брат на троне! Чтобы рознь была забыта,
Приезжай ко мне немедля — ты и царственная свита.
Не приедете, так сами к вам мы явимся открыто,
И тогда своей вы кровью напитаетесь досыта».

Я возрадовался духом, лишь гонец отъехал прочь.
Потушив огонь смертельный, ликовал я день и ночь.
Мне судьба тогда давала все, к чему я был охоч,
А теперь со мной, безумцем, зверь способен изнемочь!

Рвался в путь я, но рассудок заставлял меня смириться,
Предо мной моих собратьев пировала вереница,
Я ж, охвачен пылкой страстью, был не в силах веселиться.
Проклиная мир мгновенный, снова начал я томиться.

Раз вернулся из дворца я, удостоенный почета.
Истомленного мечтами, не брала меня дремота.
Перечитывал письмо я, ждал я жизни поворота.
Вдруг слугу привратник кликнул и ему промолвил что-то.

Прибыл посланный рабыни. Вновь писала мне Асмат,
Чтобы я, пронзенный в сердце, приходил немедля в сад.
Радость душу озарила, развязала цепь преград.
Взяв слугу, я в путь пустился, нетерпением объят.

Сад был пуст. Войдя в ворота, здесь не встретил никого я.
Вдруг Асмат, сияя, вышла из заветного покоя.
«Извлекла, как видишь, витязь, шип из сердца твоего я;
Расцветающая роза ждет любимого героя!»

Подняла она завесу. Я увидел трон из злата,
Бадахшанскими камнями изукрашенный богато.
И на нем сияло солнце, не познавшее заката,—
В душу мне смотрели очи, как озера из агата.

Так стоял я, но ни слова не сказала дева мне,
Только ласково смотрела, как на близкого вполне.
«Уходи,— Асмат шепнула,— здесь с тобой наедине
Говорить она не будет». И ушел я, весь в огне.

До ворот меня рабыня в этот день сопровождала.
Я роптал: «Судьба, не ты ли здесь меня уврачевала?
Отчего же, дав надежду, ты еще суровей стала?»
Но наперсница царевны в утешенье мне сказала:

«Не горюй, что вы ни словом обменяться не успели!
Затвори приют страданья, пригласи к себе веселье!
Пред тобой она смутилась — дева, гордая доселе,
И девическую скромность предпочла в любовном деле».

«О сестра,— сказал я деве,— для меня лишь ты бальзам!
Заклинаю, будь мне другом, я за все тебе воздам.
Шли ко мне свои посланья и, со мною пополам,
Благосклонное вниманье прояви к моим делам».

На коня я сел, поехал, не обласканный приветом,
До утра в опочивальне просидел я нераздетым.
Я, кристалл, рубин и роза, стал синей индиго цветом,
Утешался тьмою ночи, унывал перед рассветом.

Тут посланцы от хатавов возвратились налегке.
Изъяснялся хан подвластный на враждебном языке:
«Мы, хатавы, не трусливы, наша крепость на замке.
Что́ нам царь земли индийской? Разве мы в его руке?»

ОТВЕТ РАМАЗА И ПОХОД ТАРИЭЛА НА ХАТАВОВ

«Я, Рамаз,— писал властитель, — извещаю Тариэла:
Удивляюсь, как дерзнул ты говорить со мною смело.
Разве ты указчик хану, чьим владеньям нет предела?
Прекрати свои писанья, до тебя мне нету дела!»

И тотчас же за войсками понеслись мои старшины.
Многочисленны, как звезды, были Индии дружины.
Из далеких мест и близких устремились их лавины
И заполнили собою горы, скалы и долины.

Не задерживаясь дома, шли они на голос мой.
Я собравшемуся войску смотр устроил боевой.
Похвалил его убранство, быстроту и ратный строй,
Хорезмийское оружье, легкость конницы лихой.

Тут я поднял над войсками стяг владыки черно-красный
И велел без промедленья собираться в путь опасный,
Сам же плакал и томился, удручен судьбой злосчастной:
«Как покину я столицу, не увидевши прекрасной?»

Я пришел домой, не в силах превозмочь сердечной скуки,
И сочились из запруды слезы горести и муки.
«О судьба, к чему ты клонишь? — я твердил, ломая руки.—
Для чего безумцу роза, если с нею он в разлуке?»

И письмо — не диво ль это! — подал мне слуга опять.
И опять Асмат писала мне, возглавившему рать:
«Приходи! Тебя царевна снова хочет увидать.
Это лучше, чем томиться и в разлуке увядать!»

И воспрянул я душою, положив конец заботам.
Были сумерки, когда я подъезжал к ее воротам.
Кроме девушки-рабыни, я не встретил никого там.
«Поспеши, о лев, к светилу и дивись его щедротам!»

В многоярусную башню я поднялся вслед за нею
И увидел то светило, о котором пламенею.
В изумрудном одеянье, средь ковров, любимых ею,
Мне напомнила царевна станом стройную лилею.

Близ ковра остановившись, перед нею я поник,
Свет блаженства и надежды, словно столп, в душе возник.
Был красив, как луч светила, молодой царевны лик,
Но она его стыдливо приоткрыла лишь на миг.

«Дай, Асмат, подушку гостю»,— дева вдруг проговорила.
Я послушно сел напротив той, чей лик светлей светила.
Сердце, отданное року, радость снова озарила.
Удивляюсь, как живу я, вспоминая то, что было!

«Витязь мой,— сказала дева,— я тебе при первой встрече
Не промолвила ни слова, презирая красноречье.
Увядал ты, как растенье, от возлюбленной далече,
Но и мне ведь подобали скромность и чистосердечье.

Знаю: женщины обычно пред мужчинами молчат,
Но молчать о тайнах сердца тяжелее во сто крат.
Для людей я улыбалась, а в душе таила яд.
Вот зачем к тебе, мой витязь, посылала я Асмат.

С той поры, когда ты страстью воспылал ко мне мгновенно,
Одного тебя, мой витязь, я любила неизменно.
Девяти небес лишая, пусть сожжет меня геенна!
И клянусь: коль в этих чувствах вдруг наступит перемена,—

Стали дерзкими хатавы, рвутся к нашему порогу,—
Поезжай, разбей хатавов, если то угодно богу!
Только что я буду делать, погруженная в тревогу?
Ах, оставь свое мне сердце, а мое возьми в дорогу!»

Я сказал: «Такого счастья ждать доселе я не мог.
Коль меня ты полюбила, значит, так устроил бог.
Ты наполнила лучами сердце, полное тревог.
Буду я твоим, доколе не наступит смерти срок».

Клялся я над книгой клятвы, и она клялась со мною,
Подтвердив свои признанья этой клятвою святою.
«Если я,— она сказала,— изменю тебе, герою,
Пусть убьет меня создатель всемогущею рукою».

Ели сладкие плоды мы в этот сладкий миг свиданья,
Столь же сладостными были наши нежные признанья.
И, когда настало время горьких слез и расставанья,
От лучей ее горело сердце, полное сиянья.

Трудно было мне расстаться с лалом девственных ланит.
Мне казалось: мир мгновенный принимает новый вид.
Мне казалось: солнце в небе для меня лучи струит...
Ныне сердце без любимой затвердело, как гранит!

На коня вскочил я утром и велел трубить к походу.
Рать моя была готова сквозь огонь пройти и воду.
Лев, я вел ее к хатавам, деве царственной в угоду,
По нехоженым дорогам, недоступным пешеходу.

Я прошел рубеж индийский, шел с восхода до заката.
Мне посол навстречу вышел от Рамаза-супостата.
Речь его была искусна и притом замысловата:
«Задерут волков хатавских индостанские козлята».

Мне подарок драгоценный повелел вручить Рамаз
Со словами: «Умоляю, не ходи с войной на нас!
Мы, с ярмом твоим на шее, обещаем в этот раз,
Что детей и все богатство отдадим тебе тотчас.

Ты прости нас и не сетуй на былые прегрешенья.
Если ты страну избавишь от войны и разрушенья,
Можешь с малою дружиной к нам прийти без промедленья:
Мы сдадим тебе без боя крепостные укрепленья».

Я собрал моих вазиров, и вазиры мне сказали:
«Витязь, ты покуда молод, и поймешь врагов едва ли,
Мы ж коварство их на деле, как ты знаешь, испытали:
Смерть тебе они готовят, нам же — скорби и печали.

Ты возьми с собой дружину копьеносцев удалых,
Пусть войска идут за вами, посылая к вам связных.
Коль хатавы не обманут, ты заставь поклясться их,
А не так — великим гневом покарай врагов своих».

Я послушался вазиров и послал известье хану:
«Мне твои известны мысли, спорить я с тобой не стану.
Жизнь тебе дороже смерти,— бойся, если я нагряну!
Нынче с малою дружиной к твоему я еду стану».

Триста витязей отважных я в своей оставил свите,
Но поблизости велел я войску следовать в укрытье.
Я сказал: «Куда б ни шел я, вслед за мною вы идите
И, когда пошлю за вами, мне немедля помогите».

Шел три дня я, и навстречу новый выехал гонец.
Хан мне слал одежд немало, и запястий, и колец.
Он писал мне: «Поскорее приезжай ко мне, храбрец,—
Всех даров моих прекрасных не вмещает мой дворец».

Он писал еще яснее: «Верь мне, витязь с сердцем львиным:
Я спешу к тебе навстречу по горам и по долинам».
«По душе мне,— я ответил,— повидаться с властелином,
Встретив радостно друг друга, будем мы отцом и сыном».

Раз, когда мы задержались на окраине дубравы,
Снова, кланяясь бесстыдно, подошли ко мне хатавы,
Привели коней в подарок и воскликнули, лукавы:
«Хан тебя желает видеть, ибо ты достоин славы!

Хан клянется амирбару, что, забыв свои пиры,
Завтра встретит он героя и вручит ему дары».
Я из войлока поставил тем посланникам шатры,
Принял ласково и выдал для ночлега им ковры.

Не проходит в этом мире дело доброе бесследно!
Раз один из тех хатавов к нам пробрался незаметно.
«Послужить тебе,— сказал он,— я давно пытаюсь тщетно,
Оказать тебе услугу, ибо предан беззаветно.

Дело в том, что твой родитель воспитал меня когда-то.
Я обязан об измене известить тебя, как брата.
Страшно мне, что будет роза ныне сорвана и смята.
Слушай, я тебе открою замышленья супостата.

Знай, мой витязь: эти люди обмануть тебя хотят.
В неком месте их сигнала ждет стотысячный отряд.
Втрое большая дружина выйдет к вам наперехват.
Если ты не примешь меры — не воротишься назад.

Хан тебя с дарами встретит, будет льстить и унижаться.
Усыпив твое вниманье, хитрецы вооружатся.
Войско выйдет из засады, лишь костры их задымятся.
Если ж тысячи нагрянут — одному куда деваться?»

Благодарностью ответил я на это извещенье.
Я сказал: «Коль уцелею, дам тебе вознагражденье.
Уходи теперь обратно, чтоб не вызвать подозренья,
Если я тебя забуду, буду проклят в тот же день я».

Тайну вражескую эту не открыл я никому,—
Будь что будет, все советы одинаковы уму!
Но приказ с гонцом надежным выслал войску моему:
«Поспешите через горы к амирбару своему!»

Утром я велел хатавам передать письмо Рамазу:
«Хан Рамаз, спеши навстречу, я явился по указу!»
Снова шел я до обеда, не боясь дурного глазу,
Ведь кого судьба захочет, все равно прикончит сразу.

Наконец завесу пыли заприметил я с кургана.
«Вот идет Рамаз,— сказал я,— он раскинул сеть обмана,
Пусть мой меч непобедимый поразит злодея-хана!»
И тогда мою дружину со всего собрал я стана.

Я сказал дружине: «Братья, наши недруги — лгуны,
Обессилеть наши руки перед ними не должны.
Те, кто пал за государя,— к небесам вознесены.
Нам ли меч таскать без дела, коль настали дни войны?»

Зычным голосом в доспехи приказал себя облечь я,
И надели мы кольчуги, и надвинули оплечья,
И построил я дружину, и повесил сбоку меч я,
И обрек в тот день хатавов на страданья и увечья.

Мы приблизились. Хатавы, увидав сверканье стали,
Мне с великою досадой приближенного послали:
«Почему вы не свершили то, что нам пообещали?
Видя вас в вооруженье, мы в заботе и печали».

Я велел сказать Рамазу: «Знаю умысел я твой,
Но не быть тому, изменник, что задумано тобой!
Как велит обычай предков, выходи на смертный бой!
Взял я меч — и, значит, скоро ты простишься с головой!»

Удалился тот посланец, и его не слали боле.
Выдав замысел Рамаза, дым столбом поднялся в поле.
Войско вышло из засады, незаметное дотоле,
Но нанесть мне пораженье не смогло по божьей воле.

Взяв копье, простер я руку и закрыл лицо забралом
И в сраженье, полный рвенья, полетел с отрядом малым.
Я продвинулся на стадий в наступленье небывалом.
Но враги стояли твердо, образуя вал за валом.

Увидав густые толпы, прямо к ним рванулся я.
«Он безумец!» — закричали люди, в грудь себя бия.
Я пронзил передового, но сломал конец копья.
Меч! Хвала руке, которой сталь наточена твоя!

Я на стаю куропаток, как орел слетел могучий,
Я бросал их друг на друга, громоздил из трупов кучи.
Те, кого метал я в воздух, камнем падали из тучи.
Перебил я в двух отрядах цвет их войска наилучший.

Но враги сомкнулись снова, окружив меня толпою,
Я разил их без пощады, проливая кровь рекою.
На седло мертвец валился переметною сумою.
Где лишь я ни появлялся, все бежало предо мною.

Поздно вечером с кургана крикнул вражий караул:
«Не задерживайтесь боле! Божий гнев на нас дохнул!
Пыль над полем заклубилась, слышен грохот там и гул.
Неужели, вызвав войско, нас противник обманул?»

Оказалось: в самом деле, то индийцы подоспели,
День и ночь они спешили, чтоб помочь мне в трудном деле.
Не вмещали их долины, не хватало им ущелий,
Громко били их литавры, выли трубы и свирели.

В бегство кинулись хатавы, не противясь нашей силе,
По полям кровавой битвы мы в погоню поспешили.
Из седла я выбил хана, мы мечи в бою скрестили,
Подоспевшие отряды всех людей его пленили.

Замыкающие наши брали всадников в полон,
Перепуганных и бледных, из седла их рвали вон.
За труды бессонной ночи каждый был вознагражден:
Вопль испуганных хатавов долетал со всех сторон.

Наконец с коней усталых мы сошли на поле брани.
Я, мечом поранен в руку, не заботился о ране.
Вкруг меня, дивясь, толпились все мои однополчане
И в восторге не решались нарушать мое молчанье.

И великого почета был тогда я удостоен:
Мне свои благословенья слал, ликуя, каждый воин.
Воспитатели дивились, как урок их был усвоен,
Ибо много я оставил ран глубоких и пробоин.

Я отряды за добычей разослал кого куда,
И они, обогатившись, возвратились без труда.
Тех, кто жаждал нашей крови, усмирил я навсегда,
И без боя предо мною отворились города.

Обратился я к Рамазу: «О твоей я знал измене!
Постарайся же загладить это злое преступленье,
Сдай войскам моим немедля крепостные укрепленья,
Если будешь препираться, не видать тебе прощенья».

Отвечал Рамаз: «Отныне нет конца моим невзгодам,
Но доверь ты мне вельможу из моих владений родом,
Я пошлю его с указом к подчиненным воеводам,
Чтобы мог ты утвердиться над страною и народом».

С тем доверенным вельможей я послал моих людей.
Крепостные воеводы появились у дверей.
И сдалось мне без сраженья много разных крепостей...
С чем сравню я груды злата в новой вотчине моей!

Лишь тогда по Хатаети я прошел как победитель.
Мне казну сдавал немедля в каждом городе правитель.
Я сказал: «Пускай индийцев не страшится мирный житель,
Я людей не жгу лучами, ибо я не погубитель!»

Все сокровищницы были переполнены казною.
Я не мог бы перечислить всех богатств, добытых мною,—
Там пленился покрывалом рядом с шубкой дорогою,—
Ты и сам бы восхитился дивной прелестью такою!

Из какой, не понимаю, изготовленные ткани,
Всех они очаровали, как небесное созданье.
Ни парчи они, ни пряжи не имели в основанье,
Но подобны были стали, изливающей сиянье.

Их для девы светоносной я в подарок приберег.
И на тысяче верблюдов отослал царю оброк,—
Был любой из тех верблюдов и красив и крепконог...
Я хотел, чтоб доброй вести царь порадоваться мог.

ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛА ЦАРЮ ИНДИЙСКОМУ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕГО НА РОДИНУ

«Счастлив ты, о царь великий! — написал я Фарсадану.—
Вероломство и измена не пошли на пользу хану.
Не кори, что с запозданьем шлю я вести Индостану:
Скоро я с плененным ханом пред тобою сам предстану».

Я привел страну в порядок и, как требовал обычай,
Поспешил из Хатаети с драгоценною добычей.
Мне верблюдов не хватило, снарядил я поезд бычий,
Увенчал себя я славой, удостоенный отличий.

Повелителя хатавов вез с собой я на коне.
Фарсадан, отец названый, встретил нас в родной стране.
Он хвалил меня и славил, и, утешенный вполне,
Мягкой белою повязкой повязал он рану мне.

И уставили всю площадь драгоценными шатрами,
Чтоб на радостях со всеми мог я видеться друзьями.
Здесь возлюбленный владыка пировал, ликуя с нами,
И сидел со мною рядом, и дарил меня дарами.

До утра мы веселились, пили снова мы и снова
И в столицу возвратились после пиршества ночного.
Царь сказал: «Позвать дружину! Ради праздника такого
Я желаю видеть пленных и Рамаза-пустослова!»

И плененного Рамаза я доставил в зал дворца.
На него взглянул владыка, как на глупого юнца.
Не хотел и я порочить двоедушного лжеца:
Униженье беззащитных недостойно храбреца.

Фарсадан ласкал хатава, угощал его обедом,
Как заботливый хозяин, снисходил к его беседам.
Наконец меня позвал он и спросил перед рассветом:
«Заслужил ли он прощенья, находясь в позоре этом?»

Я осмелился ответить: «Так как бог прощает грешным,
Будь и ты добросердечен с этим плутом безутешным».
Царь сказал ему: «Прощаю и тебе, и всем мятежным,
Но смотри не попадайся, коль к делам вернешься прежним!»

Десять тысяч драхм владыке уплатить поклялся хан,
Сверх того, шелков хатавских привезти из дальних стран.
Царь одел его и свиту, выдал каждому кафтан
И вернул им всем свободу, невзирая на обман.

С благодарностью смиренной принял пленник эти вести:
«Бог меня жалеть заставил, что пошел я против чести,
Если снова согрешу я, заколи меня на месте!»
И уехал он, и свита ускакала с ханом вместе.

На заре от Фарсадана человек ко мне явился:
«Уж три месяца, мой витязь, как с тобой я распростился!
Я не ездил на охоту и по дичи истомился,—
Приезжай ко мне немедля, если ты не утомился».

Нас охотничьи гепарды ожидали с ранних пор,
Статных соколов сокольник выносил на царский двор.
Мой владыка солнцеликий был одет в простой убор,
Лишь вошел я — и весельем загорелся царский взор.

В это утро втихомолку царь сказал своей супруге:
«Посмотреть на Тариэла рвутся люди из округи,
Веселит он людям сердце, исцеляет их недуги,
Потому тебя, царица, об одной прошу услуге:

Так как нашей юной дочке быть назначено царицей,
Пусть она, краса Эдема, поразит сердца сторицей.
Посади ее с собою на пиру пред всей столицей,
Я приду, вернувшись с поля, любоваться светлолицей».

Мы охотились в долине у подножья диких скал.
Много было гончих в поле, сокол в воздухе витал.
Но, не кончив перехода, царь вернуться пожелал,
Даже тех, что в мяч играли, на второй игре прервал.

Люди ждали нас на кровлях и толпились на майдане.
Я, как воин-победитель, ехал в пышном одеянье.
Бледнолицый, словно роза, привлекал я их вниманье,
И немало любопытных потеряло там сознанье.

Я украшен был чалмою, что судьба мне в дар послала,
И она своей красою мне величья придавала.
Царь сошел с коня, и вместе мы вошли под своды зала,
И увидел я светило, и душа затрепетала!

В золотистом одеянье, роем дев окружена,
Появилась предо мною, лучезарная, она.
Блеском дивного сиянья озарилась вся страна,
В розах губ блистали перлы, изливая пламена.

Руку я носил в повязке из тончайшего виссона.
Увидав меня, царица поднялась, ликуя, с трона,
Целовала, словно сына, говорила благосклонно:
«Не оправятся хатавы после этого урона».

Сел я рядом с государем, это мне приятно было:
Предо мною восседала та, чей лик светлей светила.
Я тайком смотрел на деву, взор она не отводила,
Без нее мне жизнь казалась ненавистной, как могила.

И опять приличный сану царь устроил пышный пир,
И таких пиров веселых не видал доселе мир.
Там на кубках красовались бирюза, рубин, сапфир,
Там не смел остаться трезвым ни дружинник, ни вазир.

Отдавался я веселью, обожанием томимый,
Потухал от нежных взоров мой огонь неугасимый,
Но, людей остерегаясь, я скрывал восторг незримый...
Есть ли что на свете слаще созерцания любимой?

Царь велел певцам умолкнуть. Люди головы склонили.
«Тариэл,— сказал владыка,— нас обрадовал не ты ли?
Мы, как видишь, веселимся, а хатавы приуныли.
Весь народ тобой гордится и твоей дивится силе.

В драгоценные одежды мы должны тебя облечь,
Твоего, однако, платья мы снимать не будем с плеч.
Сто сокровищниц в награду дам тебе я, кончив речь,
Можешь сшить наряд по вкусу, остальное приберечь».

Снова царь воссел довольный. Снова арфы заиграли,
Снова мы, певцам внимая, безмятежно пировали.
Нас покинула царица, только сумерки настали,
Мы ж до ночи веселились, позабыв свои печали.

Наконец из достаканов больше пить не стало мочи.
Я ушел в опочивальню, лишь настало время ночи.
Жег меня огонь любовный с каждым часом все жесточе,
Ликовал я, вспоминая, как ее смотрели очи.

И сказал мне мой прислужник: «Вся закутана чадрой,
Витязь, некая девица хочет видеться с тобой».
Я вскочил с дрожащим сердцем, встретил деву как шальной,
И наперсница царевны проскользнула в мой покой.

Встретил я Асмат с восторгом, не позволил поклониться,
Посадил с собою рядом, чтоб беседой насладиться,
Стал расспрашивать: «Скажи мне, как живет моя царица —
Та, с кем дерево алоэ красотою не сравнится?

Говори о том светиле, что свело меня с ума!»
«Витязь,— молвила девица,— все скажу тебе сама.
Во дворце друг другу нынче вы понравились весьма,
Остальное, коль захочешь, ты узнаешь из письма».

ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ЕЕ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

Вот посланье той, чей образ пламенеет над вселенной:
«Витязь, ты сиял сегодня, словно камень драгоценный!
На коне ты мчался лихо, красотой дивил отменной,—
Сладких слез моих причина мне казалась несравненной.

Восхвалять тебя должна я от восхода до заката,
Но, увы, с тобой в разлуке я отчаяньем объята.
Ради льва лелеет солнце прелесть розы и агата,
И клянусь тебе светилом, что верна тебе я свято.

И хотя ты не напрасно проливаешь слез поток,—
Не печалься, умоляю,— горе витязю не впрок.
Кто из нас собою краше, это знает только бог.
Я хочу, чтоб ты вуалью красоту мою облек.

Ты укрась меня вуалью чужестранной, дорогою,
Чтоб прекрасный твой подарок неразлучен был со мною.
Сам носи мое запястье, я дарю его герою,—
Память этой дивной ночи да пребудет век с тобою!»

Застонав при этом слове, словно зверь в ночи туманной,
Тариэл запястье тронул: «Вот он, дар моей желанной!»
Снял с руки его, рыдая, удручен душевной раной,
И, прильнув к нему устами, пал на землю бездыханный.

Как мертвец перед могилой, он лежал, тоской убит.
На груди темнели пятна от ударов о гранит.
Бледный лик Асмат терзала, исторгая кровь ланит,
И водою орошала друга, мертвого на вид.

Автандил смотрел на брата, полный горя и волненья.
Слезы девы прожигали неподвижные каменья.
Наконец очнулся витязь и сказал через мгновенье:
«Кровь моя — добыча рока. Как не умер в этот день я?»

Бледный, он присел на ложе, посмотрел как бесноватый,
Принимая цвет шафрана, роза стала желтоватой.
И молчал он долго-долго, удручен своей утратой,
И не радовался жизни, безнадежностью объятый.

И сказал он Автандилу: «Хоть темно мое сознанье,
Для тебя я попытаюсь довершить повествованье,
Потому что встреча с другом порождает упованья...
Удивляюсь, как живу я, несмотря на все терзанья.

Так Асмат сестры дороже стала сердцу моему,
Мне дала она запястье — дар, приложенный к письму.
Я сказал, что то запястье девы с радостью приму,
Ей же дал вуаль из ткани, не известной никому».

ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛА ВОЗЛЮБЛЕННОЙ И СВАТОВСТВО НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Я писал в ответ: «О солнце! Свет, ниспосланный тобою,
Усмирив мою отвагу, овладел сегодня мною.
Как безумец, упиваюсь я твоею красотою...
Чем воздам тебе за это, если я вниманья стою?

Раньше я в живых остался по твоей лишь благостыне,
И опять меня, безумца, осчастливила ты ныне.
Для меня твое запястье драгоценнее святыни,—
С ним, веселием объятый, забываю я унынье.

Видит бог, твое желанье я хотел предупредить!
Я вуаль тебе за счастье почитал бы подарить.
О, приди ко мне на помощь! Помоги безумцу жить!
Разве я кого другого в состоянье полюбить?»

Дева тотчас удалилась. Я задумался устало.
И царевна предо мною в сновидении предстала.
Вздрогнул я и пробудился, и ее как не бывало.
Вспоминая голос милый, я уже не спал нимало.

Рано утром царь с царицей во дворец меня позвали.
Я, покорный властелину, появился в царском зале.
Царь с царицей, три вазира там большой совет держали.
Мне они, как амирбару, сесть напротив приказали.

Царь сказал: «По божьей воле мы — на склоне наших дней.
Время старости подходит, время бедствий и скорбей.
Даровал нам бог царевну, не послал нам сыновей.
Мы ее, как сына, любим и заботимся о ней.

Нынче мы царевну браком сочетать должны законным.
Ей супруг достойный нужен. Где, скажи, найти его нам?
Будет он хранить державу и владеть индийским троном,
Угрожать стране войною он не даст иноплеменным».

Я сказал: «Прискорбно сердцу, что творец вам не дал сына!
Но прекрасная царевна — упованье господина.
Породниться с вами — счастье для любого властелина.
Вам, правителям, известен образ свадебного чина».

Мы советоваться стали. Я от горя помертвел,
Понимая, что не в силах изменить теченье дел.
Царь сказал мне: «Шах Хорезма горделив, могуч и смел,—
Если он отдаст нам сына, будет сладок наш удел».

Было видно: царь с царицей предрешили все заране,
Слишком явно на совете совпадали их желанья.
Я вступить с моим владыкой не решился в пререканье
И молчал, как прах ничтожный, потерять боясь сознанье.

«Шах,— промолвила царица,— государь весьма отменный,
Будет сын его под пару нашей дочке несравненной».
Что я мог сказать на это ей, владычице надменной?
Согласился я, несчастный, запятнал себя изменой.

Царь отправил к хорезмийцу наилучших из людей:
«Шах! Наследника престола я лишен в семье моей.
Я взрастил царевну-дочку, не имея сыновей,
Да прибудет твой царевич и супругом будет ей!»

Люди быстро возвратились, отягченные дарами.
Шах ответил им такими благосклонными словами:
«Даровал нам вседержитель то, что мы желали сами.
Кто ж откажется от девы? Нет такого между нами!»

И опять за нареченным царедворцы полетели:
«Не задерживайся, витязь, и не медли в этом деле!»
Как-то раз, устав на поле, я лежал в своей постели.
Сердце, горестью томимо, не мечтало о веселье.

Мне ножом пронзить хотелось сердце, полное тоской...
Вдруг Асмат слугу прислала с вестью краткою такой:
«Та, чей стан стройней алоэ, хочет видеться с тобой.
Приходи немедля, витязь, в башню девы молодой!»

На коня я сел, поехал и вошел в ее ограду,
И Асмат у входа в башню повстречал, пройдя по саду.
Я печаль ее заметил по слезам ее и взгляду,
И, встревоженный, не смел я про свою спросить отраду.

Скорбь сестры моей названой в этот день меня смутила,—
Дева, как бывало раньше, не смеялась, не шутила,
Не сказала мне ни слова, только плакала уныло,
Заронив тревогу в сердце, ран моих не исцелила.

Эта плачущая дева, не вступая в разговор,
Провела меня в покои и откинула ковер,
И увидел я царевну, и узнал ее убор,
Но лучи ее не грели, как бывало до сих пор.

Упадало на завесу от нее подобье света,
Но была она небрежно в этот скорбный час одета.
В том же платье изумрудном, на тахте того же цвета
Вся в слезах сидела дева, на поклон не дав ответа.

Как на выступе утеса громоносная тигрица,
На меня смотрела гневно омраченная девица.
Ни луна, ни солнце в небе не могли бы с ней сравниться...
Наконец она привстала предо мной, молниелица.

«Лжец! — воскликнула царевна.— Верно, нет в тебе стыда,
Коль, нарушив слово клятвы, ты посмел войти сюда!
Бог воздаст тебе за это, жди теперь его суда!»
Я сказал: «Открой, о солнце, в чем она, моя беда?

Как могу я оправдаться, коль тебя не разумею?
За какие преступленья пред тобою я бледнею?»
Но она мне отвечала: «Что слова тебе, злодею!
Обманулась я по-женски, став возлюбленной твоею!

Отдают меня насильно за царевича чужого,
Ты на это согласился, не сказал отцу ни слова.
Ты свою нарушил клятву, ты похож на пустослова,
И отныне за притворство я отмстить тебе готова.

Иль не помнишь, вероломный, как ты плакал и стонал,
Как тебе лекарство лекарь приносил и подавал?
С кем теперь сравню тебя я, переменчивый бахвал?
От тебя я отрекаюсь, ибо ты неверен стал.

Будь владыки наши правы, будь они совсем неправы,—
Кто б ни правил Индостаном, я — наследница державы!
Я не дам тебе, изменник, продолжать твои забавы:
Ты лукав, и все стремленья у тебя, как ты, лукавы.

Я тебя заставлю скрыться из отцовского предела.
Не уйдешь по доброй воле — улетит душа из тела!
Ты подобной мне не сыщешь, как бы сердце ни болело!»
«Горе мне!» — при этом слове стон раздался Тариэла.—

Я тогда воспрянул духом от таких ее речей.
И взглянул, подняв зеницы, в глубину ее очей.
Удивляюсь, как живу я, разлучен навеки с ней!
Почему, о мир коварный, жаждешь крови ты моей!

На ковре Коран открытый я заметил пред царевной.
Взяв Коран, прославил бога я молитвою душевной.
Я сказал: «Меня, о солнце, ты спалила речью гневной,
Но послушай, что скажу я о судьбе моей плачевной.

То, о чем скажу тебе я, будет правдою святою,
Коль солгу, пускай все небо потемнеет надо мною!
Ты сама сейчас увидишь: не запятнан я виною!»
«Говори!» — она сказала и кивнула головою.

Я сказал: «Коль словом клятвы я, несчастный, пренебрег,
Пусть и молнии и громы на меня обрушит бог!
Разве я любви блаженство без тебя изведать мог?
Разве я живым останусь, коль пронзит меня клинок?

Царь меня в свои чертоги пригласил на совещанье.
Чужестранного супруга он избрал тебе заране.
Что я мог с царем поделать, затевая пререканья?
Согласился я, на время затаив свои страданья.

Как я мог с владыкой спорить, если он не понял ясно,
Что стране без государя быть поистине опасно?
Я один имею право здесь царить единовластно.
Пусть идет сюда царевич. Он идет сюда напрасно!

Я сказал себе: «Подумай, нужно выбрать новый путь,
Поразмыслив на досуге, легкомысленным не будь».
Уж хотелось мне, как зверю, убежать куда-нибудь,
Но тебя, мое светило, разве мог я обмануть?

Ради сердца, как на рынке, торговал я там душою...»
Ливень, розу леденивший, вдруг повеял теплотою.
Ряд сияющих жемчужин приоткрылся предо мною.
«Если так,— сказала дева,— не запятнан ты виною.

Разве я могу поверить, что избрал ты путь обмана,
Что грешишь ты против бога над страницами Корана!
Ты руки моей немедля попроси у Фарсадана,
Чтоб воссесть тебе на троне государем Индостана!»

Тут она, забыв о гневе, стала ласкова со мной,—
То ль сошло на землю солнце, то ли месяц молодой.
Обласкала и впервые усадила пред собой,
В сердце нежными словами потушила пламень мой.

«Мудрецу,— она сказала,— торопиться не пристало,
Поступить он так обязан, чтоб душа не горевала.
Если ты задержишь гостя, поразит тебя опала,
И тогда над Индостаном разразится бед немало.

Если ж гость сюда приедет и решит на мне жениться,
Мы расстанемся и в траур обратится багряница.
Будем мы с тобою плакать, а владыки веселиться.
Нет, не должно чужестранцу в Индостане утвердиться!»

Я сказал: «Не дай-то боже, чтоб приехал к нам жених!
Лишь прибудут хорезмийцы, я сумею встретить их.
Пусть они узнают силу и проворство рук моих.
После битвы мы посмотрим, что останется от них!»

Но царевна отвечала: «Не велит рассудок здравый,
Чтобы я была причиной этой ярости кровавой.
Лишь царевича убей ты, не грози другим расправой.
Куст сухой зазеленеет там, где суд творится правый.

Сделай так, герой отважный, наделенный силой львиной:
Жениха убив украдкой, не сражайся ты с дружиной.
Ты его единоверцев не равняй с простой скотиной,—
Сердце вынести не в силах этой крови неповинной.

Объяви ты Фарсадану, чтоб не впасть в великий срам:
«Наша Индия вовеки не достанется врагам.
Из отцовского наследья я ни драхмы не отдам.
Я сожгу твою столицу, если будешь ты упрям!»

Обо мне не начинай ты с государем разговора,
Пусть не думает владыка, что любовь — причина спора.
Будет царь молить и плакать, он не вынесет позора,
Я в твои отдамся руки, и на трон взойдем мы скоро».

Этот замысел царевны мне, безумцу, полюбился,
И опять, с мечом в деснице, сердцем я воспламенился.
Хоть удерживала дева, с нею быстро я простился,
Но обнять мое светило на прощанье не решился.

С болью очи оторвал я от девических красот,
И вела меня рабыня, провожая до ворот,
И ушел я, как безумный, и в печальный вечер тот
За единственную радость вынес тысячу невзгод.

ПРИЕЗД ХОРЕЗМИЙСКОГО ЦАРЕВИЧА И ГИБЕЛЬ ЕГО ОТ РУКИ ТАРИЭЛА

«Государь, жених приехал!» — объявил царю глашатай.
Мог ли знать жених, какою бог грозит ему расплатой?
Позабыл печаль владыка, светлой радостью объятый,
И велел мне сесть с собою в царской горнице богатой.

Царь сказал: «Да будет ныне день великого веселья!
Свадьбу радостную справлю посреди своих земель я.
Пусть сокровища немедля принесут из подземелья!
Скупость — признак скудоумья. Все раздам, чем жил досель я!»

За сокровищами тотчас я послал моих людей.
Хорезмиец вскоре прибыл с пышной свитою своей.
Горожане и вельможи вышли чествовать гостей.
Для собравшегося войска не хватало площадей.

Царь сказал: «Украсьте город драгоценными шатрами!
Пусть приехавший царевич отдыхает там с друзьями.
Прикажи войскам, чтоб вышли пир отпраздновать с гостями.
Сам же, встретив хорезмийца, оставайся вместе с нами».

Площадь красными шатрами мы уставили мгновенно.
Хорезмиец въехал в город и сошел с коня степенно.
Царедворцы из покоев шли к нему — за сменой смена,
И войска вокруг стояли, собираясь постепенно.

Все, что надобно, исполнив, я к себе вернулся в дом.
Утомившись на приеме, я хотел забыться сном.
Вдруг Асмат раба прислала с запечатанным письмом:
«Та, чей стан стройней алоэ, ждет тебя в саду своем».

Я поехал, но у башни лишь одна Асмат рыдала.
Я спросил: «О чем ты плачешь, завернувшись в покрывало?»
«Витязь,— молвила девица,— больше сил уже не стало
Защищать твои поступки. Я гожусь на это мало».

Мы вошли. И, словно солнце, освещая тьму алькова,
На меня взгляула дева раздраженно и сурово.
«Что ты ждешь? — она спросила.— Разве жертва не готова?
Иль опять меня забыл ты? Иль обманываешь снова?»

Прочь я бросился от девы и воскликнул, весь в огне:
«Будешь знать, кого люблю я и на чьей я стороне!
Разве доблесть полководца изменила нынче мне,
Чтобы деве приходилось понуждать меня к войне?»

Сотню воинов я поднял и сказал: «Готовьтесь к бою!»
И на площадь через город полетели мы стрелою.
Возлежал жених на ложе, распростертый предо мною.
Не пролив ни капли крови, он простился с головою.

Я схватил его за ноги и о столб шатра с размаха
Головой его ударил. Стража вскрикнула от страха.
Я вскочил в седло, помчался, поднимая тучи праха.
Был на мне шелом походный и кольчужная рубаха.

Слух прошел среди народа, что на площади резня.
Отбиваясь от погони, гнал я верного коня.
Некий город укрепленный был в то время у меня.
Там я скрылся за стеною, участь горькую кляня.

И приказ войскам отправил с человеком в тот же день я
«Тот, кто мне помочь желает, пусть придет без промедленья»
И до полночи глубокой, исполняя повеленье,
К крепостным моим воротам подходили подкрепленья.

Встал я с утренней зарею, свел отряды воедино
И увидел трех придворных, что пришли от властелина.
Царь вещал мне: «Бог свидетель, я взрастил тебя, как сына
Ныне я в тоске и горе. Ты один тому причина.

Ты зачем мой дом, безумец, этой кровью запятнал?
Если дочь мою любил ты, отчего мне не сказал?
Престарелый твой наставник, от страданий я устал
И тебя перед кончиной безвозвратно потерял!»

«Царь,— ответил я владыке,— я выносливей металла,
Оттого меня доселе пламя смерти не пожрало.
Но царям, владыкам нашим, правый суд творить пристало!
Знай же, царь: твоей царевны не желаю я нимало.

Города, дворцы и троны украшают нам державу.
Я — законный их наследник по рождению и праву.
Все цари поумирали, ты стяжал на троне славу,—
Твой престол теперь за мною остается по уставу.

Царь, ты сына не имеешь, у тебя лишь дочь — девица.
Если ты на трон индийский нам посадишь хорезмийца,
Что взамен себе добуду я, законный сын индийца?
Нет, покуда меч со мною, здесь пришлец не воцарится!

Выдавай царевну замуж, не давай видаться нам,
Я же Индию другому добровольно не отдам.
Тех, кто будет мне перечить, разорву я пополам,
Мне помощников не нужно, я расправлюсь с ними сам».

ТАРИЭЛ УЗНАЕТ О ПОХИЩЕНИИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Отослав вельмож обратно, я с ума сходил от боли:
Солнцеликую покинув, о ее не знал я доле.
Раз поднялся я на башню и с тоской взглянул на поле.
И тому, что там увидел, ужаснулся поневоле.

Два каких-то пешехода шли дорогою степною —
То Асмат ко мне спешила с провожающим слугою.
Вся в крови, без покрывала, с обнаженной головою,
Мне она не улыбалась, не здоровалась со мною.

Я едва не обезумел, полный горя и забот.
«Что случилось? — я воскликнул.— И к чему он, твой приход?»
И ответила мне дева, восклицая у ворот:
«Почернело наше небо от страданий и невзгод!»

Я спустился к ней навстречу, стал расспрашивать я снова.
Дева горько зарыдала, безутешна и сурова.
Долго мне она, бедняжка, не могла сказать ни слова.
Кровь из ран ее сочилась и текла на грудь, багрова.

Наконец она сказала: «Не избыть судьбы постылой!
Как обрадую тебя я, так и ты меня помилуй,
Будь ко мне добросердечен, обручи меня с могилой,
Разлучи с мгновенной жизнью, столь жестокой и немилой.

Лишь убил ты хорезмийца, разнеслась о том молва.
Царь, услышав об убийстве, был в отчаянье сперва.
За тобой послал он стражу, сыпал гневные слова.
Люди в поисках убийцы с ног не падали едва.

Наконец царю сказали: «За ворота витязь скрылся!»
Царь ответил: «Понимаю, как на это он решился,—
Он любил мою царевну, за нее с врагами бился,
Чтобы ею любоваться, увидать ее стремился.

Но клянусь я головою, что разделаюсь с сестрою,—
Божий путь она забыла и связалась с сатаною,
В сеть бесовскую толкнула деву собственной рукою...
Будь я проклят, коль оставлю эту сводницу живою!»

Царь не клялся головою, даже гневом обуян,
А поклявшись этой клятвой, не вводил людей в обман.
Тотчас кто-то из придворных, позабыв высокий сан,
Рассказал Давар-колдунье, что задумал Фарсадан.

Вот что он донес, проклятый, той колдунье из Каджети:
«Брат твой клялся головою, что не жить тебе на свете».
«Видит бог,— Давар сказала,— понапрасну я в ответе!
Невиновна я, но знаю, кто подстроил козни эти!»

В дорогой своей вуали, истомленная душевно,
Как всегда, красой сияла госпожа моя царевна.
Вдруг Давар вбежала в башню и, бранясь, вскричала гневно:
«Это ты мне, потаскуха, здесь вредила ежедневно!

Ты, блудница, амирбара на убийство навела!
Почему должна я кровью за твои платить дела?
Разве я была с тобою неуживчива и зла?
Дай же бог, чтоб Тариэла ты вовеки не нашла!»

И Давар с великой бранью на царевну напустилась,
С криком волосы рвала ей, колотила и глумилась.
Солнцеликая царевна лишь вздыхала и томилась,
И помочь ей, беззащитной, я от страха не решилась.

И тогда вошли с ковчегом два раба, по виду каджи.
Лица были их ужасны и тела чернее сажи.
И втолкнули в глубь ковчега нашу деву эти стражи,
И ни просьб ее, ни стонов не хотели слушать даже.

И ушли они, и к морю унесли ее в челнок.
«Горе мне! — Давар вскричала.— Истекает жизни срок!
Но не царь со мной покончит, а железный мой клинок!» —
И, пронзив себя кинжалом, пала мертвой на порог.

Отчего ж ты не дивишься, что осталась я живою?
Возвестительница горя, я сочувствия не стою!
Поступай со мной как хочешь, разлучи меня с душою!» —
Так Асмат мне говорила и рыдала предо мною.

Я сказал: «Сестра, опомнись! Смерти ты не заслужила!
Что, скажи, я должен сделать, чтоб найти мое светило?
Все моря я вслед за нею обойду, подняв ветрило!»
Так ответил я, но сердце, словно камень, вдруг застыло.

Обезумел я от скорби, охватил меня озноб.
Но подумал я: «Безумец! Ты сведешь себя во гроб!
Лучше странствовать по морю и скитаться средь трущоб,
Пусть друзья идут с тобою, не боясь пустынных троп!»

Возвратился я в покои и надел вооруженье,
Полтораста добровольцев взял с собой для услуженья.
Отворили мы ворота, миновали укрепленья,
И с дружиною у моря очутился в тот же день я.

На корабль я погрузился, по морским поплыл просторам,
Проходящие галеры стал держать я под надзором,
Но не встретил я царевну, и скорбел с потухшим взором,
И безумствовал, бессильный перед божьим приговором.

Год прошел, и каждый месяц был длиннее двадцати.
Даже тех, кто знал о деве, я не в силах был найти.
Друг за другом умирали корабельщики в пути.
Божья воля! Человеку против бога не идти!

Я корабль направил к суше. Мне скитанья надоели.
Как у загнанного зверя, затвердело сердце в теле.
Все, кто жив со мной остался, разбрелись, куда хотели.
Но не бросит бог скитальца, столь гонимого доселе!

Два раба со мной остались и несчастная Асмат.
Мне служили утешеньем много дней они подряд.
Малой вести, весом в драхму, был бы я в то время рад!
Плач казался мне отрадой, слезы падали, как град.

ВСТРЕЧА ТАРИЭЛА С НУРАДИН-ФРИДОНОМ

Раз по берегу я ехал, посреди садов зеленых,
Вдалеке виднелся город и пещеры в горных склонах.
Люди были мне противны, изливал я душу в стонах,
И коня остановил я средь деревьев густокронных.

Я заснул среди деревьев, слуги хлебы преломили.
Пробудившись, я заплакал, удержать печаль не в силе.
Не слыхал я о царевне ни случайной лжи, ни были,
Оттого поля и степи слезы горькие кропили.

Вдруг раздался крик у моря. Я взглянул перед собой,
Вижу: мчится гордый витязь, в руку раненный стрелой.
Он держал меча обломок, кровь текла с него струей,
Он выкрикивал угрозы, вызывал врага на бой.

Вороным конем он правил — тем, которым я владею.
Конь летел, подобно ветру, на лету сгибая шею.
Я уведомил пришельца, что о нем я сожалею,
Я велел спросить, какому угрожает он злодею.

Не сказал ни слова витязь. И вскочил тут на коня я,
И помчался и воскликнул, незнакомца нагоняя:
«Ты куда несешься, витязь, дух во мне воспламеняя?»
И понравился герою полный жгучего огня я.

«Это древо,— он промолвил,— краше всех иных дерев!
Я тебе открою, витязь, отчего я впал во гнев.
Враг мой, слабый, как козленок, возгордился, словно лев.
Он разбил нас, безоружных, и рассеял, одолев».

Я ответил: «Успокойся, отдохни под дубом старым!
Добрый витязь не робеет, поражен меча ударом».
И пошли мы, словно братья, разговаривая с жаром,
И красой его чудесной любовался я недаром.

Мой слуга, искусный лекарь, с кем я странствовал доселе,
Острия извлек умело стрел стальных, застрявших в теле.
Стал я спрашивать героя, как убить его хотели,
И тогда мне этот витязь о своем поведал деле.

Он сказал мне: «Я не знаю, кто ты, славный мой ездок,
Почему, гонимый роком, побледнел ты и поблек,
Отчего утратил свежесть и увянул, как цветок,
Почему свой дивный светоч потушить решился бог!

Государь Мульгазанзара, Нурадин-Фридон, отныне
Я и сам перед тобою в униженье и унынье.
Ты теперь в моих владеньях. Город мой внизу, в долине.
Невелик он, но красивей ты не встретишь на чужбине.

Дед мой, царь земель окрестных, чуя смерти приближенье,
Меж отцом моим и дядей поделил свои владенья.
Остров — тот, что виден в море,— составлял мое именье,
Ныне дядя с сыновьями захватил его в сраженье.

Соколиную охоту я затеял нынче днем,
Побывать хотел я также и на острове моем.
Я сказал моей дружине: «Ждите нас, и мы придем»,—
И с сокольничими в лодку мы уселись впятером.

Отказавшись от охраны, мы проехали заливом
И на острове нежданно с дядей встретились спесивым.
Я его не остерегся и, охотясь над обрывом,
Оглашал окрестность криком, своевольным и счастливым.

Нужно было мне на дядю обратить тогда вниманье!
Он расправиться со мною отдал людям приказанье,
Сам же сел с сынами в лодку, чтоб отрезать путь к охране.
Вместе с ловчими моими очутился я в капкане.

Услыхав чужие крики и заметив блеск мечей,
Я от берега отчалить поспешил в ладье моей.
Враг встречал меня повсюду, налетев, как вал морей,
Но не мог со мною сладить ради прихоти своей.

Вижу: с острова погоня вслед за мною поспешила,
Ведь лицом к лицу сражаться им со мною трудно было,
Потому меня из луков поразить старались с тыла...
Пополам мой меч сломался, стрел в колчане не хватило.

В руку раненный стрелою, окруженный супостатом,
Я из лодки прыгнул в море на коне моем крылатом,
И, хотя погибших ловчих я оставил навсегда там,
Сам живым я возвратился, отразив врага булатом.

Все грядущее от бога. Ныне я убог и сир,
Но за кровь мою сумею образумить я задир.
Будет жаловаться дядя, проклянет он божий мир,
Стаи воронов слетятся на его загробный пир!»

Мне, убогому скитальцу, полюбился витязь встречный.
Я сказал: «Спешить не надо, мой воитель безупречный!
Мы с тобой врагов накажем, заключив союз сердечный,—
Нам ли, воинам, страшиться их победы скоротечной!

Ты еще не знаешь, витязь, как судьба играет мною.
Будет время — на досуге душу я тебе открою».
Он ответил: «Что сравниться может с радостью такою?
Должником до самой смерти буду я тебе, герою!»

Невелик был, но прекрасен град Фридона. В знак печали
Пеплом голову посыпав, нас войска его встречали,
Рвали волосы от горя, на себе одежды рвали,
Рукоять меча владыки, обнимая, целовали.

Другу новому Фридона, мне они твердили вслед:
«Ты несешь нам, о светило, избавление от бед!»
И вошли мы в дивный город, полный редкостных примет,
Где в парчовую одежду каждый житель был одет.

ТАРИЭЛ ПОМОГАЕТ ФРИДОНУ ПОБЕДИТЬ ВРАГА

Скоро витязь исцелился и со мной сравнился в силе.
Войско мы вооружили и галеры оснастили.
Сколь отрадно было видеть наших ратей изобилье!
Вот мое повествованье, как врага мы истребили:

Враг в железные шеломы нарядил свою дружину,
На восьми ладьях огромных он явился к властелину.
Я, завидев эти лодки, устремился в середину
И, толкнув одну ногою, погрузил ее в пучину.

Тотчас я руками за нос взял соседнюю ладью
И мгновенно опрокинул, сокрушив ее в бою.
Остальные друг за другом в гавань бросились свою.
Все, кто были в том сраженье, храбрость славили мою!

Предназначив наши жизни переменным судьбам боя,
Мы в погоню за врагами понеслись под шум прибоя.
Мне понравилась в сраженье доблесть юного героя:
Храбр — как лев, лицо — как солнце, стан — как дерево
алоэ.

Он из седел друг за другом выбил дядю с сыновьями,
Он велел отсечь им руки перед нашими рядами.
Враг, захваченный в неволю, плакал горькими слезами.
Царь же в радости сердечной веселился вместе с нами.

Мы злодеев разогнали, окружили вражий стан,
Захватили их столицу — город, полный горожан,
Закидали их камнями, перемяли, как сафьян,
Нагрузили их богатством не один мы караван.

Царь Фридон своей печатью опечатал эти клади,
Дядю он увез с собою и пленил семейство дяди.
Про меня же, возвратившись, он твердил в своем отряде:
«Это дерево алоэ бог послал нам счастья ради!»

Скоро мы вернулись в город, чтоб с народом веселиться.
Вид наказанных злодеев заставлял сердца смягчиться.
Мне и витязю Фридону говорила вся столица:
«С вашей помощью, герои, кровь насильников струится!»

Увенчав царя Фридона, называл меня народ
Властелином властелинов, воеводой воевод.
Но грустил я, ибо розу потерял среди невзгод
И не мог знакомым людям открывать своих забот.

РАССКАЗ ФРИДОНА О НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Как-то раз с царем Фридоном мы охотились и вскоре
Поднялись на мыс высокий, сильно выдвинутый в море.
Новый друг мой был задумчив и сказал мне в разговоре:
«Удивительные вещи видел я на этом взгорье».

И свои воспоминанья он доверить мне решился:
«Раз на этом я утесе отдохнуть остановился:
Конь мой плавал, словно утка, в поле соколом носился.
Стал смотреть я, как над морем коршун в воздухе кружился.

Я поглядывал на небо и на море заодно.
Вдруг на море показалось чуть заметное пятно.
Приближаясь к побережью, быстро двигалось оно.
Отгадать, то зверь иль птица, было сверху мудрено.

Но не зверь то был, не птица — лодка на море мелькала,
В той ладье ковчег виднелся, на ковчеге — покрывало.
Два раба чернее сажи лодкой правили устало.
Заключенное в ковчеге, солнце дивное сияло.

Лодка берега достигала, вышла на берег девица.
Я ее увидел косы и не мог не подивиться:
Что могло на белом свете с красотой ее сравниться!
Перед блеском этих молний потускнела б и денница.

Задрожал я в нетерпенье, полный страстного огня,—
Роза, инеем покрыта, в сердце ранила меня!
И решил я этих стражей захватить средь бела дня,—
Мне казалось: было трудно убежать им от коня.

Тростники ломая с треском, закусил мой конь удило.
Стража топот услыхала и меня опередила.
Прискакал я и увидел заходящий луч светила:
Наполняя сердце горем, лодка в море уходила!»

Услыхав рассказ Фридона, позабыл я о покое
И с коня упал на землю, осрамившись при герое.
Кровь ланит моих струилась на оружье дорогое.
«Пусть умру, коль я не знаю это дерево алоэ!»

Невдомек Фридону было, почему его рассказ
Породил во мне безумье и отчаяньем потряс.
Словно сын, ко мне на помощь витязь бросился тотчас,
Градом сладостных жемчужин слезы хлынули из глаз.

«Горе мне! — воскликнул витязь.— Для чего сказал я это!»
«Не печалься,— я ответил.— Уж таков обычай света.
Я с прекрасной той луною связан узами обета.
Ныне я твои расспросы не оставлю без ответа».

И поведал я Фридону о судьбе моей злосчастной.
Он сказал: «Зачем не скрыл я этой новости опасной!
Прибыл ты ко мне по делу, царь индийцев полновластный,
Ты владеть достоин троном и страной своей прекрасной!

Бог, который дал герою кипариса стройный вид,
Истерзав герою сердце, нож от сердца удалит.
Он пошлет скитальцу милость, он избавит от обид,
Словно гром, слетев из тучи, горе в радость обратит».

Орошенные слезами, во дворце мы рядом сели.
Я сказал Фридону: «Витязь, помоги мне в этом деле!
Ведь таких, как ты, героев в мире не было доселе,
Мы вдвоем всего достигнем, что бы мы ни захотели.

Отплачу тебе я, витязь, крепкой дружбой нерушимой,
Но сперва пускай твой разум даст ответ необходимый.
Посоветуй, что мне делать, чтобы снова быть с любимой?
Без возлюбленной царевны я умру, судьбой гонимый».

Мне Фридон сказал на это: «Возвеличен я судьбой
Тем, что ты, владыка индов, ныне прибыл в город мой.
О какой могу мечтать я благодарности иной?
Я, как раб, служить готовый, здесь стою перед тобой.

Всем купцам и мореходам здесь проезжая дорога.
Дивных новостей и слухов к нам они привозят много.
Не дойдет ли весть о деве и до нашего чертога,
Чтобы все свои страданья ты забыл по воле бога?

Мы отправим мореходов по различным дальним странам,
Пусть они разыщут деву — ту, которая нужна нам.
Будь дотоле терпеливым вопреки душевным ранам!
Человеческое горе не бывает постоянным!»

И тотчас же мореходам он велел объехать свет.
«Все моря избороздите! — приказал он им вослед.—
Отыщите нам царевну — ту, которой краше нет,
Семь иль восемь бед изведав, не страшитесь сотен бед!»

Говорил он этим людям, в дальний путь их отпуская:
«Вас на верный след царевны наведет молва людская!»
Позабыл я о печалях, мореходов ожидая,—
До сих пор, припомнив это, умираю от стыда я.

И престол в чертоге царском был поставлен мне Фридоном.
«Я узнал тебя не сразу,— молвил витязь мне с поклоном,—
Ты — великий царь индийцев, ты владеть достоин троном.
Где тот смертный, кто не хочет быть рабом твоим законным?»

Тяжко длить повествованье! Возвратились корабли,
Понапрасну мореходы исходили край земли,—
Никаких с едов царевны эти люди не нашли...
По моим ланитам снова слезы горя потекли.

Я сказал Фридону: «Витязь, нелегко сказать словами,
Как ужасно это горе, приключившееся с нами!
Без тебя мне нет утехи, дни сливаются с ночами,
Сердце сковано печалью, очи залиты слезами.

Так как ныне о царевне ничего не мог узнать я,
Должен я тебя покинуть. Мы расстанемся, как братья!»
Царь Фридон, услышав это, заключил меня в объятья,
Он сказал: «Ужель с тобою не порадуюсь опять я?»

И меня, как ни старался, не сумел он удержать.
Преклонив в пыли колени, предо мной стояла рать,
Обнимала, целовала, говорила мне опять:
«За тебя мы все готовы наши головы отдать!»

Я сказал: «Расстаться с вами нелегко и мне, конечно,
Но увы, без солнцеликой я терзаться буду вечно.
Если сами эту деву вы жалеете сердечно,
Не задерживайте гостя, чтобы жил он здесь беспечно!»

И тогда Фридон, прощаясь, подарил мне вороного.
Он сказал: «Тебе, о солнце, послужить душа готова,
Ты, однако, подношенья не возьмешь себе другого.
Пусть же конь мой быстроногий скорбь твою развеет снова!

Провожаемый Фридоном, погрузился я в печаль,
И ему, и мне, скитальцу, расставаться было жаль.
Горько плакала дружина, но коня пустил я вдаль,—
Воспитатели и дети так прощаются едва ль...

Я уехал от Фридона и, скитаясь в зной и стужу,
Вместе с верными рабами обошел моря и сушу.
Но вестями о царевне исцелить не мог я душу,
И подобен стал я зверю, а не доблестному мужу.

И подумал я, несчастный: «Для чего скитаться доле?
Может быть, я успокоюсь средь зверей в пустынном поле?»
И к Асмат я обратился, и к рабам своим: «Доколе
Вслед за мною вам влачиться и страдать по доброй воле?

Вы меня теперь оставьте и заботьтесь о себе,
Одному мне должно плакать и взывать к моей судьбе!»
Но рабы мне отвечали, искушенные в борьбе:
«Не гони нас, солнцеликий! Все мы преданны тебе!

Пожелать себе не можем мы другого господина,
С прахом ног твоих, о витязь, мы сольемся воедино.
Нас с тобою, столь прекрасным, разлучит одна кончина.
Злобный рок, коль он захочет, сокрушит и исполина!»

Так остался я с рабами, внял моленьям их и стонам,
Но с тех пор не стал скитаться по долинам населенным.
Я в урочища оленьи убежал по горным склонам,
Обошел луга и горы по тропам уединенным.

Дэвы высекли пещеры посредине этих скал,
Я нашел их и чудовищ перебил и разогнал,
Но рабы мои погибли, не спустив своих забрал,—
Злобный рок меня, скитальца, снова кровью запятнал.

Вот, мой брат, с тех пор в пещере и живу я горемыкой,
По полям брожу окрестным и томлюсь в пустыне дикой.
Лишь Асмат одна со мною делит скорбь о солнцеликой...
Смерть — одна моя отрада в этой немощи великой.

Образ пламенной тигрицы сходен с девою моей,
Потому мне шкура тигра из одежд всего милей.
Мне Асмат ее сшивает, плачет, сетует над ней,
И не в силах я покончить с жизнью горестной своей!

Лишь мудрец мою царевну оценил бы в полной мере!
Я терплю земные муки, вспоминая о потере,
Я брожу, подобно зверю, там, где бродят злые звери,
Об одном прошу я бога — умертвить меня в пещере!»

Тариэл умолк, терзая розу щек своих, и стала
Янтарем прозрачным роза, и распался блеск кристалла.
Утешая Тариэла, на колени дева пала,
Автандил, внимая другу, огорчался сам немало.

И к нему, изнемогая, обратился Тариэл:
«Рассказал тебе я, витязь, то, что ты узнать хотел.
Ты достиг сегодня цели, я же плакал и скорбел.
Возвращайся же к светилу: час свиданья подоспел».

Автандил ему ответил: «Я не вынесу разлуки,
Коль расстанусь я с тобою, обезумею от муки.
Но поверь мне: ты обязан побороть свои недуги,
Смерть твоя не будет счастьем для потерянной подруги.

Не сердись на эту смелость, но мое послушай слово:
Если лекарь заболеет, он зовет к себе другого.
Тот причину всякой боли объяснит ему толково,—
Посторонний знает лучше, как лечить ему больного.

Мудрым словом я отвечу на печальный твой рассказ.
Ты не раз его обдумай, поразмысли сотни раз:
Пылкость пламенного сердца не спасет от горя вас.
Я ж к царице возвратиться должен, выполнив приказ.

Чтоб любовь ее окрепла, я обязан возвратиться.
Пусть о всех твоих печалях знает юная царица.
Но с тобою, бог свидетель, не хочу я разлучиться.
Поклянемся же друг другу в нашей дружбе утвердиться.

Если ты мне обещаешь ждать меня на этом месте,
Я тебя уже не брошу, уверяю словом чести.
Я вернусь в твою пещеру, чтоб с тобой скитаться вместе,
Не позволю убиваться и верну тебя невесте».

«Как же ты,— воскликнул витязь,— стал чужому как родной?
Соловью расстаться с розой легче, чем тебе со мной.
Я навек тебя запомню, не забуду образ твой.
Дай мне бог тебя дождаться, кипарис мой молодой!

Если ты, подобно древу, лик ко мне приклонишь снова,
Сердце, сделавшись оленем, не уйдет от зверолова.
Коль солгу, пускай погибну от десницы всеблагого!
Ты меня своим приездом исцелишь от горя злого».

Поклялись они друг другу помнить эти обещанья.
Лалы стали их янтарны, затуманилось сознанье,
Но огонь любви взаимной жег сердца их на прощанье,
И в пещере до рассвета продолжалось их свиданье.

С приближением рассвета встрепенулся Автандил
И простился с Тариэлом, опечален и уныл.
Тариэл не знал, что делать, он утратил прежний пыл.
Друг его, минуя чащу, слезы горестные лил.

Лишь одна Асмат, рыдая, Автандила провожала,
В знак мольбы простосердечной палец горестно сгибала,
Возвратиться умоляла, как фиалка, увядала...
«О сестра,— ответил витязь,— будет так, как ты сказала.

Я вернусь без промедленья, не останусь долго дома.
Наблюдай, чтоб не скитался витязь в чаще бурелома.
Мне двух месяцев довольно, ведь дорога мне знакома.
Не приду, так, значит, буду я убит ударом грома».

Но, как только он отъехал, испустил протяжный стон.
Острой палицей десницы окровавил роз бутон.
Звери кровь его лизали, набежав со всех сторон,
И неистовою скачкой сокращал пространство он.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АВТАНДИЛА В АРАВИЮ

Автандил вернулся в город, где оставил он дружину,
И войска, его увидев, были рады господину.
Люди быстро побежали, сообщили Шермадину:
«Прибыл тот, кто нас печалил, удалившись на чужбину».

Шермадин навстречу вышел, обнял витязя в волненье,
Проливая слезы счастья, целовал его колени.
Говорил он: «Ты ли это или только сновиденье?
Неужели ты здоровым прибыл, нам на удивленье?»

Витязь низко поклонился, приложил лицо к лицу.
Он сказал: «За то, что жив ты, благодарен я творцу».
И почтительно вельможи подходили к пришлецу,
И великое веселье разливалось по дворцу.

Так добрался юный витязь до отеческого крова,
И собрался целый город, чтоб увидеть удалого.
Жизнерадостный, веселый, он за пир уселся снова.
Радость этого свиданья описать не в силах слово!

И, пируя, Шермадину рассказал он на досуге,
Как нашел он Тариэла, пребывавшего в недуге.
Еле сдерживая слезы, о своем твердил он друге:
«Без него не успокоюсь ни в чертоге, ни в лачуге!»

Шермадин в ответ на это солнцеликому сказал:
«От царя твою поездку я старательно скрывал».
В этот день усталый витязь отдыхал и пировал,
Но с зарею сел на лошадь и в столицу поскакал.

Позабыв про утомленье, он спешил к своей невесте,
Шермадин, глашатай славный, о его вещал приезде.
Долгий путь десятидневный за три дня закончив вместе,
Привезли они в столицу долгожданное известье.

«Веселись, о царь могучий! — говорилось в донесенье.—
Я, твой раб, перед тобою полон страха и смиренья.
Тайны витязя не зная, угрызался каждый день я.
Ныне с добрыми вестями прибыл я в твои владенья».

И предстал пред Ростеваном Шермадин, честной гонец:
«Отыскавший чужеземца витязь едет во дворец!»
Своенравный и счастливый, восхитился царь-отец:
«То, что я просил у бога, получил я наконец!»

И сказал гонец царице, затмевающей светила:
«Ныне добрые известья, дева, жди от Автандила».
И царица ярче солнца землю светом озарила
И великими дарами Шермадина наградила.

Целый двор навстречу вышел. Ростеван явился тоже,
Оказал он Автандилу честь, которой нет дороже.
И была счастливой встреча, так что многие вельможи
На подвыпивших пьянчужек стали с радости похожи.

Витязь спешился и низко преклонился пред царем.
Обнял царь его великий и повел, ликуя, в дом.
Так, довольные друг другом, шли они, как сын с отцом.
И собравшиеся люди гостя славили кругом.

Лев, сильнейший между львами, к солнцу солнц пришел с приветом.
Вновь агат, кристалл и роза засияли пред спаспетом.
Солнцеликая царица озарилась нежным светом,—
В небе жить ей надлежало, а не в царском доме этом!

Учредили пир веселый, пили-ели до отвала.
Царь гордился Автандилом, как владыке надлежало.
Снежный иней красил старца, роза юношу венчала.
Жемчуга, подобно драхмам, получал там кто попало.

Наконец иссякли вина. Те, кто выпили, ушли.
Начал царь свои расспросы, и рассказы потекли.
Обо всем поведал витязь: как он странствовал вдали.
Как нашел он чужеземца посреди чужой земли.

Он сказал: «Не удивляйтесь, что жалею я собрата!
С ним сравнится лишь светило, не познавшее заката.
Тот, кто витязя увидит, ум теряет без возврата.
Но, увы, желтеет роза, опечалена и смята!

Если рок немилосердный сердце смертное изранит,
Роза примет вид шафрана, а тростник колючкой станет!»
Автандил, воспоминая, как несчастный витязь вянет,
Описал его несчастья и поведал, чем он занят:

«Захватив пещеры дэвов, он доверился мечу.
С ним наперсница царевны — дева, равная лучу.
Он закутан в шкуру тигра, презирает он парчу.
Жжет его огонь смертельный и сжигает, как свечу».

И когда о чужестранце кончил он повествованье,—
Как обрел он это диво и узрел его сиянье,—
В похвалу ему, герою, говорило все собранье:
«Совершил ты высший подвиг! Утолил свое желанье!»

Тинатин, ему внимая, ликовала всей душою,
Пировала, не гнушалась ни весельем, ни едою,
О свиданье после пира весть послала со слугою,—
Что еще могло сравниться с дивной радостью такою!

И пошел он, милосердный, не впадающий во гнев,
Пребывающий со львами солнцеликий юный лев...
Витязь мира, лал бесценный, кипарис среди дерев,
Сердце он сменял на сердце, сердцем девы овладев.

Словно райское алоэ над долиною Евфрата,
Тинатин ждала на троне, изукрашенном богато.
Чтоб воспеть ланиты эти, эти косы из агата,
По примеру древних греков мудрецов нужна палата!

Дева встретила героя, сесть на стул ему велела,
И приличная свиданью радость ими овладела.
Речь была их благородна и достойна их удела.
«Сколько мук,— она сказала,— вынес ты для Тариэла!»

Он ответил: «Коль желанья исполняет людям бог,
Вспоминать не подобает время горя и тревог.
Но теперь алоэ-древо изливает слезный ток,
Юный лик его, как роза, побледнел и изнемог.

Кипарис розоподобный, он утратил силу воли.
Он твердил: «Кристалл точеный потерял я в сей юдоли!
Мы огнем невыносимым с ним пылаем поневоле».
И царице рассказал он все, что знал о нем дотоле.

Рассказал, какие беды перенес тот в жизни бренной,
Как помог ему миджнура отыскать творец вселенной.
«Он, как зверь, людей чуждаясь, ненавидит мир мгновенный,
Вместе с хищниками бродит и скорбит о несравненной.

Я сказать тебе не в силах, как прекрасен Тариэл!
Ни на что смотреть не может тот, кто раз его узрел.
Созерцающие слепнут от сиянья взора стрел.
Но шафраном стала роза, лик фиалки побледнел».

Рассказал он ей подробно про скитальца молодого:
«Он, как тигр, ютится в скалах, не имея в жизни крова,
Лишь наперсница царевны утешать его готова...
Ах, судьба, зачем ты смертных угнетаешь столь сурово!»

И когда достигла дева исполнения желанья,
Лик ее солнцеподобный преисполнился сиянья.
«Чем же мне,— она спросила,— облегчить его страданья?
Где найти ему спасенье и бальзам для врачеванья?»

«Хвастунам,— ответил витязь,— от людей доверья нет.
Чужестранец, мне поверив, погибает в цвете лет.
Обещал я возвратиться, чтоб спасти его от бед,
Я ему поклялся солнцем этот выполнить обет.

Верный друг, спеша на помощь, не дрожит перед напастью,
Посвятит он сердце сердцу, ведь любовь — дорога к счастью.
Боль миджнура разделяет всякий, кто охвачен страстью.
Без него я безутешен: нет прощенья безучастью!»

Солнцеликая сказала: «Все сбылось, как я хотела:
Ты, во-первых, возвратился и нашел нам Тариэла,
Во-вторых, любовь тобою с новой силой овладела,—
Значит, есть бальзам для сердца, что неистово горело!

Наши судьбы, как погода, переменны с каждым днем:
То горит над нами солнце, то гремит над нами гром.
Ныне радость вместо горя в сердце вспыхнула огнем.
Если ж мир приносит радость, для чего грустить о нем?

Хорошо, что, верен клятве, ты спешишь на помощь другу.
Нас обязывает дружба оказать ему услугу,
Мы должны его утешить и помочь его недугу...
Но какие испытанья ждут меня, твою подругу!»

Он сказал: «К семи печалям ты прибавила восьмую!
Чтоб согреть ее, кто станет дуть на воду ледяную?
Взлет любви кто приравняет к низменному поцелую?
Без тебя изнемогаю и с тобою не ликую!

Горе мне! Опять, скитаясь, я увижу много зла.
Как в мишень, вонзилась в сердце беспощадная стрела.
Сократилась на две трети жизнь, разбитая дотла,—
И хотел бы скрыть я горе, да пора на то прошла.

Дева, речь твою услышав, понял я твое веленье.
Знать, тому, кто ищет розу, и шипы — не затрудненье.
Будь же полным мне светилом, утоли мое волненье,—
Подари мне в путь-дорогу знак надежды на спасенье!»

Добродетельный, достойный, этот витязь светлолицый
Говорил благоразумно, как наставник с ученицей.
И браслет из дивных перлов был вручен ему царицей.
Да пошлет им бог блаженство всемогущею десницей!

Сладко сердцу, коль к рубину прикасается агат,
Сладко вырастить алоэ с кипарисом стройным в ряд,
Сладко радовать миджнура, устремляющего взгляд,—
Но, увы, беда влюбленным— тем, которых разлучат!

Хоть не мог налюбоваться на влюбленную влюбленный,
Скоро он простился с нею и ушел, ошеломленный.
Из кровавых слез царицы океан возник бездонный.
«Мир не сыт,— она рыдала,— нашей кровью напоенный!»

Ударяя в грудь руками, витязь шел к себе уныло,—
В час любви мягкосердечна человеческая сила!
Покрывает землю мраком заходящее светило,
Не заря зажглась на небе — ночь пришла для Автандила.

Слезы, смешанные с кровью, по щекам его текли.
«Даже солнце мне не в радость,— говорил он, сын земли.—
Адамантовое сердце брови милой обожгли,
Не хочу я утешенья от возлюбленной вдали!

Был вчера я цвет Эдема, уподобленный алоэ,
Но теперь судьба вонзила в грудь мою копье златое.
Сердце в огненном аркане позабыло о покое,
И постиг я, безутешный, сколь безумно все земное».

Витязь с этими словами сотрясался, как в падучей,
С воздыханием и стоном гнулся стан его могучий.
Так закончилось свиданье и сменилось скорбью жгучей.
Всех со временем покроет саван скорби неминучей!

В свой дворец вернулся витязь, и рыдал в тиши дворца,
И возлюбленную деву вспоминал он без конца.
Снежным инеем покрытый, блекнул цвет его лица.
Словно розы, без светила вянут юные сердца!

«Человеческое сердце богом проклято от века,—
То оно о счастье молит, то стенает, как калека.
В слепоте оно не верит даже глазу человека.
Не страшат его ни гибель, ни господская опека!»

Заклеймив людское сердце столь жестокими словами,
Он прижал к губам запястье с дорогими жемчугами.
И блеснули эти перлы наравне с его зубами,
И кровавыми от горя обагрился он слезами.

Утром некого посланца государь за ним послал.
Поспешил к владыке витязь, хоть и с вечера не спал.
Вкруг него народ толпился и ему надоедал.
Царь готовился к охоте, пели трубы и кимвал.

И помчались на охоту царедворцы Ростевана.
Можно было там оглохнуть от ударов барабана.
Солнце соколы затмили, псы скакали неустанно,
Кровью раненых животных обагрилась вся поляна.

И с полей вернулись люди, поохотившись с задором,—
Царедворцы, и вельможи, и дружина — полным сбором.
В изукрашенном чертоге царь воссел, сияя взором,
Арфы громко заиграли, и певцы запели хором.

Витязь, сидя с Ростеваном, вел беседу с ним опять.
Были губы их, как лалы, зубы — жемчугу под стать.
По бокам народ толпился, впереди сидела знать,
Целый день не уставая о герое толковать.

Но, исполненный печали, возвратился витязь к дому.
О любви душа взывала, погруженная в истому.
То вставал он, то ложился. Сон не шел к нему, больному.
Чье прислушалось бы сердце к несчастливцу молодому?

И подумал он: «Какое дам я сердцу утешенье,
Коль с тобой я разлучился, о Эдема украшенье!
Для взирающих ты — радость, невзирающих — мученье.
Если б мог тебя увидеть я хотя бы в сновиденье!»

Так твердил он, заливаясь безутешными слезами,
Но решил: «Одно терпенье нас равняет с мудрецами.
Не приученный к терпенью разве справится с делами?
Тот, кто хочет в жизни счастья, не гнушается скорбями».

И тогда сказал он сердцу: «Убиваешься ты вновь.
Жизнь, однако, лучше смерти. Жизни ты не прекословь.
Не показывай народу, как в тебе бушует кровь:
Непристойно человеку разглашать свою любовь».

ПРОСЬБА АВТАНДИЛА О НОВОЙ ПОЕЗДКЕ И РАЗГОВОР ВАЗИРА С ЦАРЕМ

Утром витязь облачился и из дома вышел рано.
«Боже,— он молил,— да будет сокровенна эта рана!
Помоги мне скрыть от мира, как царица мне желанна!»
И поехал он к вазиру, царедворцу Ростевана.

Тот сказал: «Над нашим домом загорелся луч рассвета,
Значит, радость не напрасно предвещала мне примета!»
И с глубоким он поклоном встретил славного спаспета:
Если гость приятен сердцу, он дороже самоцвета.

Добродетельный хозяин слезть помог ему с коня.
До крыльца ему коврами уложила путь родня.
И внезапно дом вазира озарился светом дня.
«Запах роз,— сказал хозяин,— долетел и до меня!»

Витязь сел, и домочадцы погрузились в лицезренье,
И сердца их задрожали в безграничном восхищенье,—
Десять тысяч воздыханий здесь послышалось, не мене...
Но вазир велел им выйти, и они ушли в смятенье.

И сказал вазиру витязь, подобрав слова по нраву:
«Во дворце у Ростевана первенствуешь ты по праву.
Царь во всем тебе послушен, ты блюдешь его державу.
Помоги же мне сегодня, заслужи почет и славу!

Этот витязь солнцеликий истомил меня и сжег!
Разлученный с Тариэлом, я от боли изнемог!
Для меня не избегает он ни горя, ни тревог,—
Бескорыстие и щедрость — дружбы подлинной залог.

Словно сеть, тоска о друге ныне сердцем овладела,—
Сам я здесь, перед тобою, сердце — возле Тариэла:
Он сжигает всех, как солнце! Нет красе его предела!
И Асмат за это время стать сестрою мне успела.

Я поклялся страшной клятвой, уезжая от собрата:
«Я вернусь к тебе, приятный даже глазу супостата!
Я найду твою царевну, что пропала без возврата!»
И теперь перед отъездом грудь моя огнем объята.

Я тебе открою правду: коль, безумный, как всегда,
Он надеется на друга, как не ехать мне туда?
Ведь в беде миджнур миджнура не бросает никогда.
Нарушающему клятву не укрыться от стыда.

Ты скажи царю об этом, и, клянусь его главою,
Если он меня отпустит, я вернусь к тому герою.
Если ж он меня задержит, сердца я не успокою.
Помоги же мне сегодня, дай мне справиться с бедою!

Передай царю: «Владыка, почитаемый народом!
Горько мне тебя сегодня огорчать своим уходом!
Но прекрасный этот витязь жжет мне душу год за годом,
Завладел моим он сердцем и обрек его невзгодам.

Царь! Без этого миджнура жить я больше не могу!
Он и разума и сердца твоего лишил слугу.
Ты же сам стяжаешь славу, коль ему я помогу,
А постигнет неудача — все ж не буду я в долгу.

На уход мой, царь великий, понапрасну ты не сетуй.
То, что бог нам уготовал, да свершится в жизни этой!
Может быть, из стран далеких я вернусь к тебе с победой.
Не вернусь, так благоденствуй и врагов один преследуй!»

Автандил сказал вазиру: «Изъясняться не умея,
Рассказал тебе я кратко, что имею на уме я.
Ты же царского согласья добивайся не робея,—
Чистым золотом сто тысяч за услугу дам тебе я».

Но вазир сказал с улыбкой: «Не бросайся ты казной,
Мне довольно, что к богатству указал ты путь прямой.
Лишь открою Ростевану этот замысел я твой,
Царь, без всякого сомненья, одарит меня с лихвой.

Так меня он осчастливит, что, клянусь душой и телом,
С головой я вмиг расстанусь, занимаясь этим делом.
А дороже этой жизни есть ли что на свете белом?
Хоть убей, не вижу смысла я в таком поступке смелом.

Не могу же я напрасно погибать тебе в угоду!
Царь мне скажет: «Как ты смеешь потакать его уходу?
Где твой ум, коль дать острастки не умеешь сумасброду?»
Нет, уж лучше мне погибнуть, чем нажить себе невзгоду!

Но коль царь и согласится, что на это скажет рать?
Для чего ей полководца на чужбину отпускать?
Ведь, соперничая с нами, враг поднимется опять,—
Воробей и тот стремится в небе коршуном летать!»

Автандил сказал, заплакав: «Умереть мне лишь осталось!
Видно, ты, вазир, не знаешь, каковы любовь и жалость!
Неужели клятва дружбы для тебя — пустая малость?
Как могу я жить без друга, чтоб душа не убивалась?

Повернулось наше солнце и уже не светит ясно,
Нужно нам помочь светилу, чтоб не сетовать напрасно.
Что мне выгодно, что вредно — это знаю я прекрасно.
Неразумною беседой утешать себя опасно.

Что за польза Ростевану, что за выгода войскам,
Если их военачальник предан горю и слезам?
Лучше я опять уеду, чтоб не впасть в великий срам,—
Кто, скажи мне, так страдает, как страдает витязь там?

Отчего же на миджнура смотришь ты неблагосклонно?
Сталь и та, подобно воску, от его растает стона!
Не залить мне слез страдальца всеми волнами Геона!
Коль поможешь, и тебе я помогу, служа у трона.

Если царь меня не пустит, все равно тайком уеду,
Пусть погибну ради друга, лишь послал бы бог победу!
Царь тебя не покарает за пристойную беседу,—
Помоги же мне в несчастье! Окажи услугу эту!»

И вазир ему ответил: «Я огнем твоим объят!
Эти жалобы и слезы ранят сердце и томят.
Хорошо, коль к месту скажешь, но беда, коль невпопад.
Так и быть, пойду с докладом. Пусть я буду виноват!»

И вазир, промолвив это, поспешил к царю, и скоро
Царь предстал ему, сияя дивной роскошью убора.
Оробел вазир смущенный и не начал разговора,
И не смел поднять в молчанье опечаленного взора.

Увидав его безмолвным, царь воскликнул: «Что с тобою?
Почему в такой тревоге ты стоишь передо мною?»
«Государь,— вазир ответил,— ныне я объят тоскою:
Волен ты со мной покончить, услыхав, что я открою!

Скорбь души моей, владыка, не умножит прочих бед.
Я боюсь, хотя бояться мне, посланцу, пользы нет.
Дозволения уехать ныне просит твой спаспет,
Ни во что он жизнь не ставит, свой не выполнив обет».

И, смущенный, рассказал он все, что знал об Автандиле:
«Я любви его великой описать тебе не в силе...
Он настаивает, просит, льет он слезы в изобилье...
Гнев твой будет справедливым, что бы там ни говорили!»

У царя при этой вести затуманилось сознанье.
Будь тут люди, гнев владыки устрашил бы все собранье.
«Что сказал ты мне, безумец!— он вскричал в негодованье.—
Лишь злодей спешит повсюду злое выискать деянье!

Почему ты вдруг примчался, словно с радостью какой?
Лишь изменник вероломный нож готовит за спиной!
Как язык твой повернулся, чтоб нарушить мой покой?
Недостоин быть безумец ни вазиром, ни слугой!

Почему ты с господином непочтителен при встрече?
Позволительно ли сдуру говорить такие речи?
Лучше б я оглох внезапно, видя дурня издалече!
Жаль, что смерть твоя, несчастный, грузом ляжет мне на плечи!

Если б не был ты подослан Автандилом,— бог свидетель,
Снес бы голову тебе я за такую добродетель!
Уходи же прочь отсюда, по чужим делам радетель!
Ах, как чудно ты устроил! Ах, какой ты благодетель!»

И нагнулся царь и стулом запустил в него тотчас,
Хорошо, что промахнулся: стул был крепок, как алмаз.
«Как ты смел сказать, что витязь покидает снова нас!»
И у старого вазира слезы хлынули из глаз.

Не посмев с владыкой спорить и желая удалиться,
Старец выскочил за двери, как побитая лисица.
Во дворец вошел он смело; возвратясь, не стал гордиться...
Как вредим себе мы сами, враг вредить нам не решится!

Он сказал: «Создатель видит — во грехе живу едином,
Ослеплен я и обманут, счастья нет моим сединам!
Ведь любой, кто столь же дерзко обойдется с господином,
За грехи, как я, ответит по обычаям старинным!»

И, жестоко посрамленный, он ушел, покинув зал,
И, нахмурясь, Автандилу укоризненно сказал:
«Подослав меня к владыке, ты ли ждешь моих похвал?
Хорошо, что я, несчастный, головы не потерял!»

И напомнил он о взятке, намекнул о ней лукаво,
Как он мог сказать об этом, не могу понять я, право!
«Кто свое не держит слово — оскорбляет моурава!
Злато даже в преисподней все дела решает здраво!

Как бранил меня владыка, передать нельзя рассказом!
Он назвал меня злодеем, не моргнув при этом глазом!
Я утратил честь мужскую, потерял я прежний разум!
Не пошли творец терпенья, он со мной бы кончил разом!

Понимал и я, конечно, на какое дело шел.
Знал, что буду я несчастен, а владыка будет зол.
Но судьбу не переспоришь, и, как верный твой посол,
За твое благополучье я погибнуть предпочел!»

Автандил ему ответил: «Медлить мне не подобает.
Соловью грозит погибель, если роза увядает.
За целебною росою он тотчас же улетает,
И не знает он, что делать, коль ее не обретает.

Видишь сам: ни днем, ни ночью не имею я покоя.
Лучше мне блуждать, как зверю, угнетенному тоскою!
Зря меня владыка просит на врагов идти с войною.
Без слуги куда спокойней, чем с обиженным слугою!

Как ни сердится владыка, доложу ему опять,—
Он еще поймет, быть может, то, чего не мог понять.
Если он меня не пустит, я тайком покину рать.
Коль настало время смерти, ничего не жаль терять!»

Собеседники, поладив, заключили дело пиром,
И подарков там немало было роздано вазиром:
Дал он старым, дал он малым, дал богатым, дал и сирым.
Лишь когда садилось солнце, отпустил он гостя с миром.

И тогда сто тысяч злата вынул витязь из подвала,
Триста свертков аксамита, тоже стоящих немало,
Шестьдесят отличных лалов — что ни лал, то лучше лала,—
И послал их в дар вазиру, так, как это надлежало.

Он велел сказать вазиру: «За меня ты принял муку,
Как могу я соразмерно оплатить твою услугу!
Буду я твоим слугою, коль придет конец недугу,
И воздам тебе любовью, как защитнику и другу!»

Чтоб воспеть его щедроты, слов я ныне не найду!
Знать, ему немалый подвиг был написан на роду.
Так и мы должны с другими жить в согласье и в ладу,
Верный друг не бросит друга, если тот попал в беду.

БЕСЕДА АВТАНДИЛА С ШЕРМАДИНОМ ПЕРЕД ВТОРЫМ ТАЙНЫМ ЕГО ОТЪЕЗДОМ

И промолвил солнцеликий Шермадину в день прощанья:
«Ныне день моей надежды, исцеляющей страданья.
Он покажет, чем поможешь ты мне в годы испытанья».
Чтец поистине обязан славословить их деянья!

Он сказал: «О расставанье царь не хочет слышать слова,
Ведь ему непостижимо то, что свято для другого!
Я ж без друга не желаю ни скитания, ни крова,—
Не прощает человеку бог деяния дурного.

Я обдумал это дело и решился на уход.
Лишь изменник и предатель богохульствует и лжет.
Сердце здесь без Тариэла изнывает от забот,
Стонет, мечется, вздыхает, слезы горестные льет.

Доказательствами дружбы служат три великих дела:
Друг не может жить без друга, чтобы сердце не болело,
С ним он делится достатком, предан он ему всецело,
Если надобность случится, поспешит на помощь смело.

Но не буду многословен, приступая к порученьям.
Тайный мой уход отсюда мне послужит утешеньем.
Так прислушайся, молю я, ты к моим установленьям.
То, о чем тебя прошу я, исполняй с благоговеньем.

Первым делом — неподкупный государев будь слуга,
Докажи, что добродетель и в разлуке дорога.
Управляй моей дружиной, не щади в бою врага,
Будь защитником народа и родного очага.

Стереги мои границы, будь главой в моем отряде,
Пусть изменник вероломный не мечтает о пощаде.
Коль вернусь, тебя, как друга, награжу я службы ради,—
Послуживший господину не останется в накладе».

Шермадин, услышав это, отвечал ему, рыдая:
«В одиночестве все беды одолею без труда я,
Но коль тьма покроет сердце, что поделаю тогда я?
Был бы счастлив я безмерно, лишь с тобой одним блуждая.

Мы доселе не слыхали, чтобы верный раб в пути
Не обязан был владыку от опасностей спасти.
Что я, грешный, буду делать, если дам тебе уйти?»
Но ответил юный витязь: «Не возьму тебя, прости!

Помыкать твоей любовью не имею я предлога,
Но и взять тебя с собою не могу по воле бога,—
Коль не ты, то кто сумеет здесь блюсти порядок строго?
Не тебе, но мне, скитальцу, суждена теперь дорога.

Я — миджнур. Миджнур обязан в одиночестве скитаться.
Разве он не должен плакать без людей и убиваться?
Дальний путь — удел влюбленных. Им ли дома оставаться?
Уж таков наш мир мгновенный, в том не надо сомневаться.

В день, когда меня не будет, вспоминай, люби меня.
Сам себе слугой я буду, не страшна мне западня.
Неприлично удалому унывать средь бела дня.
Горе тем, кто дел позорных не боится, как огня!

Я из тех, кто жизнь не выше ценит гнили огуречной.
Смерть за друга я считаю лишь утехою сердечной.
И теперь, когда я снова в путь отпущен бесконечный,
Бросив дом, я не оставлю друга в жизни скоротечной.

Уходя, я завещанье оставляю для царя.
Я ему тебя вручаю, власть его боготворя.
Если я умру в разлуке, обо мне не сетуй зря,
Только плачь и сокрушайся, поминание творя».

ЗАВЕЩАНИЕ АВТАНДИЛА ЦАРЮ РОСТЕВАНУ

Витязь сел и, скорбный сердцем, так составил завещанье:
«Царь, к покинутому другу я спешу без колебанья.
Не могу его я бросить, он — души моей пыланье.
Будь ко мне добросердечен и прости мои деянья!

Не осудишь ты, я знаю, государь, мое решенье.
Мудрый друг не бросит друга, несмотря на все лишенья.
Вспомни, царь, Платон-философ нам оставил поученье:
«Ложь несет душе и телу бесконечные мученья».

Так как ложь — источник горя, то, покинув царский кров,
Ради страждущего друга ухожу я от пиров.
Для чего и мудрость людям, коль не чтить ее даров?
Знанья мудрых приобщают нас к гармонии миров.

О любви ты, верно, помнишь, что апостолы гласили,
Как в кимвалы ей бряцали, как в Писанье возносили?
«Возвышает человека лишь любовь!» — они твердили.
Прежде всех живущих в мире должен верить им не ты ли?

Тот, кто дал мне крепость тела и открыл мои зеницы,
Чьим могуществом незримым звери созданы и птицы,
Кто конечному созданью начертал его границы,—
Сто низводит к единице, сто творит из единицы.

То, что богу не угодно,— не случится на земле.
Вянут роза и фиалка, коль останутся во мгле.
Всякий взор к добру стремится, нет достоинства во зле.
Как могу я жить без друга с тяжкой думой на челе!

Как бы ни был ты разгневан, не лишай меня прощенья!
Я не в силах был исполнить твоего предназначенья.
Мне отъезд послужит средством от тоски и огорченья.
Пусть я буду жить в пустыне, лишь бы жить без
принужденья.

Не найдешь ты утешенья, слезы горя проливая.
Ничего не в силах сделать против воли божества я.
Муж обязан быть выносли́в, в тяжких бедах пребывая.
От судьбы уйти не может ни одна душа живая.

Что творец мне предназначил, то и сбудется сполна.
Коль вернусь назад, то в сердце потушу я пламена,
Встречусь радостно с тобою, как в былые времена...
Каково служенье дружбе, такова и мне цена.

Царь, коль кто меня осудит, осуди того всецело!
Неужели царским сердцем скорбь разлуки овладела?
Обмануть я и покинуть не способен Тариэла,
Он в лицо меня за гробом осрамит за это смело.

О друзьях иметь заботу никогда не вредно людям!
Презирая лицемеров, мы лжецов сурово судим.
Как же мог я, царь великий, стать предательства орудьем?
Хорошо ли, коль на помощь мы спешить к друзьям не будем?

Есть ли кто презренней труса, удрученного борьбой,
Кто теряется и медлит, смерть увидев пред собой?
Чем он лучше слабой пряхи, этот воин удалой?
Лучше нам гордиться славой, чем добычею иной.

Смерть сквозь горы и ущелья прилетит в одно мгновенье,
Храбрецов она и трусов — всех возьмет без промедленья.
И детей и престарелых ожидает погребенье.
Лучше славная кончина, чем постыдное спасенье!

Царь! Осмелюсь я напомнить: ничего не понимает
Тот, кто смерти ежедневно для себя не ожидает.
Ведь приходит днем и ночью та, что нас соединяет!
Не вернусь, так, значит, сердце снова боль претерпевает.

Если ж рок меня захочет погубить в чужой стране,—
Странник, я умру в дороге, сам с собой наедине.
Не сошьют друзья мне саван, не схоронят в тишине.
И тогда, незлобный сердцем, вспомни, царь мой, обо мне!

Многочисленным богатством я владел тебе в угоду.
Ты раздай богатство бедным, возврати рабам свободу.
Надели сирот несчастных, обреченных на невзгоду,—
Пусть я буду и по смерти дорог нашему народу.

Коль не все мои богатства пожелаешь взять в казну ты,
Пусть на них мосты построят и сиротские приюты.
Раздавай мои именья, не колеблясь ни минуты,
Ибо только ты сумеешь погасить мой пламень лютый.

От меня, владыка, больше не получишь ты вестей.
Поручил тебе я душу доброй волею своей.
Сатанинские затеи не пойдут на пользу ей.
Опочившего прости ты и слезу о нем пролей!

И еще, о царь могучий, я молю за Шермадина.
Ныне, горечью объятый, он лишился господина.
Обласкай его, как раньше я ласкал простолюдина,
Пусть не точит слез кровавых у порога властелина!

Написавший завещанье, я его теперь кончаю.
Царь, отец и воспитатель! Вновь тебя я покидаю!
Я тебе желаю счастья! Я в тоске изнемогаю!
Не давай врагам отчизны угрожать родному краю!»

Кончил он и Шермадину завещание вручил:
«Доложить царю об этом у тебя довольно сил,
Ведь никто служить не может так, как ты мне послужил!»—
И, обняв слугу, заплакал изнемогший Автандил.

МОЛИТВА АВТАНДИЛА ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Он воззвал: «Великий боже, господин и царь вселенной,
Воздающий по заслугам неразумной твари бренной,
Повелитель горних стражей, свет души неизреченный,
Укрепи во мне желанье послужить любви нетленной!

Боже, царь земли и неба, ты словам моим внемли!
Ты велел любить друг друга бедным жителям земли.
Ныне я один страдаю от возлюбленной вдали.
Не гаси любви, чтоб в сердце семена ее взошли!

Боже, боже милосердный, ты один — моя основа!
Не покинь меня в сраженье, не лиши в скитанье крова,
Защити меня от бури и от дьявола ночного!
Если я в живых останусь, послужу тебе я снова!»

Помолившись, из столицы витязь выехал один.
И, покинут Автандилом, горько плакал Шермадин.
Он точил слезами камни и сжигал песок долин.
Что слугу утешит в горе, если скрылся господин?

РОСТЕВАН УЗНАЕТ О ТАЙНОМ ОТЪЕЗДЕ АВТАНДИЛА

Вот рассказ о Ростеване, преисполненном печали:
В этот вечер царь с царицей никого не принимали.
Утром царь проснулся мрачный, очи молнии метали,
И велел он, чтоб вазира во дворец к нему позвали.

И когда вазир явился и потупился уныло,
Царь сказал ему: «Не помню, что вчера со мною было!
Не твое ли сообщенье сердце мне ожесточило,
Если я тебя, вазира, поносил за Автандила?

Что такое он задумал, рассердив меня с утра?
Мудрость нам гласит: «Не ждите от рассерженных добра!»
Да и ты не будь беспечным! Образумиться пора!
Доложи теперь мне снова, что докладывал вчера».

И вазир ему вторично рассказал об этом деле.
Царь ему ответил кратко, гнев удерживая еле:
«Пусть я буду иудеем, коль не спятил ты доселе!
Не пытайся мне перечить: худо будет пустомеле!»

Поспешил вазир к спаспету, и ему сказали слуги,
Что хозяин их покинул и исчез из той округи.
«Не пойду к царю я больше,— прошептал старик в испуге,—
Пусть ему доложит смелый, я же в горе и недуге».

Царь, вазира не дождавшись, снарядил за ним гонца,
Но гонец не возвратился, разузнав про беглеца.
И внезапная догадка потрясла царя-отца:
«Тот, кого боялись сотни, верно, скрылся из дворца!»

Государь, склонившись долу, погрузился в размышленье
И рабу с тяжелым вздохом скоро отдал повеленье:
«Пусть ко мне лукавец этот вновь придет для объясненья!»
И когда вазир явился, стал он бледен от волненья.

Был вазир угрюм и скучен. Царь спросил его нежданно:
«Неужели наше солнце, как луна, непостоянно?»
И вазир ему в испуге все поведал без обмана:
«Не желая быть светилом, солнце скрылось средь тумана!»

Услыхав, что витязь скрылся, горя царь не превозмог:
«Неужели я навеки потерял тебя, сынок?»
Рвал он волосы от горя, говорил ему в упрек:
«Отчего ты, столп сиянья, ныне сгинул и поблек!

Ты бродягою не станешь, если ты в ладах с собою,
Но зачем ты, мой питомец, омрачил мой дом бедою?
Ты меня оставил сирым и покинул сиротою...
Для чего ж я так стремился постоянно быть с тобою!

Не видать тебя мне больше, прискакавшего с охоты,
Не видать, как ты с друзьями в мяч играешь без заботы,
Не услышать сладкий голос, улетающий в высоты...
Для чего престол мне царский, коль уходишь от него ты!

Ты от голода не сгинешь, где бы жить ни захотел,—
Верный лук тебя прокормит и стальные жала стрел,
Бог тебя спасет, быть может, положив беде предел,—
Но, коль ты умрешь в дороге, кто оплачет мой удел?»

Ко двору, внимая слухам, прибежала вся столица.
Рвали волосы вельможи и свои терзали лица,
Толковали меж собою: «Нам ли ныне веселиться,
Если мы достойны мрака и не светит нам денница!»

Увидав своих придворных, царь сказал им со слезами:
«Уж не светит нам светило, это видите вы сами!
Чем его мы прогневили? Как он мог расстаться с нами?
Кто из вас теперь сумеет управлять его войсками?»

Наконец иссякли слезы, и промолвил властелин:
«Расскажите, как ушел он — с провожатым иль один?»
В это время с завещаньем появился Шермадин,
Безутешный, полный страха, ибо скрылся господин.

Раб сказал: «В его покоях я нашел посланье это.
Там осталась только челядь, провожавшая спаспета.
Он один ушел в дорогу, связан узами обета.
Царь, пошли меня на плаху, чтобы я не видел света!»

Прочитавши завещанье, царь промолвил: «В этот год
Пусть не носят украшений ни дружина, ни народ.
Пусть усердно молят бога толпы нищих и сирот,
Чтобы он хранил скитальца от лишений и невзгод!»

ВТОРОЙ ТАЙНЫЙ ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА К ТАРИЭЛУ

Лик луны вдали от солнца полон дивного сиянья.
Рядом с солнцем он сгорает, обречен на умиранье.
Но без солнца вянет роза — беззащитное созданье.
Так и мы в разлуке с милой умираем от страданья.

Лишь теперь я продолжаю мой рассказ об Автандиле.
Ехал он с кипящим сердцем, удержать тоску не в силе,
Образ девы солнцеликой узнавал в дневном светиле,
Отводя глаза от солнца, сеял слезы в изобилье.

Иногда, позабываясь, слова он сказать не мог.
Из очей, подобно Тигру, падал слез его поток.
Оборачиваясь к дому, тосковал он, одинок,
И не знал, куда несется без тропинок и дорог.

«О любимая! — рыдал он. — Как в разлуке не томиться!
Разум мой с тобой остался, и душа к тебе стремится!
Жаждет взор мой изнемогший на тебя взглянуть, царица,
Плохо сделает влюбленный, коль любви не подчинится!

Где искать мне утешенья, как прожить до новой встречи?
Уж давно б я закололся, чем вести такие речи,
Но тебя сразит известье, что скончался я далече...
Пусть же льются, словно реки, эти слезы человечьи!»

И воззвал он к солнцу: «Солнце! Ночи солнечной сиянье!
Ты есть образ всеблагого и его напоминанье!
Не ему ли хор созвездий служит в бездне мирозданья?
Примири меня с судьбою, не отринь мои рыданья!

Ты, в котором виден образ созидателя вселенной,
Помоги мне снять оковы, ибо я страдаю, пленный!
Потеряв свои агаты, я ищу рубин бесценный
И томлюсь один в разлуке, как когда-то с незабвенной!»

Так молился он и таял, как горящая свеча,
Но спешил на помощь другу, путь томительный влача.
Ночью сравнивал он деву с блеском звездного луча,
И беседовал он с небом, речи жаркие шепча.

Божьим именем скиталец заклинал луну, взывая:
«От тебя в сердцах миджнуров страсть пылает роковая!
Дай же мне терпенье сердца, чтоб не тратил зря слова я,
Чтобы лик, тебе подобный, вновь увидел, изнывая!»

День его терзал и мучил, ночь несла ему отраду.
Иногда, к реке спускаясь, он вдыхал ее прохладу.
Слезный ток его кровавый был подобен водопаду.
И, взнуздав коня поспешно, вновь скакал он до упаду.

Стройный станом, как алоэ, плакал он, угрюм и дик,
И, убив козу из лука, ел у скал береговых,
И, насытясь, снова ехал, ибо грудь пронзал Марих,
И твердил он: «Нет мне счастья без любимых роз моих!»

Передать слова скитальца я уже не в силах ныне,—
Как он жаловался звездам, как скитался по пустыне,
Как сжигал слезами очи, как терзал себя в кручине...
Наконец пещеры дэвов он заметил на чужбине.

И Асмат, увидев гостя, вышла к витязю поспешно,
И не знала, что ей делать, и рыдала безутешно.
Витязь спешился и деву обнял горестно и нежно,—
Люди радуются встрече — те, кто ждет ее прилежно.

Автандил спросил у девы: «Где твой брат и господин?»
Слезы девы покатились из агатовых стремнин.
«Без тебя,— она сказала,— он не мог страдать один.
Я не знаю, где он бродит средь ущелий и долин».

Содрогнулся юный витязь, словно грудь копье пронзило:
«О сестра, позор герою, коль его исчезла сила!
Как он мог, нарушив слово, позабыть про Автандила?
Для чего он мне поклялся, если трудно это было?

Ведь и я терпел лишенья, изнывая от разлуки!
Отчего ж он сумасбродом снова сделался от скуки?
Как он смел нарушить клятву, если мы пожали руки?
Мне ль, однако, удивляться, обреченному на муки!»

Но ему сказала дева: «Витязь, ты, возможно, прав,
Но не думай, мне внимая, будто мой угодлив нрав.
Мог ли он, лишенный сердца, клятвы выполнить устав?
А ведь он покончил с сердцем, счеты с жизнью оборвав!

Сердце, разум и сознанье цепью связаны одною.
Если сердце умирает, остальных берет с собою.
Человек, лишенный сердца, жизнью брезгает земною.
Ты еще не знаешь, витязь, каково ему, герою!

Не застав в пещере друга, был ты вправе рассердиться,
Я же толком не умею за миджнура заступиться:
Говорить язык устанет, сердце в пепел обратится,—
Рождена я, видно, в горе, чтобы с витязем томиться.

Муки этого миджнура столь безмерно велики,
Что страшатся даже камни, не стерпев его тоски.
Слезы витязя могли бы затопить русло реки...
Впрочем, все в чужих страданьях мы большие знатоки.

Провожая Тариэла, я спросила на прощанье:
«Что же делать Автандилу, коль приедет на свиданье?»
Он ответил: «Пусть поищет, как искал когда-то ране,
Далеко я не уеду, не нарушу обещанье.

Я исполню эту клятву, хоть страдаю я жестоко.
Буду ждать я, как ни тяжко, до назначенного срока.
Коль найдет меня умершим, пусть схоронит недалеко,
А найдет живым — дивится, ибо жизнь — мгновенье ока!»

Скрылось солнце за горами для меня, и с этих пор
Я горючими слезами орошаю камни гор,
Как безумная, стенаю, проклинаю свой затвор,—
Смерть и та меня забыла: вот он, божий приговор!

Есть в Китае некий камень с мудрой надписью такою:
«Кто друзей себе не ищет, тот враждует сам с собою».
Ныне стал шафранным витязь, сходный с розой молодою.
Поищи его, исполни то, что велено судьбою!»

«Ты права,— ответил странник,— мне не нужно оправданья!
Но не я ль, миджнур, миджнура не оставил без вниманья?
Увидав источник жизни, прибежал к нему как лань я,
Все поля вокруг обрыскал ради этого свиданья!

Ту жемчужину, с которой сочетается кристалл,
Я покинул, и на счастье уповать я перестал.
Уезжая самовольно, я доверье потерял:
Огорчил царя с царицей, недостойный их похвал.

Господин мой воспитатель — государь весьма могучий.
На меня его щедроты, словно снег, летят из тучи.
Но ушел я, вероломный, все забыл в печали жгучей...
Согрешив перед владыкой, уж не жду я жизни лучшей!

Я для друга эти беды, о сестра, претерпеваю!
Чтоб свое исполнить слово, по чужому езжу краю!
Он же скрылся из пещеры — тот, по ком я умираю,
И теперь, устав смертельно, я в тоске изнемогаю!

Но оставим эти речи. Мешкать в поисках грешно.
Сожаленья не изменят то, что минуло давно.
Иль найду его, иль сам я с ним погибну заодно,—
Богохульствовать не буду, если это суждено!»

Не сказав ни слова больше, он помчался сквозь теснину,
Пересек ручей и лесом устремился на равнину.
Леденил холодный ветер розу, равную рубину,—
«Никогда,— шептал он,— больше солнцеликой не покину.

В чем мой грех, великий боже? — говорил он божеству.—
Почему я не с друзьями, обездоленный, живу?
О двоих зачем тоскую, вижу гибель наяву?
Пусть же кровь моя, о боже, на мою падет главу!»

АВТАНДИЛ В ПОИСКАХ ТАРИЭЛА: ПЛАЧ ЕГО И СТЕНАНИЕ

«Связкой роз меня ударив, друг меня поранил ею.
Я исполнил нашу клятву, он не стал считаться с нею.
Потеряв его навеки, я душою оскудею,
Без него любого друга уподоблю я злодею.

Не к лицу ему, герою, эта вечная тоска.
Разве витязю поможет слез обильная река?
Нужно после размышлений путь избрать наверняка.
Где ж оно, светило это с тонким станом тростника?»

Обессиленный слезами, витязь в поиски пустился,
Не смыкая глаз бессонных, кликал друга и томился.
По полям, лесам, долинам трое суток он кружился,
Но пропавшего скитальца не нашел он, как ни бился.

И молился он: «О боже, чем я грешен пред тобой?
Почему меня ты гонишь, угнетенного судьбой?
Судия мой милосердный, я пришел к тебе с мольбой:
Сократи мои страданья, утешенья удостой!»

АВТАНДИЛ НАХОДИТ ТАРИЭЛА ВО ВТОРОЙ РАЗ

Раз на холм поднялся витязь, изнемогший от молений,
И взглянул он на долину, где играли свет и тени,
И средь зарослей заметил вороного в отдаленье.
«Это он! — воскликнул витязь.— В том не может быть сомнений!»

И воспрянул он, и сердце у него затрепетало,
Радость выросла внезапно, и отчаянье пропало.
К потускневшему кристаллу возвратился блеск кристалла.
И, как вихрь, в долину эту он помчался с перевала.

И, увидев Тариэла, отшатнулся он назад:
Полумертвый лик скитальца был отчаяньем объят.
Ворот был его разорван, по щекам струился град.
Покидая мир мгновенный, не смотрел на брата брат.

Справа возле Тариэла лев лежал и меч чеканный,
Слева — рухнувший на землю тигр виднелся бездыханный
По лицу из глаз страдальца ток струился непрестанный,
Лютым пламенем пылало сердце в скорби несказанной.

Разомкнуть очей не в силах, без сознания и воли,
Витязь был готов покинуть этот мир земной юдоли.
Автандил его окликнул, оглашая лес и поле,
И сошел с коня поспешно, не желая медлить боле.

И лицо он Тариэлу рукавом отер своим,
И на землю опустился, и сказал, тоской томим:
«Иль не слышишь Автандила? Я — твой друг и побратим!»
Но, открыв глаза, страдалец был безмолвен перед ним.

То, о чем я повествую, с ним действительно случилось!
Вздрогнул витязь, и сознанье в нем внезапно прояснилось.
Крепко обнял он собрата и прославил божью милость.
Видит бог, таких героев в мире больше не родилось!

«Брат,— сказал он,— я исполнил слово, данное в пещере.
Ты меня не бездыханным здесь нашел, по крайней мере.
Но теперь стремлюсь я к смерти и вхожу в ее преддверье,—
Опусти мой труп в могилу, чтоб его не грызли звери!»

Автандил ему ответил: «Это — худшее из дел!
Кто из нас не ведал страсти, кто в горниле не горел?
Но никто ж не рвался к смерти, проклиная свой удел!
Почему твоим рассудком ныне дьявол овладел?

Коль ты мудр, то знай, что мудрость так вещает нам с тобою:
Муж не должен убиваться в столкновении с судьбою.
Муж в беде стоять обязан неприступною стеною.
Коль заходит ум за разум, все кончается бедою!

Как ты, мудрый, забываешь это мудрое реченье?
Чем тебе помогут звери утолить твое влеченье?
Где найдешь ты, умирая, ту, чей лик — твое мученье?
Если ты еще не ранен, брось о ранах попеченье!

Кто из нас миджнуром не был? Кто любви не перенес?
Кто, сознание теряя, на себе не рвал волос?
Разве это необычно? Для чего ж потоки слез?
Без шипов, как всем известно, не бывает в мире роз.

Как-то раз спросили розу: «Отчего, чаруя око,
Ты колючими шипами нас царапаешь жестоко?»
«Чтобы сладкого добиться,— отвечал цветок Востока,—
Испытай сначала горечь,— без нее не будет прока!»

Если дал цветок бездушный столь ответ красноречивый,
Как достигнуть можешь счастья ты, искатель нерадивый?
Сатанинские внушенья не ведут тропой счастливой!
Что же ты с судьбою споришь и зовешь несправедливой?

Ты мое послушай слово: сядь скорее на коня
И забудься на мгновенье, мысли черные гоня.
Пересиль свои желанья, сделай это для меня:
Мне известно, как развеять жар сердечного огня!»

Тариэл ему ответил: «Мне слова твои постылы!
Чтоб тебе повиноваться, не имею больше силы.
Ты не прав, что здесь, в пустыне, для меня страданья милы —
Я свою увижу радость лишь на дне моей могилы.

Одного лишь я желаю, умирая от недуга:
Чтобы встретились за гробом я и милая подруга,
Чтобы мы, покинув землю, вновь увидели друг друга...
Пусть друзья меня схоронят: это лучшая услуга.

Разве может жить влюбленный, если милой больше нет?
Ныне радостно иду я за возлюбленной вослед.
Горько милая заплачет, зарыдаю я в ответ!
Мне дороже ста советов сердца собственный совет.

Знай, скажу тебе всю правду: к жизни мне не возвратиться.
Смерть витает надо мною, сердце хочет позабыться.
Уходи же прочь отсюда! Время плоти разложиться,
К сонму духов бестелесных дух мой немощный стремится.

Проникать в твои советы не имею я желанья,
Смерть близка, и жизнь земная — только краткое дыханье.
Мир претит душе безумной, преступил земную грань я.
Я уж там, куда струятся слезы нашего страданья.

Мудрый! Что на свете мудро? Разве будет мудрым тот,
Кто, безумием объятый, умирает от невзгод?
Отрешенная от солнца, роза долго не живет.
Уходи! Твоя забота давит сердце и гнетет!»

Автандил его не слушал, продолжая уговоры:
«Для чего ты перед смертью затеваешь эти споры?
Если стал себе врагом ты, где искать тебе опоры?»
Но не мог он Тариэла увести с собою в горы.

Он сказал: «Коль ты не хочешь братским следовать советам,
Докучать тебе не буду. Расставайся с белым светом.
Умирай, коль хочешь смерти! Пусть увянет роза летом!
Об одном тебя прошу я...— И заплакал он при этом.—

Ту, чьи розы осеняют копий сомкнутых агат,
Я покинул ради друга, как союзник и собрат.
Царь отеческой беседой не увлек меня назад.
Ты ж отверг меня, и снова я отчаяньем объят!

Не гони меня обратно, продолжая препираться,
Сядь хоть раз на вороного, дай тобой полюбоваться!
Может быть, тебя увидев, я не стану убиваться
И уеду, насладившись, ты же можешь оставаться.

Сядь в седло!» — молил он брата, нареченного светилом,
Ибо знал, что верховому невозможно быть унылым.
И ресницы в знак согласья тот склонил пред Автандилом
И внезапно подчинился, убежден собратом милым.

«Приведи коня! Поеду!» — молвил он, подняв чело.
Автандил, исполнив просьбу, сесть помог ему в седло.
И поехал скорбный витязь, стан колебля тяжело,
И от сердца у миджнура понемногу отлегло.

Автандил поехал рядом, продолжая с ним беседу.
Губ кораллы шевелились, сердце верило в победу.
Речь его вернула б силы даже старцу-домоседу.
Ныне он, утешив брата, вел назад его по следу.

Лекарь скорби, он заметил, что настало облегченье,
И лицо его, как роза, засияло в восхищенье.
Исцеление разумных, неразумных огорченье,
Слово разума безумцу он промолвил в заключенье.

«Утоли мое желанье,— так промолвил Автандил.—
Ты запястье солнцеликой всей душою возлюбил.
Правда, это знак вниманья от соперницы светил,
Но признайся, неужели он тебе настолько мил?»

Тариэл ему ответил: «Что с подарком тем сравнится?
Он один — причина вздохов, он — судьбы моей частица.
Краше вод, земли и неба эта малая вещица!
Речи вздорные противны, как на вкус — трава-кислица».

«Ждал и я,— воскликнул витязь,— от тебя подобной вести!
Но послушай, что скажу я, избегая всякой лести.
Тот браслет тебе дороже иль Асмат? Скажи по чести!
Сознаюсь, другой бы выбор на твоем я сделал месте!

Тот браслет чеканил мастер, он — простая мишура!
Он безжизнен, безучастен, чуть дороже серебра!
Почему ж ты забываешь, как Асмат к тебе добра?
Ведь она — твоя подруга и названая сестра!

Не она ли здесь в пустыне подружила нас с тобою?
Не она ли опекала вас с царевной молодою?
Ради той, кого растила, грудь ее полна тоскою!
Как же ты ее бросаешь? Так ли нужно жить герою?!»

«Правда,— вымолвил страдалец.— В том не может быть сомненья!
Лишь Асмат верна мне в горе и достойна сожаленья!
Так пойдем же к ней скорее, коль не умер в этот день я!
Не хотел я жить на свете, ты принес мне исцеленье!»

И отправились герои повидать сестру свою.
Как я слабыми словами красоту их воспою!
В розах губ блистали зубы, как жемчужины в строю...
Из норы сердечным словом можно вызвать и змею!

Автандил промолвил другу: «Мне служить тебе — отрада,
Но и ты забудь о ранах и не пей напрасно яда.
Бесполезна нам наука, коль творим не то, что надо,—
Посуди, какая польза от закопанного клада?

Мало толку, если горе несчастливого снедает:
До назначенного срока человек не умирает.
Роза, солнца ожидая, по три дня не увядает.
Смелость, счастье и победа — вот что смертным подобает!»

Друг сказал: «Дороже жизни сердцу эти назиданья!
Мудрецов благословляют все разумные созданья.
Но поверь, что не могу я превозмочь мои страданья!
Сам миджнур, ужель миджнуру ты не видишь оправданья?

Воск затем горит, что сутью однороден он с огнем,
Но вода огню враждебна — не ужиться им вдвоем.
Так и мы: страдая сами, все страдальцу отдаем...
Ты же мне не доверяешь в одиночестве моем...»

РАССКАЗ ТАРИЭЛА О ТОМ, КАК ОН УБИЛ ЛЬВА И ТИГРИЦУ

«Расскажу тебе, мой витязь, что со мной случилось в поле,
Сам тогда судить ты сможешь о моей несчастной доле.
Проводив тебя, в пещере я не мог томиться боле
И, вскочив на вороного, устремился на приволье.

Я сквозь заросли проехал и на холм поднялся скоро.
Вижу: лев спешит к тигрице, полный страсти и задора.
Их веселые забавы были радостны для взора,
Но затем меня смутила непонятная их ссора.

Эти яростные звери, столь беззлобные вначале,
Вдруг напали друг на друга и от злобы зарычали.
И отпрянула тигрица, словно женщина в печали.
Лев почуял запах крови и за ней пустился дале.

Рассердился я на зверя и сказал: «Умалишенный!
Разве с милою подругой может ссориться влюбленный?» —
И пронзил его мечом я, сам на муки обреченный,
И свалился лев, от жизни навсегда освобожденный.

Меч я бросил и тигрицу, спрыгнув на землю, схватил.
Я искал ее лобзаний ради той, кого любил.
Но она рвала мне кожу и рычала что есть сил.
Распалился я от боли и прекрасную убил.

Ничего не мог я сделать с тварью той неукротимой,
Я ее ударил оземь, гневом яростным палимый.
И припомнил я внезапно, как я ссорился с любимой,
И едва в тот миг не умер от тоски невыносимой.

Вот, мой брат, какие беды должен я претерпевать!
Почему же ты дивишься, что решил я умирать?
Я уже простился с жизнью, мне не жаль ее отдать...»
И замолк печальный витязь, и заплакал он опять.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВИТЯЗЕЙ В ПЕЩЕРУ И СВИДАНИЕ ИХ С АСМАТ

Автандил внимал рассказу и скорбел о Тариэле,
Он твердил: «Не убивайся! Бог поможет в этом деле!
Он, хотя ты и страдаешь, приведет влюбленных к цели.
Вы без божьего веленья не сошлись бы с колыбели!

Зачастую жизнь миджнуров омрачается бедою,
Но утешатся страдальцы, удрученные нуждою.
И хоть ты убит любовью, лишь она одна, не скрою,
Мудрых разума лишая, учит неучей порою!»

И к пещере повернули эти витязи коней,
И Асмат навстречу вышла, увидав, что едут к ней.
Братья спешились и с девой поздоровались своей.
Слезы плачущей рабыни бороздили грудь камней.

«Боже мой,— она сказала,— царь царей неизреченный,
Озаряющий лучами бедных жителей вселенной!
Как тебя прославить может человечий разум бренный?
Ниспослал ты утешенье мне, страдалице смиренной!»

Тариэл сказал: «Сестрица, тяжела для нас расплата
За блаженство дней минувших, улетевших без возврата.
То закон старинный мира, в этом ты не виновата.
Жаль тебя, но лишь кончина твоего пленяет брата.

Если жаждущий разумен, воду наземь он не льет.
Для чего ж точу я слезы в дни страданий и невзгод?
Нас безводье убивает, но поит источник вод!
Горе мне: потерян жемчуг, роза больше не цветет!».

И свое припомнил солнце Автандил, ему внимая.
Он воскликнул: «О царица, без тебя схожу с ума я!
В отдалении от милой безутешна жизнь земная!
Кто тебе сказать сумеет, как я плачу, изнывая?

Как подумать может роза: «Я без солнца не увяну»?
Коль погаснет вдруг светило, что я в мире делать стану?
Уподобься же, о сердце, неживому истукану!
Чтобы вновь увидеть деву, пусть душа скрывает рану!»

И умолкли побратимы, и любимая сестра
Проводила их в пещеру, безутешна и добра,
Разостлала шкуру тигра, усадила у костра,
И друзья вели беседу вплоть до самого утра.

Славный пир, зажарив мясо, братья справили сначала.
Правда, пир тот был без хлеба и гостей недоставало.
«Ешь!» — твердили Тариэлу, но не слушал он нимало.
Лишь кусочек весом в драхму съел, и силы есть не стало.

Есть ли что на свете лучше, чем разумная беседа?
Не пройдет она бесследно, коль послушаешь соседа.
Сердце стихнет понемногу, дружелюбием согрето.
Сладко горем поделиться, если можно сделать это!

Львам подобные герои продолжали разговор,
Поверяли то друг другу, что скрывали до сих пор,
И когда наутро солнце засияло из-за гор,
Новой клятвой подтвердили стародавний уговор.

Тариэл сказал: «Не нужно тратить лишние слова нам!
Бог воздаст тебе за дружбу с побратимом чужестранным.
Разве, дав друг другу клятву, были мы подобны пьяным?
Буду помнить я до смерти о тебе, моем желанном!

Чтоб уменьшить пламень сердца, поразмысли терпеливо,
Ведь огонь, во мне горящий, зажигало не огниво!
Потушить его желая, самому сгореть не диво!
Возвращайся же к царице, путешествуя счастливо!

Облегчить мои страданья не сумеет даже бог,
Потому я и блуждаю без путей и без дорог.
Посреди мужей разумных жил и я немалый срок,
Но пришел черед безумью — и теперь я изнемог».

Автандил ему ответил: «Что сказать тебе на это!
Ты и сам судить умеешь, как мудрец и муж совета.
Но неужто бог бессилен, если он создатель света,
Если все, что здесь мы видим, взращено им и согрето?

Для чего же вас он создал, если вы его созданья,
Умираете, расставшись, от великого страданья?
Пусть миджнур пока не может утолить свои желанья, —
Заколи меня, коль снова не дождется он свиданья!

Разве муж достоин чести, коль он бед не поборол?
Неприлично от несчастий убегать в соседний дол!
Вседержитель милосерден, это мир исполнен зол!
Помни это изреченье, ибо неуч есть осел.

Я сказал тебе довольно, чтобы мог ты поучиться.
Я молил мое светило перед тем, как отлучиться:
«Если друга не увижу, сердце в пепел обратится!
Чем тебя, испепеленный, я обрадую, царица?»

«Эта речь достойна мужа,— отвечала мне подруга,—
Ибо помощь Тариэлу — перед милою заслуга!»
Не без спроса я уехал, как какой-нибудь пьянчуга.
«Трус!» — в лицо мне скажет дева, если я покину друга.

Чем вести пустые речи, ты прислушайся к моим:
Для разумного созданья труд земной необходим.
Для чего нам цвет увядший? Кто утешен будет им?
Коль ты сам себе не нужен, будь другому побратим.

Странствуй, где тебе угодно — по пустыням и по чащам,
Если хочешь — с мудрым сердцем, нет — так с разумом болящим,
Но, всегда учтивый, стройный, будь ты мужем настоящим,
Не давай погибнуть сердцу в лютом пламени палящем.

Об одном тебя сегодня мы с царицей умоляем:
Через год приди в пещеру, где с тобой мы отдыхаем.
Я вернусь, как только розы расцветут, согреты маем.
Пусть они тебя разбудят, словно псы могучим лаем!

Если ж с радостною вестью я к пещере не приду,
Значит, в поисках царевны я и сам попал в беду.
Это будет знак, чтоб слезы проливал ты в том году,
Что была погибель злая суждена мне на роду.

В этом случае не надо сокрушаться слишком много:
На коне умру иль в лодке — все равно одна дорога!
Но молчать, подобно зверю, не могу: томит тревога.
Как мне знать, какая участь мне готовится от бога?»

Тариэл сказал: «Не буду утомлять тебя беседой,
Ты меня не будешь слушать, что тебе ни посоветуй.
Если друг нейдет с тобою, значит, ты за ним последуй!
Понемногу станет ясным то, что скрыто в жизни этой.

Ты со временем увидишь, как печален мой удел.
Все равно мне — плакать дома иль покинуть мой предел.
Все я выполню, безумец, что бы ты ни захотел,
Но коль долго не вернешься, для земных погибну дел».

Братья в поле поспешили, захватив с собою луки,
И, убив по горной лани, привезли их в дар подруге.
Их сердца точили слезы, мысль о завтрашней разлуке
К неизбывным старым мукам прибавляла новой муки.

Пусть читатели отныне обливаются слезами!
Сердце с сердцем расстается — как тут быть, судите сами!
Нелегко дается людям расставание с друзьями!
Тот, кто этого не знает, горевать не будет с нами.

Утром братья пробудились, из пещеры вышли вон
И, с невольницей прощаясь, испустили горький стон.
Запылали их ланиты ярче пурпурных знамен,
Каждый лев, подобно зверю, был тоской испепелен.

С громким воплем ехал витязь, провожая Автандила.
«Кто вас, львы мои, прославит? — им невольница
твердила.—
Солнце вас сожгло навеки, о небесные светила!
Горе мне! Ничто на свете мне, страдалице, не мило!»

В этот день, не расставаясь от восхода до заката,
Путь держали прямо к морю два могучие собрата.
Здесь они остановились, тяготила их утрата,
Тяжким пламенем разлуки их душа была объята.

Автандил промолвил другу: «Высох слез моих ручей!
Почему с царем Фридоном ты провел так мало дней?
Там узнать возможно вести о возлюбленной твоей.
Как мне к витязю проехать, расскажи мне поскорей!»

Юный витязь, не желая препираться по-пустому,
Показал ему дорогу к властелину молодому:
«Отправляйся ты к востоку вдоль по берегу морскому,
Передай поклон Фридону, коль к его прибудешь дому».

Застрелив козу из лука, оба сели у привала,
Пили-ели ровно столько, сколько в горе подобало,
Ночью их листва деревьев на ночлеге укрывала...
Рок земной непостоянен: то он много даст, то мало.

На заре они проснулись, чтоб надолго распроститься.
Расставанью их и горю каждый мог бы подивиться,
Слезы их, не уставая, снова начали струиться,
Груди, слившись воедино, не могли разъединиться.

Наконец они расстались, и, рыдая, в тот же миг
Этот в горы устремился, тот — в колеблемый тростник.
Озираясь друг на друга, испускали братья крик.
Солнце, видя их печали, затуманивало лик.

ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА К ФРИДОНУ, ПРАВИТЕЛЮ МУЛЬГАЗАНЗАРА

Что ты вертишь нас и крутишь, бессердечный мир земной?
Всякий, кто тебе поверит, будет сетовать со мной.
Ты откуда нас приводишь, где сровняешь нас с землей?
Только бог один заступник всем отвергнутым тобой!

Витязь плакал и до неба возносил свои стенанья:
«Снова кровь я проливаю, обреченный на скитанья!
Тяжела друзьям разлука, как загробные свиданья!»
Не равны друг другу люди, и не сходны их желанья!

Звери вкруг него толпились, слезы горестные лили.
Чистым пламенем пылая, он горел в своем горниле.
Не видал он утешенья, вспоминая о светиле.
Перлы уст полуоткрытых розам в сумраке светили.

Вяла роза, увядала ветвь алоэ, и кристалл
Уподобился лазури и светиться перестал.
Но крепился он и думал, бесприютен и устал:
«Для чего дивиться мраку, если свет невидим стал?»

И воззвал он к Солнцу: «Солнце! Тинатин ты в мире этом!
Оба вы на землю льете дивный свет зимой и летом!
Я, безумный, я, влюбленный, упиваюсь вашим светом!
Отчего ж мое вы сердце оттолкнули несогретым?

На один лишь зимний месяц Солнце прячется, не боле!
Я ж покинул два светила — в небесах и на престоле.
Как же мне в беде не плакать? Лишь утес не знает боли.
Нож плохой больному лекарь: ранит тело поневоле».

И опять молил он Солнце, проезжая средь долин:
«Солнце, ты владыка мира, властелинов властелин!
Слабый раб тобой возвышен и утешен господин!
Не гаси мой день, о Солнце! Дай увидеть Тинатин!

О Зуал, планета скорби, не щади меня нимало!
Ты мое закутай сердце в гробовое покрывало!
Как осла, гони и мучай от привала до привала!
Но скажи моей любимой, чтоб меня не забывала.

О Муштар, над всей землею ты судья и вождь верховный!
Вот пришли к тебе два сердца. Разреши их спор любовный!
Не наказывай невинных, чтоб не впасть в обман греховный!
Отчего ж, изранен девой, вновь я ранен, невиновный?

О Марих, звезда сражений, бей меня своим копьем!
Пусть багряными от крови будем мы с тобой вдвоем.
Но скажи ей, как безумно плачу ночью я и днем,
Ты ведь знаешь, что я вынес в одиночестве моем!

Аспироз, звезда любови, мне союз с тобою нужен!
Жгут меня уста-кораллы, что скрывают ряд жемчужин!
Красоту даешь ты девам, ею я обезоружен!
Отчего ж ты мне не светишь, коль тебе я так послушен?

Отарид, планета странствий, нас судьба соединила:
Ты горишь в круженье Солнца, я горю в огне светила.
Опиши мои мученья! Вот из слез моих чернила.
Пусть пером тебе послужит стан иссохший Автандила.

О, приди ко мне и сжалься над душой моей, Луна!
Ты, как я, по воле Солнца то ущербна, то полна.
Расскажи ей, как я стражду! Пусть услышит вновь она:
«За тебя я умираю! Будь же витязю верна!»

Семь светил вещают ныне то, что высказано мною!
Солнце, Отарид с Муштаром и Зуал полны мольбою.
С ними Аспироз взывает, и Марих твердит с Луною:
«Дева, пламенем пылая, я пленен одной тобою!»

И тогда сказал он сердцу: «Для чего твои стенанья?
Сатана в тебя вселяет столь великие терзанья!
Та, чьи волосы, как ворон, обрекла нас на скитанья.
Счастье вынести нетрудно, научись сносить страданья!

Если я в живых останусь, то, судьбой не обескрылен,
Я еще вернусь к царице, телом бодр и духом силен!» —
Так он пел, рыдая горько, сладкозвучен и умилен.
Соловей пред Автандилом был не более как филин.

Звери, слыша Автандила, шли толпою из дубрав,
Из реки на берег камни выходили, зарыдав,
И внимали, и дивились на его сердечный нрав,
И свои точили слезы, орошая листья трав.

ПРИБЫТИЕ АВТАНДИЛА К ФРИДОНУ ПОСЛЕ РАЗЛУКИ ЕГО С ТАРИЭЛОМ

Долго ехал юный витязь. Лишь на день семидесятый
Он корабль заметил в море,— странник, горестью объятый.
Корабельщики, причалив, вышли на берег покатый.
И спросил он: «Кто вы, люди? Чей он, этот край богатый?»

«О прекрасный чужестранец! — те сказали изумленно.—
Образ твой чарует душу, словно солнце небосклона!
Там — турецкая граница, здесь — владения Фридона.
Обо всем тебе расскажем, коль посмотришь благосклонно.

Нурадин-Фридон отважный правит в этой стороне,
Витязь щедрый и бесстрашный, горделивый на коне.
Никакой ему противник не опасен на войне.
Нам он с самого рожденья светит с солнцем наравне».

Автандил сказал им: «Братья, вы достойны уваженья!
Я ищу царя Фридона и терплю в пути лишенья.
Как проехать мне в столицу, если здесь его владенья?»
И они его решили проводить без промедленья.

«Этот путь,— они сказали,— приведет к Мульгазанзару.
Там живет наш царь, который одному тебе под пару.
Десять дней — и ты приедешь, уподобленный чинару!
Ах, зачем зажег ты в сердце пламя, равное пожару!»

«Отчего,— воскликнул витязь,— мною вы удивлены?
Коль зимой увяли розы, им не может быть цены.
Если б вы их увидали с наступлением весны,
В дни, когда на них дивится весь народ моей страны!»

Тот, чей стан стройней алоэ, чья десница крепче стали,
С мореходами простившись, поспешил в дорогу дале.
Он пустил коня галопом, позабыв свои печали,
Но нарциссы, как и прежде, слезы горькие роняли.

И пленял он чужестранцев, проезжая в диком поле,
И они чудесным гостем любовались поневоле,
И в минуту расставанья о его грустили доле,
И давали провожатых,— что им было делать боле!

Наконец к Мульгазанзару он приблизился и вдруг
Увидал перед собою окруженный цепью луг.
То стрелки пускали стрелы, быстро вскидывая лук.
Словно скошенные стебли, звери падали вокруг.

И к прохожему с вопросом поспешил он обратиться:
«Что за шум стоит на поле? Отчего народ толпится?»
Тот сказал: «Царю Фридону здесь угодно веселиться.
Здесь, на поле тростниковом, двор и вся его столица!»

И направился он к войску, позабыв свое страданье.
Я воспеть его не в силах, несмотря на все старанье!
Встреча с ним — пыланье солнца, а разлука — прозябанье,
Тростниковый стан героя заставлял терять сознанье!

Вдруг над самою охотой взмыл орел. Он, полный сил,
Тут прицелился из лука, птицу в воздухе скосил.
И упал орел и кровью луг зеленый оросил,
И ему подрезал крылья подоспевший Автандил.

Расступился круг широкий, люди луки опустили
И, сбежавшись отовсюду, незнакомца окружили,
И не знали, что подумать о прекрасном том светиле,
И за ним спешили следом, слова вымолвить не в силе.

Царь Фридон смотрел на поле с возвышения крутого.
Сорок ловчих окружали государя молодого.
Видя в поле беспорядок, государь спросил сурово:
«Отчего стрелки на поле разбежались бестолково?»

И раба послал немедля, осерчав на них, Фридон:
«Что они, ослепли, что ли, коль бегут со всех сторон?»
Но при виде незнакомца раб отпрянул, поражен,
И, забыв про все на свете, не промолвил слова он.

Автандил, остановившись пред слугою оробелым,
Приказал: «Скажи владыке, что приехал я за делом.
Брат названый Тариэла, к этим я пришел пределам,
Миновал чужие земли, ибо послан Тариэлом».

Возвратился раб к владыке и сказал ему с поклоном:
«Царь, подобный солнцу витязь на лугу стоит зеленом.
Он — загадка для премудрых, странно слышать речь его нам:
«Я пришел от Тариэла, чтоб увидеться с Фридоном».

Царь, как только это имя произнес его слуга,
Взволновался и на розы слез исторгнул жемчуга,
И, с ресниц его слетая, вдруг повеяла пурга.
Так сошлись они, два брата, недоступных для врага.

Царь Фридон с холма спустился и, увидев Автандила,
Вскрикнул: «Кто он, этот витязь, коль не дивное светило?
Описать его красоты невдомек посланцу было!»
Оба спешились, и радость их слезами окропила.

Обнялись, и, хоть впервые витязь был в Мульгазанзаре,
Царь души не чаял в госте, гость же — в юном государе.
Люди солнце разлюбили, присмотревшись к этой паре.
Ведь подобных им героев не увидишь на базаре!

Равных витязю Фридону средь людей на свете нет,
Но затмил его красою добродетельный спаспет.
В блеске утреннего солнца исчезает вид планет.
Лишь во тьме свеча сияет, днем ее невидим свет.

На коней они вскочили, во дворец помчались рядом.
Царь велел кончать охоту и домой идти отрядам.
Все собравшиеся гостя провожали долгим взглядом.
«Сам творец,— они твердили,— одарил нас этим чадом!»

И сказал Фридону витязь: «Ты спешишь услышать вести —
Кто я, еду я откуда. Все скажу, коль будем вместе,
Расскажу о Тариэле, о Нестан, его невесте...
Он мой друг, хоть я, по правде, недостоин этой чести.

Знатный витязь аравийский, полководец Автандил,
Я — любимец Ростевана и начальник ратных сил.
Из высокого я дома, царь меня усыновил,
Тех, кто мне сопротивлялся, я разбил и усмирил.

Раз, когда мы на охоте забавлялись с Ростеваном,
С неким плачущим скитальцем повстречались
чужестранным.
На призыв он не явился, это нам казалось странным:
Мы цены еще не знали ни слезам его, ни ранам.

Царь велел схватить невежу и послал людей из свиты.
Но недолго думал витязь, где искать ему защиты.
Многих он перекалечил, были многие убиты.
Кто луну столкнуть сумеет с предначертанной орбиты?

Царь разгневался, увидев, что обидел витязь нас,
Сел в седло и, горделивый, поспешил за ним тотчас.
Биться с нами незнакомец не решился в этот раз,
Опустил он вдруг поводья и исчез из наших глаз.

След его не обнаружив, мы сочли его виденьем.
Царь, унынием объятый, охладел к увеселеньям.
Был и я смущен немало тем загадочным явленьем.
И на поиски пустился, весь охваченный томленьем.

Я искал его три года, исходив земные дали.
Наконец на незнакомца мне хатавы указали.
И нашел тогда я розу, чуть живую от печали,
И с тех пор мы друг для друга как родные братья стали.

Захватив пещеры дэвов, витязь с помощью Асмат
Жизнь влачит вдали от мира, лютым пламенем объят.
Он горит в огне разлуки, мой названый старший брат.
Всем, о нем скорбящим, нужно траурный надеть наряд.

Плачет девушка в пещере, опекаемая братом:
Витязь пищу ей приносит, словно лев любимым львятам,
Сам же мечется по свету с сердцем, горестью объятым.
Кроме этой юной девы, всех он гонит от себя там.

Незнакомец незнакомцу, рассказал он мне, рыдая,
Как навеки разлучилась с ним царевна молодая.
Описать его мученья не сумею никогда я,—
Вечно плачет он о милой, по урочищам блуждая.

Все он странствует, тот витязь, сходный с юною луной,
День и ночь скитальца носит конь, подаренный тобой.
Он людей, как зверь, боится, проезжая стороной...
Горе мне, его собрату! Горе деве молодой!

Пламя этого безумца и меня спалило вскоре.
Увидав, как он страдает, сам почувствовал я горе.
Для него прошел я сушу, для него объехал море,
И с царем по возвращенье оказался я в раздоре.

Я хотел вернуться к другу — отказал мне царь сурово.
Я ушел без разрешенья и покинул войско снова.
Снова я ищу лекарство для страдальца молодого
И опять кружусь по свету, не имея на ночь крова.

О братании с тобою рассказал мне тот беглец,
И тебя, о несравненный, разыскал я наконец.
Где, скажи, искать мне солнце и владычицу сердец.
Перед кем в восторге зрячий и в отчаянье слепец?»

Царь Фридон в ответ заплакал. И, томителен и строен,
Плач их был подобен песне и сочувствия достоин.
В рощах глаз кипели слезы, и, тоскуя, каждый воин
Заставлял их течь на розы из агатовых промоин.

Увидав царя в печали, стража громко зарыдала.
Те себя по лицам били, те швыряли покрывала.
Семилетнею разлукой огорчался царь немало:
«О коварный мир мгновенный! Тяжела твоя опала!

Для тебя, мой витязь дальний, и похвал достойных нет!
Солнце ты с пути низводишь, сам сияя, точно свет!
Не тобой ли каждый смертный осчастливлен и согрет,
О дыханье нашей жизни! О сияние планет!

С той поры, как мы расстались, стала жизнь невыносимой!
Пусть ты сам меня покинул, я стремлюсь к тебе, любимый!
Ты меня не замечаешь, я метусь, тоской томимый!
Жизнь пуста, и мир несносен для души моей гонимой!»

Наконец они умолкли и, не кончив разговора,
Поспешили по дороге и вошли в столицу скоро.
Автандил небесноликий был отрадою для взора:
Под шатром ресниц тяжелых он таил очей озера.

Скоро витязи вступили в изукрашенный чертог,
Где блюдут страну вельможи от раздоров и тревог.
В дорогих одеждах слуги охраняли там порог,
И любой из них приезжим любоваться ныне мог.

Вышли к гостю домочадцы, время трапезы приспело.
Сто вельможных царедворцев по бокам от них сидело.
Автандил сидел с Фридоном, вспоминая Тариэла.
Лал, кристалл, агат и роза — все цвело и пламенело.

Ели-пили, пировали, поднимали в кубках вина,
Автандила, словно свата, угощали благочинно,
Утварь дивная явилась по приказу Нурадина,
Но огнем души героя пламенела вся дружина.

Пир до вечера тянулся. Упивался тот, кто пил.
Утром после омовенья был наряжен Автандил.
Я в сто тысяч драхм, не меньше, тот наряд бы оценил.
Оценить же редкий пояс у меня не хватит сил.

И хотя остерегался юный витязь промедленья,
Он являлся на охоту, посещал увеселенья.
Много дичи пострелял он, показал свое уменье,—
Бил без промаха по зверю, всем стрелкам на посрамленье.

Наконец сказал он другу: «Царь, томит меня тревога!
Трудно мне с тобой расстаться, не сердись же, ради бога.
Не могу я больше медлить, слишком дней уходит много,
Предстоит мне труд великий и нелегкая дорога.

Кто, тебя покинув, плачет, тот не может быть неправ,
Но могу ль я не уехать, жаром сердца воспылав?
Хорошо ли, если путник тратит время для забав?
Покажи мне, где стоял ты, это солнце увидав!»

Царь Фридон ответил: «Знаю, бесполезен спор с судьбою:
Ты, иным копьем пронзенный, не останешься со мною.
Пусть же враг твой погибает! Отправляйся, бог с тобою!
Только, брошенный друзьями, чем я душу успокою?

В одиночестве отныне ты не должен находиться.
Дам тебе рабов я верных — помощь всюду пригодится.
Пусть везут твою поклажу конь проворный и ослица.
Ведь без них тебе в пустыне трудно будет обходиться».

Четырех рабов он выбрал, верных дому с давних пор,
Подарил вооруженье, полный панцирный убор,
Шестьдесят талантов злата и велел привесть во двор
Дорогого иноходца, изумляющего взор.

Привели затем ослицу и навьючили постелью.
Витязь в дальний путь собрался, не приученный к безделью.
В ожидании разлуки охладел Фридон к веселью,
Он твердил: «Исчезнет солнце, и придет зима с метелью!»

Люди в городе узнали об отъезде том заране.
Продавцы плодов и шелка взволновались на майдане.
Голоса их раздавались, словно гром на поле брани:
«Исчезает наше солнце! Плачьте, плачьте, горожане!»

И когда на берег моря вышли путники, тотчас,
Как из озера страданий, слезы хлынули из глаз.
И поведал Автандилу царь печальный свой рассказ,
Как он видел здесь царевну, но, увы, ее не спас.

«Под охраной двух дозорных к нам явилась та девица,
Оба были словно сажа, только дева — светлолица.
Взял я меч, коня пришпорил, чтоб со стражами сразиться.
Но неведомая лодка скрылась в море, точно птица».

Братья обняли друг друга, испустили горький стон,
И огонь, томивший сердце, снова вспыхнул, распален,
И расстались побратимы, полководцы двух племен,
И остался одиноким опечаленный Фридон.

ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА НА ПОИСКИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Автандил с рабами ехал вдоль по берегу морскому,
Он искал бальзам целебный побратиму молодому.
День и ночь носил он в сердце беспредельную истому,
Целый мир с его делами отметал он, как солому.

Много встречных за сто суток расспросил он по базарам,
Но о деве не услышал, лишь потратил время даром.
Раз увидел он верблюдов и на них тюки с товаром.
Караванщики у моря с вожаком стояли старым.

Автандил с холма крутого заприметил их вдали.
Лица были их печальны, одеяния в пыли.
Дальше ехать эти люди, очевидно, не могли.
И спросил у них скиталец, из какой они земли.

Предводитель каравана был Усам, старик почтенный.
На приветствие ответил похвалою он отменной.
Он сказал: «Светило наше, утешитель драгоценный,
Приклони свой слух сегодня к нашей повести смиренной».

И сказали незнакомцы, окружившие спаспета:
«Мы — торговцы из Багдада, люди веры Магомета.
Не берем мы в рот хмельного, помним правила запрета.
Царь морей торгует с нами, для него поклажа эта.

Здесь нашли мы человека, изнемогшего от ран,
Привели его в сознанье, из каких, спросили, стран.
И ответил нам бедняга, болью тела обуян:
«Горе вам, коль выйдет в море ваш торговый караван!

Я по морю из Египта направлялся к дальним странам,
Нагрузив корабль богатый дивным шелком чужестранным,
Но пираты наше судно протаранили тараном...
Не пойму, как я добрался к этим отмелям песчаным».

Сам ты видишь, лев и солнце: наше горе необъятно.
Разоримся мы до нитки, коль воротимся обратно.
Если ж двинемся мы в море, то погибнем безвозвратно,—
Нам с пиратами сражаться непривычно и накладно».

«Тот не прав, кто унывает,— Автандил сказал в ответ.—
Мы ниспосланных от бога не минуем в жизни бед.
Но залогом вашей крови буду я во цвете лет.
Горе тем, кто нам на море нанести захочет вред!»

Караванщики сказали, обнадежены героем:
«Если витязь не испуган столь неслыханным разбоем,
Нагрузим скорее судно, зря себя мы беспокоим!»
И поспешно вышли в море, огорченные простоем.

Шли они с попутным ветром, без особых затруднений.
Автандил, отважный витязь, вел их в нужном направленье.
Вдруг корабль с огромным флагом показался в отдаленье.
Был на нем отряд пиратов и таран для нападений.

Шли грабители навстречу, воя в трубы и крича.
Караванщики смутились, слыша голос трубача.
Витязь им сказал: «Не бойтесь! Иль умру от их меча,
Или все они погибнут, не дождавшись палача!

Провидение сильнее всех воителей вселенной,
Лишь когда настанет время, я покину мир мгновенный.
Ни друзья тогда, ни башни не спасут мне жизни бренной.
Тот, кто это понимает, тверд душою неизменной.

Вы, купцы, я вижу, трусы! Не сражались вы с врагами!
Чтобы вас не перебили, лучше спрячьтесь за дверями.
Посмотрите, как я буду драться львиными руками,
Как пролью потоки крови, если враг сразится с нами!»

Не имея в сердце страха, уподобившийся льву,
Облачился он в доспехи, шлем надвинул на главу
И над самою кормою смело поднял булаву...
Меч его грозил пиратам не во сне, а наяву.

Приближаясь с каждым мигом, громко хищники вопили
И бревно с железным бивнем прямо в судно устремили.
Витязь с тяжкой булавою укрепился на кормиле
И ударил по тарану, с львом соперничая в силе.

И таран переломился, и осталось судно целым,
И внезапно прыгнул витязь к супостатам оробелым,
И бежать им было поздно, и в сраженье этом смелом
Смерть, достойная злодеев, стала горьким их уделом.

Словно лев на козье стадо, витязь кинулся на них.
Он одних швырял в пучину, бил о палубу других.
Восьмерых схватив в охапку, он разил девятерых.
Укрывался в груде трупов, кто остался там в живых.

Одержал победу витязь, утолил свое желанье.
Богом хищники молили не карать за злодеянье.
Витязь раненых не тронул, обнаружил состраданье,
Ибо страх ведет к любови, как вещает нам Писанье.

Не гордитесь, люди, силой! Бросьте глупую забаву!
Людям сила бесполезна, если богу не по нраву.
Ведь довольно малой искры, чтоб большую сжечь дубраву.
И с дубьем, коль бог захочет, и с мечом добудешь славу.

Много редкостных сокровищ те разбойники везли.
Увидал добычу витязь, и сцепил он корабли,
И на зов его немедля караванщики пришли,
И Усам, воспрянув духом, славил витязя вдали.

Десять сотен уст потребно, чтоб прославить Автандила,
Красоту его измерить нет достойного мерила!
Караванщики вскричали: «Помогла нам божья сила,
Ночь прошла, настало утро, загорелся луч светила!»

Подошли они к герою, целовали руки-ноги,
Осыпали похвалами, спасены среди дороги.
Мудрецы, его увидев, стали б разумом убоги!
«Спас ты наше достоянье и избавил от тревоги!»

«Слава богу! — он ответил.— Стороной прошла беда!
Предначертанное богом исполняется всегда.
Бог землею правит втайне, въяве — только иногда.
Нужно нам, по слову мудрых, верить в лучшие года!

Вседержитель оказался нам защитою надежной.
Это он послал мне силы, без него я прах ничтожный!
Ныне я разбил пиратов, верен клятве непреложной.
Поделитесь их добычей и поклажею дорожной».

Счастлив доблестный воитель, победивший супостата!
Все сподвижники героя дружно чествуют собрата,
Перед ним, неустрашимым, их душа стыдом объята,
А герою даже рана — украшенье, не утрата!

В тот же день корабль пиратов мореходы обошли
И, сокровища увидев, сосчитать их не могли,
И собрали их немедля и к себе перенесли,
И корабль, разбитый в щепки, бросив в море, подожгли.

И вручил Усам герою от купцов уведомленье:
«Пристыженные тобою, мы спаслись от нападенья.
Ныне мы свои товары отдаем в твое владенье.
Поделись, коль хочешь, с нами. Это общее решенье».

Автандил ответил: «Братья, я сказал вам ясным слогом:
Бог заметил ваши слезы, спасены вы только богом.
Я всего лишь бедный странник и нуждаюсь не во многом:
Был бы сам да конь послушный, чтобы ездить по дорогам.

Если б я искал сокровищ, все имел бы, что хочу:
Драгоценные каменья, украшенья и парчу.
Для чего дары мне ваши? Я доверился мечу
И совсем не о богатстве, разъезжая, хлопочу.

Из бесчисленных сокровищ, нам ниспосланных судьбою,
Каждый пусть возьмет, что хочет,— ничего от вас не скрою.
Об одном прошу вас, братья: если вы довольны мною,
Дайте мне покуда скрыться под одеждою простою.

Кроме вас, никто не должен обо мне иметь понятья.
Притворившись старшиною, я надену ваше платье.
Как простой купец, отныне буду с вами торговать я.
Вы ж меня не выдавайте, ибо мы отныне братья!»

По душе пришлась торговцам эта просьба Автандила.
«Витязь, ты надежда наша! — так решенье их гласило.—
Умолять тебя об этом нам самим бы нужно было.
Будь же нашим старшиною ты, чей лик светлей светила!»

Путешествуя по морю, дальше двинулись они,
И была благоприятна им погода в эти дни,
И дарили Автандилу только перлы, и сродни
Были этим дивным перлам зубы витязя одни.

ПРИБЫТИЕ АВТАНДИЛА В ПРИМОРСКИЙ ГОРОД ГУЛАНШАРО

Автандил проехал море и окинул берег взглядом.
Перед ним открылся город, окруженный пышным садом.
Цветники оттенков разных в том саду цвели богатом.
Как тебе его представить, коль ты не был никогда там!

Привязав к причалам сада свой корабль тремя цепями,
Автандил, в торговом платье, сел на стул под деревами,
И пришли к нему торговцы с полновесными деньгами,
И, свое скрывая званье, занялся герой делами.

И пришел к нему садовник, надзиратель тех садов,
И, увидев лик героя, изумиться был готов,
Но спросил его приезжий: «Чей здесь город и каков?
Как зовется повелитель этих пышных берегов?

Расскажи мне без утайки,— он сказал,— какие ткани
Здесь в цене, какие сходят за бесценок на майдане?»
«О купец,— сказал садовник,— изливаешь ты сиянье!
Все скажу тебе правдиво, утолю твое желанье.

В год едва ли ты объедешь этот край благословенный.
Дивный город Гуланшаро полон роскоши отменной.
К нам ее сюда привозят корабли со всей вселенной.
Царь морей Мелик Сурхави — наш владыка несравненный.

Молодеют даже старцы, приезжая к нам сюда.
Здесь всегда пиры да пляски, пенье, музыка, еда.
Здесь цветы благоухают и не вянут никогда.
Даже те на нас дивятся, кто желает нам вреда!

Именитые торговцы здесь на дело тороваты:
Продают и покупают, наживаются трикраты.
Бедняки и те за месяц могут сделаться богаты,
Коль добра себе закупят без особенной затраты.

Я смотритель и садовник именитого Усена,
Он глава торговцев здешних, вся ему подвластна мена.
Чужестранцев он встречает здесь в саду обыкновенно,
Ибо видеть все товары он обязан непременно.

Все прибывшие Усену поднести спешат дары
И в другом не могут месте разбивать свои шатры.
Для царя он покупает ткани, золото, ковры,
И торгуют где угодно чужестранцы с той поры.

Для таких, как ты, почтенных мореходов и героев
Он велит отвесть покои содержателям покоев.
Но теперь Усен в отъезде. Все дела свои устроив,
Он тебя обязан встретить, высшей чести удостоив.

Здесь Фатьма-хатун при доме, госпожа, его супруга,
Весела она, любезна, любит гостя в час досуга.
Лишь скажу, она немедля пригласит тебя, как друга,
Во дворец ее богатый проведет тебя прислуга».

Автандил ему ответил: «Делай так, как ты сказал!»
И слуга, облившись потом, к госпоже своей вбежал.
«Госпожа моя, — он крикнул, — удостой меня похвал:
Некий витязь солнцеликий в нашей гавани пристал!

Он торговец именитый и хозяин каравана,
Словно месяц семидневный, он красивее платана.
Как идет к его одежде цвет коралловый тюрбана!
Он справляется о ценах гуланшарского майдана».

Десять слуг Фатьма послала провести купца столицей,
В караван-сарай товары потянулись вереницей.
И вошел в ее покои лал-агат розоволицый,
И подобен льву и тигру был он шуйцей и десницей.

И народ, услышав новость, собрался со всех сторон.
Волновались, говорили: «Не покажется ли он?»
Этот был восторга полон, тот — до смерти поражен,
О мужьях забыли жены, и мужья корили жен.

ВСТРЕЧА АВТАНДИЛА С ФАТЬМОЮ

У дверей жена Усена гостя встретила с поклоном.
Взор ее сиял довольством и казался благосклонным.
Привела и посадила, как предписано законом,
Было видно: не гнушалась тем купцом иноплеменным.

По летам немолодая, но красивая собою,
Смуглолицая хозяйка притворялась молодою.
По душе ей были пляски, а не то и пир горою.
Песни, музыка, наряды не давали ей покоя.

Засидевшись за обедом, гость подарки ей дарил.
Удивленная хозяйка говорила: «Как он мил!
Дай же бог, чтоб не впустую этот пир устроен был!»
Наконец в опочивальню был отпущен Автандил.

Утром он, открыв товары, выбрал шелка дорогого
И послал его владыке края этого морского.
Остальное он торговцам возвратил, напомнив снова:
«Продавайте, как хотите, но о витязе — ни слова!»

Даже в скромном одеянье витязь всех сводил с ума!
То он шел к хозяйке в гости, то к нему — она сама.
Речи были их красивы, встречи — длительны весьма.
Как влюбилась Вис в Рамина, так и в витязя — Фатьма.

ФАТЬМА ВЛЮБЛЯЕТСЯ В АВТАНДИЛА

Лучше с женщиной не знаться тем, кому под силу это:
Ты отдашь жене все сердце, нежной лаской согрето,
А она тебе изменит, позабыв слова обета.
Доверять не нужно женам даже малого секрета!

Вожделенье к Автандилу в сердце женщины запало.
Как Фатьма ни огорчалась, пламя крепло, возрастало.
Обнаруживалась тайна, как хозяйка ни скрывала.
«Как мне быть и что мне делать?— день и ночь она рыдала.—

Если я ему откроюсь, он, быть может, удалится.
Промолчу — еще ужасней буду в пламени томиться.
Объяснюсь я, будь что будет, коль я в мире не жилица!
Не открыв врачу болезни, разве можно исцелиться?»

И письмо она решила написать купцу и в нем
Рассказала, как страдает, угасая с каждым днем.
Зачастую эти письма опаляют нас огнем.
Их беречь на память надо, мы ж теряем их и рвем.

ЛЮБОВНОЕ ПОСЛАНИЕ, НАПИСАННОЕ ФАТЬМОЙ АВТАНДИЛУ

«Создал бог тебя, о солнце, всемогущею рукою,
Без тебя любая радость людям кажется бедою,
Но вблизи ты нас сжигаешь дивной силой огневою...
Сонмы звезд тобой гордятся и любуются тобою!

Всякий, кто тебя увидит, обезумеет от страсти.
Соловьи трепещут, роза, у тебя одной во власти!
Все цветы вокруг увяли, да и я теперь в напасти:
Сердце, бедствуя в разлуке, разрывается на части.

Тяжело мне, бог свидетель, о любви писать моей!
Что, однако, мне поделать, если нет пределов ей?
В сердце черные ресницы проникают все сильней.
Не лишай меня рассудка, помоги и пожалей!

И пока ты мне ответа не пошлешь по доброй воле,
Чтоб лишить меня надежды иль помочь в несчастной доле,—
До тех пор, изнемогая, не умру я поневоле.
Жизнь иль смерть, реши скорее! Я страдать не в силах боле!»

Как обычную записку, без особого вниманья
Автандил в своем покое прочитал ее признанья.
Он сказал: «Фатьма не знает, каковы мои желанья.
Я ль сравню ее с любимой, позабыв мои мечтанья?

Не чета вороне роза! Непристойна эта связь!
Но еще не пел над нею соловей, воспламенясь!
Все дурное и бесплодно и противно, словно грязь.
Что за вздор она мне пишет? И откуда дурь взялась?»

Но потом он так подумал: «Посреди чужого люда
Я один себе помощник, одному же в мире худо.
Чтоб вернуть страдальцу-другу то потерянное чудо,
Обо всем ином на свете должен я забыть покуда.

Эта женщина привыкла принимать к себе гостей,
Видеть множество приезжих, слышать множество вестей.
Если я, испепеленный, повинуюсь нынче ей,
Может быть, она поможет мне по прихоти своей.

Ведь коль женщина полюбит, к нам она при первом слове
Рада будет прилепиться, как уток к своей основе,
Все расскажет, разболтает... Ей позор и стыд не внове.
Видно, мне не подобает уклоняться от любови.

Под несчастною звездою не добьешься ничего.
То, что нужно,— не имею, а иное — для чего?
Мир — как сумерки ночные, тьма наполнила его.
Что содержится в кувшине, то и льется из него!»

ОТВЕТ АВТАНДИЛА
И ВСТРЕЧА ЕГО С ЧАЧНАГИРОМ

Автандил Фатьме ответил: «Я прочел твои хваленья.
Ты меня предупредила: сам пылаю каждый день я.
Как и ты, я умираю от любовного влеченья.
То, что сладостно обоим, недостойно осужденья».

Как Фатьма возликовала, не умею рассказать я!
«Уж не буду, написала, больше слезы проливать я!
Только сумерки настанут, приходи в мои объятья,
С нетерпением великим буду ночи ожидать я».

Но как только он собрался на свидание идти,
Некий раб ему в потемках повстречался на пути.
«Задержись!— Фатьма писала.— Не готова я, прости!»
«Что за вздор!— подумал витязь.— Что могло произойти?»

Несмотря на запрещенье, распахнул он дверь алькова.
Перед ним Фатьма сидела, и мила и черноброва.
Автандил заметил сразу, что рыдать она готова,
Но влюбленная хозяйка не промолвила ни слова.

Сели вместе, целовались за беседою совместной.
Вдруг явился на пороге некий витязь неизвестный.
Вслед за гостем нес невольник меч его и щит железный,
Но при виде Автандила оба встали, как над бездной.

И Фатьма, заметив гостя, побледнела, словно мел.
С удивленьем незнакомец на любовника глядел.
Он сказал Фатьме: «Не буду прерывать я ваших дел,
Но клянусь тебе, что завтра будет горек твой удел!

Ты меня своим распутством затоптала в грязь, срамница!
Отомщу тебе я завтра, как тебе еще не снится:
Всех детей своих от страха загрызешь ты, как волчица!
Плюнь мне в бороду, злодейка, если это не случится!»

Тронув бороду рукою, удалился гость сердитый.
Залилась Фатьма слезами, принялась терзать ланиты.
«Горе мне! — она вскричала.— Все грехи мои открыты!
Пусть побьют меня камнями! Недостойна я защиты!

Погубила я супруга и детей не сберегла,
Потеряла самоцветы, разоренная дотла!
Разлучилась я с родными, натворив немало зла,
Кров разрушила домашний, где так радостно жила!»

С удивленьем слушал витязь эти горькие стенанья.
«Что с тобою?— он воскликнул.— Как понять твои рыданья?
Кто такой он, этот витязь, наши видевший лобзанья?
За какие он грозился рассчитаться злодеянья?»

«Лев, теряю я рассудок! — так Фатьма ему сказала.—
Не расспрашивай напрасно, говорить мне не пристало.
И детей я погубила, и сама теперь пропала,—
Красота твоя, любимый, сердце мне околдовала.

Тот, кто в жизни неразумен и ведет себя, как лжец,
Кто сберечь не может тайны — погибает наконец.
Пусть же плачут о несчастной, не жалеющей сердец!
Кто своей желает крови, тот на свете не жилец.

Ты одно из двух обязан совершить без промедленья:
Иль убей ты чачнагира, замышляющего мщенье,—
Ты спасешь поступком этим и меня, и все именье,
Я ж тебе потом открою все былые прегрешенья;

Или, если ты не можешь, погрузи на мулов вьюки
И покинь мои владенья, как ни горек час разлуки.
Буду я тебе противна, коль, попавшись в злые руки,
Загрызу своих детей я, обреченная на муки».

Автандил, бесстрашный витязь, воспылал, подобно льву.
Смелый, доблестный и гордый, взял он в руки булаву.
Он сказал: «Забудь об этом! До тех пор, пока живу,
Беззащитному погибнуть не позволю существу!

Мне помощников не нужно, нужен только провожатый,
Чтобы знал я, где живет он, этот витязь бородатый.
Он не справится со мною, лютой яростью объятый.
Жди меня и будь спокойна, не пугай себя расплатой!»

И хозяйка к Автандилу провожатого прислала
И, прощаясь, понемногу успокаиваться стала.
«Коль убьешь его сегодня,— так она ему сказала,—
Не забудь, сними мой перстень с пальца этого бахвала».

Автандил из дома вышел, и прошел сквозь город он.
Был дворец красно-зеленый возле моря возведен.
Окружая ряд чертогов, над балконом шел балкон,
Строй бесчисленных балконов упирался в небосклон.

Провожатый Автандилу показал на это зданье:
«Тот, кого ты ныне ищешь, здесь имеет пребыванье.
Ты на верхнюю террасу поднимись без колебанья:
Отдыхает там хозяин, возвратившись со свиданья».

Двух привратников заметил возле дома Автандил,
И подкрался к ним бесшумно, и за горло их схватил,
И приподнял, и ударил друг о друга что есть сил,
Черепа разбил обоим и мгновенно умертвил.

АВТАНДИЛ УБИВАЕТ ЧАЧНАГИРА

Чачнагир лежал на ложе в огорчении немалом.
Автандил к нему ворвался, обагрен потоком алым.
Сбросив витязя с кровати, он пронзил его кинжалом
И расправился без шума с этим воином удалым.

Для друзей — светило жизни, для врагов — гроза и горе
Отрубил он палец с перстнем, не забыв об уговоре,
И безжизненное тело из окна он бросил в море,
И нашло оно могилу в беспредельном том просторе.

Дело втайне совершилось. Кто об этом мог узнать?
Уподобясь сладкой розе, устремился витязь вспять.
Как решился он на это, невозможно нам понять,
Но знакомою дорогой возвратился он опять.

И когда к Фатьме явился этот лев и солнце света,
Он сказал ей: «Твой обидчик не проспится до рассвета:
Он убит моим кинжалом, провожатый видел это.
Вот тебе в утеху палец, и кольцо на нем надето!

Объясни же мне без страха, почему ты так несчастна?
Чем грозил тебе тот витязь, порицая громогласно?»
И Фатьма ему призналась: «О возлюбленный! Невластна
Посмотреть тебе в лицо я, хоть люблю тебя я страстно.

Возвратил ты ныне к жизни и меня, и всю семью.
Чем тебя я, лев, прославлю? Как твой подвиг воспою?
Так как ты убил сегодня эту злобную змею,
Приготовься, солнцеликий, повесть выслушать мою».

ФАТЬМА РАССКАЗЫВАЕТ АВТАНДИЛУ ИСТОРИЮ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

«Новый год мы здесь справляем по своим заветам старым:
Не торгуем, как обычно, и не ездим по базарам.
В этот день, принарядившись, мы, подобно знатным барам,
Во дворец на пир веселый с дорогим приходим даром.

В этот день купцы приносят государю приношенья,
Царь их также оделяет сообразно положенья,
Десять дней играют арфы, всюду музыка и пенье.
Игры в мяч, бега и скачки развлекают населенье.

Здесь делами всех торговцев управляет мой супруг,
Я считаюсь у царицы госпожою их подруг.
Захватив с собой подарки и собравшись в тесный круг,
Мы проводим вместе с нею новогодний свой досуг.

Как-то в праздник новогодний принимала нас царица,
Оделяла нас дарами, весела и светлолица.
Вслед за тем мои подруги поспешили удалиться
И зашли ко мне в покои, продолжая веселиться.

В сад мы вечером спустились и певцов с собою взяли,
И певцы веселым пеньем нас искусно развлекали.
Забавляясь, я меняла и прически и вуали
И с подругами болтала без заботы и печали.

В том саду, над самым морем, прихотлива и стройна,
Средь кустов была беседка на скале возведена.
И пришла я в ту беседку, роем жен окружена,
И велела дать подругам угощенья и вина.

Занимала я соседок, чтобы им нескучно было,
Но в разгаре удовольствий вдруг душа моя заныла.
Гости стали расходиться, увидав, что я уныла,
И печаль, подобно саже, разом сердце мне покрыла.

Я окно приотворила, устремила взгляд на море
И смотреть на волны стала, чтоб свое развеять горе.
Что-то темное мелькало в беспредельном том просторе,
То ли зверя, то ли птицу разглядела там я вскоре.

Но не зверь то был, не птица: море там несло ладью,
Два каких-то чернокожих плыли к нашему жилью,
И везли они с собою ту, о ком я слезы лью,
Чье чудесное виденье душу ранило мою.

Скоро маленькое судно оказалось у причала.
Озираясь, оба стража вышли на берег сначала,—
Сонный берег был безлюден, их ничто не испугало,
Лишь одна я незаметно из окошка наблюдала.

И тогда они из лодки извлекли ковчег, откуда
Вышла девушка на берег, где камней лежала груда:
В черной редкостной вуали, в платье цвета изумруда,
Затмевало образ солнца то неведомое чудо.

Повела очами дева — засиял вокруг гранит,
Над землей возник и небом нежный свет ее ланит.
Я глаза мои закрыла, ибо девы этой вид
Ослепил меня внезапно так, как солнце нас слепит.

Четырем рабам отважным я приблизиться велела.
«Посмотрите, что за дивом эта шайка овладела!
Нужно выкупить бедняжку. Отправляйтесь, люди, смело,
Что запросят, то и дайте, но устройте это дело.

Если ж торг не состоится, то убейте этих стражей
И луну ко мне доставьте, чтоб жила под кровлей нашей».
Тут рабы мои, подкравшись, подошли к стоянке вражьей,
Но приезжие и слушать не хотели о продаже.

Видя это, я вскричала: «Смерть им! Смерть!» И предо мной
Два убитые злодея скоро скрылись под водой.
Люди деву окружили, повели ее домой,
И спустилась я навстречу к незнакомке молодой.

Как была она прекрасна, рассказать я не умею!
Назовут ли солнце солнцем, сопоставив солнце с нею!
Не под силу этот образ начертать и чародею!
Я в лучах его доселе вся горю и пламенею!»

Тут Фатьма, заплакав, стала бить руками по ланитам.
Скорбь, как видно, овладела и торговцем именитым:
Позабыв друг друга, оба с сердцем плакали разбитым,
Растопив снега в долинах, слезы реками текли там.

Плач умолк, и друг промолвил: «Продолжай, молю, рассказ!»
«Деве той,— Фатьма сказала,— я доверилась тотчас.
Все я ей надоедала, целовала много раз,
Усадив, не отводила от нее влюбленных глаз.

Я ее спросила: «Солнце! Дочь какого ты народа?
Где тебя, краса созвездий, взяли эти два урода?»
Но она не отвечала мне и с самого прихода
Слезы горькие точила, словно в поле непогода.

Утомившись от расспросов и моих надоеданий,
Не могло мое светило удержаться от рыданий.
Из нарциссов сквозь агаты тек на лалы ток страданий.
Изнывала я, не в силах утолить ее желаний.

Наконец она сказала: «Ты мне матери дороже,
Но мое существованье лишь на вымысел похоже.
Не пытай меня, коль бога прогневить боишься тоже.
Я — скиталица простая, мне роптать на жизнь негоже».

Я решила: «Тот, кто ночью кличет солнце на восток,
Тот поистине несчастен, скудоумен и убог.
Нужно утром ждать рассвета, чтоб из дела вышел прок.
Подожду, пока очнется эта дева от тревог».

ФАТЬМА СПАСАЕТ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН И РАССКАЗЫВАЕТ О НЕЙ УСЕНУ

Солнцеликую, которой похвалы обычной мало,
Я, клянусь ее любовью, никому не показала,
Но она струила слезы, завернувшись в покрывало,
Роза инеем покрылась, из ресниц метель взлетала.

Эту деву молодую, станом сходную с алоэ,
Привела я незаметно в помещенье потайное.
Скрыла я от любопытных это диво неземное,
Только негр, слуга мой верный, ей прислуживал в покое.

Описать ее страданья не умею я вполне.
День и ночь она рыдала, не смолкая и во сне,
Утихала на минуту лишь со мной наедине...
Отчего в разлуке с нею я не гибну? Горе мне!

День и ночь пред нею стыли слез глубокие криницы,
Над пучиной глаз чернильных висли копьями ресницы,
Как агатовые чаши, влагу черпали зеницы,
Близнецы зубов сияли из волшебных уст девицы.

Видя девушку в печали, допытаться не могла я,
Кто она, откуда родом, в чем ее кручина злая.
Видно, вынесла бедняжка, слез потоки проливая,
То, что вынести не в силах ни одна душа живая.

Ни ковра, ни одеяла эта дева не брала,
Лишь вуаль из черной ткани покрывалом ей была.
Руку под голову клала — так, бывало, и спала,
И едва касалась пищи, торопясь из-за стола.

Расскажу я о вуали тонкотканой и прелестной.
Много я перевидала всякой роскоши чудесной,
Но такой я не встречала дивной ткани неизвестной:
Хоть она казалась мягкой, но была прочней железной.

Уж давно в поместье нашем незнакомка укрывалась,
Рассказать о ней Усену я, однако, не решалась.
«Для него любую тайну разболтать — пустая малость» —
Так я думала о муже и, увы, не ошибалась.

Но потом я спохватилась: «Коль о деве я смолчу,
Не смогу ничем помочь ей так, как этого хочу,
Лишь со временем от мужа по заслугам получу...
Так зачем же о бедняжке я напрасно хлопочу?

Что могла одна я сделать, истомленная тоскою?
Будет лучше, коль Усену эту тайну я открою.
Пусть он только поклянется предо мной, своей женою,
Что нигде не будет хвастать незнакомкой молодою».

И пришла тогда я к мужу, и, обняв его, сказала:
«Расскажу тебе я, милый, то, что ранее скрывала,
Но держать все это в тайне головой клянись сначала!»
Муж сказал: «Коль проболтаюсь, мне с горы свалиться мало!

То, о чем ты мне расскажешь, сохранить я в тайне рад,
Не пронюхают об этом ни собрат, ни супостат!»
И сказала я Усену, хоть мой муж и простоват:
«Встань, пойдем! Увидишь солнце, ослепляющее взгляд!»

И когда пришли мы с мужем в потайное помещенье,
Вздрогнул муж, увидев деву, и воскликнул в восхищенье:
«Что я вижу пред собою? Что за дивное виденье!
Неужели это солнце — нам подобное творенье?»

«Ничего о ней не знаю,— отвечала я супругу,—
Знаю только, что явилась из-за моря к нам в округу.
Пусть она сама расскажет, как помочь ее недугу,
Пусть свое откроет имя и окажет нам услугу».

И почтительно сказали мы, склонившись перед ней:
«Нас лучи твои, светило, обжигают все сильней.
Как же нам луну избавить от скопления теней?
Отчего желтей шафрана стал рубин в расцвете дней?»

Услыхала нас девица или вовсе не слыхала,
Но уста свои, как розы, над жемчужинами сжала,
Над челом, подобным чуду, змеи кос простерли жала,
Солнце, скрытое драконом, людям больше не блистало.

И ни слова не сказала наша юная жилица,
Только сумрачно смотрела, как угрюмая тигрица.
Но когда ручьи устали из очей прекрасных литься,—
«Уходите! — прошептала.— Дайте мне уединиться!»

И заплакали мы с мужем, севши около нее,
И самих себя винили за невежество свое.
Но безмолвствовала дева, погрузившись в забытье,
И напрасно мы плодами угощали там ее.

Муж сказал: «Она мне будет утешением на свете!
Только солнце и достойно целовать ланиты эти!
Тот, кто девушку обидит, сам окажется в ответе!
Если дети мне дороже, пусть мои погибнут дети!»

И опять мы любовались на нее среди забот.
Было радостно свиданье, да нерадостен уход.
И не раз потом мы с нею отдыхали от хлопот,
И сердца томились наши в западне ее красот.

УСЕН ВЫДАЕТ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН ЦАРЮ МОРЕЙ

Как-то раз в мои покои муж явился со словами:
«Редко стал царя я видеть, вечно занятый делами.
Что ты скажешь, коль сегодня я пойду к нему с дарами?»
«Отправляйся,— я сказала,— ты глава над всеми нами».

Встав, Усен наполнил блюдо дивным жемчугом и лалом.
Я сказала: «Много пьяных там ты встретишь за бокалом.
Не болтай, смотри, о деве! На пиру не будь бахвалом!»
«Не скажу,— Усен поклялся,— хоть коли меня кинжалом!»

Муж явился прямо к пиру. Навещая царский дом,
Был царю он друг-приятель и давно ему знаком.
Царь, приняв его подарок, стал поить его вином,
И смотрите, что случилось с опрометчивым купцом!

Гости пили, пировали, как положено от века,
И подвыпившего мужа не спасла моя опека:
Позабыл свою он клятву — что ему Коран и Мекка!
Не идут рога ослице, хмель не красит человека!

Государь сказал Усену, приказав сменить кувшины:
«Порицать твои каменья не имею я причины.
Удивляюсь, где берешь ты эти перлы и рубины!
Я за них тебе не в силах заплатить и половины!»

Отвечал Усен с поклоном: «О великий властелин!
Ты, как солнце, нас питаешь, всех творений господин!
Чье оно, мое богатство? Чей он, этот мой рубин?
Все, что ныне я имею, даровал мне ты один!

Царь, тебе не подобает восхищаться этим даром,
Не таким еще готов я услужить тебе товаром.
Я нашел тебе невестку — деву, сходную с чинаром.
Получив ее, ты скажешь, что поцарствовал недаром».

Так мой муж нарушил клятву, не сдержал обет священный,
Выдал он царю девицу, запятнал себя изменой.
Государь развеселился, и позвал дозор военный,
И послал его немедля за красавицею пленной.

О беде не помышляя, я сидела здесь одна.
Вдруг явился на пороге государев старшина.
Шестьдесят ему подручных полагалось издавна.
«Что случилось?» — я спросила, видом их удивлена.

«О Фатьма,— сказала стража,— нам приказано владыкой,
Чтобы мы к нему вернулись вместе с девой солнцеликой,—
В дар царю ее приносит твой Усен, богач великий».
Небо рухнуло на землю предо мною, горемыкой!

Я спросила с удивленьем: «Кто ж она, девица эта?»
«Лик ее,— сказала стража,— изливает волны света».
У кого, объята горем, я могла просить совета?
Задрожала я, смешалась, не сумела дать ответа.

Поспешила я к девице, жизнь несчастную кляня.
«О светило, изменила нам судьба средь бела дня,
Отвернулось в лютом гневе небо, полное огня:
Отдал муж тебя владыке, выдал, бедную, меня!»

Отвечала мне девица: «Не дивись, моя сестрица:
Зло не стоит удивленья, горю нечего дивиться,
Удивляться нужно счастью, ибо счастье — небылица.
Все я беды испытала, новых бед не приключится».

Тут, истерзанная горем, поспешила я в подвал
И взяла пригоршню лалов, удостоенных похвал.
Был ценою в целый город в том подвале каждый лал.
Опоясав ими деву, я вернулась с нею в зал.

Я сказала: «Эти камни сберегут тебя в неволе»,—
И вручила царской страже деву, скрытую дотоле.
Услыхав трезвон и крики, царь поднялся на престоле,
Но была спокойна дева, не сказав ни слова боле.

Вкруг нее народ толпился и дивился ей, покуда
Шла она, потупив очи, посреди простого люда.
И когда перед владыкой появилось это чудо,
Царь воскликнул в изумленье: «Кто ты, солнце, и откуда?»

Очи девушки слепили всех прибывших во дворец.
Царь твердил: «Видавший виды, я пред нею как слепец,
Сотворить ее для мира мог единый лишь творец.
Горе тем, кто очарован этой радостью сердец!»

Усадив девицу рядом, царь сказал ей: «О светило,
Из какой земли явившись, ты наш город посетило?»
Но она в ответ владыке ничего не говорила,
Только голову склоняла безнадежно и уныло.

Не услышала девица обращения царева,
Мыслью странствуя далече, не ответила ни слова,
Затаила блеск жемчужин, розы стиснула сурово...
Красотою эта дева изумить могла любого!

«Как понять ее молчанье? — удивился царь морей.—
Только два предположенья извиненьем служат ей:
Иль она кого-то любит, и сгорает от огней,
И не может нам признаться в страсти девичьей своей;

Или, избранное небом ясновидящее око,
В смене радости и горя здесь она не видит прока.
Ей они напоминают сказку смутную Востока,
И душа ее, как голубь, над людьми парит высоко.

Поскорей бы сын мой милый возвращался с поля брани!
Я хочу, чтоб эта дева приготовилась заране.
Пусть она ему расскажет то, что хочет, при свиданье,
А пока в разлуке с солнцем, как луна, живет в тумане».

Расскажу о царском сыне. Он, царевич здешних мест,
Красотой своей и силой всюду славится окрест.
Предводительствуя войском, он задерживал приезд.
Для него отец готовил здесь невесту из невест.

Тут на девушку надели дорогое покрывало,
Ожерелье из каменьев, тоже стоящих немало.
Был венец ее искусный дивно выточен из лала,
И сияла наша роза в блеске этого кристалла.

Приказав опочивальню ей устроить в лучшем месте,
Царь из западного злата дивный трон возвел невесте,
И когда настало время, в знак особой царской чести
Он ее на сон грядущий проводил с другими вместе.

Девять евнухов надежных у дверей поставил он
И за стол опять уселся, соблюдая свой закон.
Был Усен-клятвопреступник от царя вознагражден.
Рокот труб и барабанов долетал со всех сторон.

И тогда с судьбою спорить стала дева молодая:
«Отчего меня ты гонишь, сердце горестью снедая?
Кто теперь владеет мною? Для чего пришла сюда я?
Что должна я ныне делать, чтоб не плакать, увядая?

Не хочу я, точно роза, расставаться с красотою,
С божьей помощью я ныне вражьи помыслы расстрою.
Не дожив еще до смерти, кто кончает сам с собою?
Нужен разум человеку, чтобы справиться с бедою».

И сказала дева стражам: «Преклоните, люди, слух.
Все вы ныне в заблужденье — царь, вельможа и евнух.
Я невестою не буду,— знайте каждый, кто не глух.
Зря вы бьете в барабаны и трубите во весь дух.

У меня своя дорога, не гожусь я вам в царицы,
Мне не может быть супругом ваш царевич светлолицый.
Для чего ж просить согласья у неведомой девицы,
Чтоб она осталась с вами государыней столицы?

Если ж я у вас в неволе заколю себя кинжалом,
Царь и вас пошлет на плаху в огорчении немалом.
Лучше я отдам вам пояс, полный жемчугом и лалом,
Вы ж позвольте мне исчезнуть, скрыв лицо под покрывалом».

Тут сняла она каменья и с высокого чела
Свой венец, рубин прозрачный, караульным отдала.
«Отпустите,— прошептала,— и не делайте мне зла,
Вседержителю угодны милосердные дела!»

И рабы воззрились жадно на роскошные каменья,
И мгновенно позабыли государевы веленья,
И решили эту деву отпустить без промедленья,—
Вот что делает богатство — корень чертова растенья!

Нет тому на свете счастья, кто живет во имя злата.
Жадный щелкает зубами от восхода до заката:
Все ему, бедняге, мнится, будто денег маловато,
И душа его во прахе погибает без возврата.

С девой так и поступили. Лишь настало время сна,
Дал ей раб свою одежду, и накрылась ей она,
И была сквозь черный выход дева в сад уведена...
Так от страшного дракона скрылась юная луна.

Только девушка сбежала, вслед за ней исчезли слуги.
Скоро я внизу у двери услыхала зов подруги.
Вышла я навстречу деве, обняла ее в испуге,
Но она побыть со мною не хотела на досуге.

«Жемчуг твой,— она сказала,—спас меня от лютых стражей.
Да воздаст тебе спаситель, покровитель дружбы нашей!
Дай теперь мне аргамака, ибо, взбешенный пропажей,
Скоро вышлет вслед за мною свой отряд владыка вражий».

Привела я из конюшни быстроногого коня,
И в седло уселась дева, твердость редкую храня.
Так порой на Льва садится Солнце, полное огня...
Урожай, что я растила, созревал не для меня!

Город скоро оцепили, свет мелькнул, заржали кони,
И ко мне ворвались снова верховые из погони.
«В этом доме,— я сказала,— нет той девушки в короне.
Коль найдете, то хозяйку обвините в беззаконье».

Не нашли беглянку стражи и в смущенье возвратились.
Царь и все его вельможи бесконечно огорчились,
Позабыли про веселье, в черный траур облачились:
«Закатилось наше солнце, очи в сумраке затмились».

Я о той луне прекрасной расскажу еще потом,
А теперь о чачнагире расскажу я молодом:
Я была ему козою, он же был моим козлом.
Блуд жены и мерзость мужа покрывают нас стыдом.

Надоел мне муж-торговец, неказистый, тощий, вздорный,
Чачнагир же был красавец, да к тому же и придворный.
Мы сошлись. Однако ныне не ношу одежды черной,
Ибо кровь его, злодея, не считаю я зазорной.

Я любовнику, рехнувшись, все о деве рассказала,—
Как она ко мне явилась, как ее я в путь послала.
С той поры, его увидев, я от страха трепетала,
Лишь теперь, когда он умер, я опять свободна стала.

На меня при каждой ссоре он грозился донести...
Раз, когда он был в отъезде, я звала тебя, прости!
Он же в город возвратился и решил ко мне прийти.
Оттого тебя и встретил мой посланец на пути.

Ты назад не возвратился, ты моей не понял вести,
И в моей опочивальне чачнагир нас видел вместе.
Я от страха чуть дышала, я его боялась мести,
Он решил пред государем уличить меня в бесчестье.

Если б ты, мой гость прекрасный, не убил его, злодея,
Он бы все открыл владыке, сам собою не владея.
Царь бы сжег мой дом богатый, и, по слову лиходея,
Ожидая лютой казни, пожрала б своих детей я.

Да воздаст тебе создатель наилучшей из щедрот!
Мне тот змей зловещим взором сердце больше не гнетет!
Я судьбой моей довольна, миновали дни невзгод!
Не грозит мне больше гибель! Удивительный исход!»

«Книги,— ей ответил витязь,— говорят царям и слугам:
«Из врагов всего опасней враг, прикинувшийся другом».
Мудрый муж ему не верит, воздавая по заслугам.
Твой же враг теперь в пучине, ты отделалась испугом.

Я прошу тебя закончить о девице свой рассказ.
Что потом случилось с нею, ускакавшей в поздний час?»
Тут Фатьма опять поникла, слезы хлынули из глаз:
«Луч зари, упав на землю, вспыхнул ярко и погас!»

ПОВЕСТЬ О ПЛЕНЕНИИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН КАДЖАМИ, РАССКАЗАННАЯ ФАТЬМОЙ АВТАНДИЛУ

О судьба, своим коварством ты поспоришь с сатаною!
Кто тебя на свете создал столь опасной и дурною?
Что ты сделала, злодейка, с той прекрасною луною?
Вижу я, что в этом мире все мгновенно предо мною!

Вновь Фатьма заговорила: «Лишь исчезло солнце света,
Чьим сиянием доселе жизнь моя была согрета,—
Стала огненным горнилом для меня разлука эта,
И рыдала я о деве, и стонала до рассвета.

Стал мне дом мой ненавистен, охладела я к родне,
Все мерещилась беглянка наяву мне и во сне,
И Усен-клятвопреступник, позабывший о жене,
Убоясь моих проклятий, подходить не смел ко мне.

Как-то раз, когда садилось солнце, в воздухе сверкая,
Шла я около харчевни, от тоски изнемогая.
Вспоминая незнакомку, я твердила, не смолкая:
«Будь ты проклята навеки, клятва лживая мужская!»

Некий раб с тремя другими восседал в харчевне рядом,
Средь товарищей невзрачных выделялся он нарядом.
Закупив на драхму пищи и блестя довольным взглядом,
Путешественники ели, задержав меня не зря там.

Эти люди говорили: «Все мы здесь как на подбор,
Но, за трапезой пируя, незнакомы до сих пор.
Ни один из нас не знает, с кем ведет он разговор.
О себе сказать полезней, чем болтать различный вздор».

Начались повествованья, и, когда кончался ужин,
Раб заметил: «Воле неба жребий путников послушен.
Вы посеяли здесь просо, я ж посею горсть жемчужин.
Пусть мою оценит повесть тот, кто здесь со мною дружен.

Раб великого царя я, повелителя Каджети.
Пораженный злым недугом, умер он в годины эти.
Много льется слез сиротских без него на белом свете.
У сестры его, царицы, все его остались дети.

Дулардухт, сестра царева, величава, как скала.
И никто ее дружине причинить не смеет зла.
Двух сирот, Росана с Родьей, под присмотр она взяла
И, воссев на трон Каджети, правит царские дела.

У нее сестра внезапно где-то за морем скончалась.
Услыхав про это горе, наша знать перепугалась:
Как сказать о том царице, чтоб она не убивалась?
И велел Рошак дружине, чтоб она вооружалась.

Он сказал нам: «Хоть убейте, не желаю слушать воя.
Лучше мы пойдем в долину для потехи и разбоя.
Возвратимся мы не скоро, но богаче станем вдвое,
К поминанью я успею, хоть не жалую его я».

Приказал нам предводитель: «Люди добрые, вперед!»
Сто рабов себе он выбрал и повел с собой в поход.
Ночью мы дозор держали, днем мы грабили народ
И, напав на караваны, умножали свой доход.

Как-то раз туманной ночью наш отряд в степи скитался.
Вдруг какой-то свет чудесный перед нами показался.
«Неужели луч светила через облако прорвался?» —
Так мы думали, и каждый, рассуждая, удивлялся.

«То луна,— мы говорили,— или свет зари за тучей!»
И к чудесному виденью понеслись тропой дремучей.
И, безлюдную равнину оцепив на всякий случай,
Мы услышали из света голос нежный и певучий:

«Кто вы, всадники ночные? Что хотите здесь найти?
Я, посол из Гуланшаро, еду к каджам. Прочь с пути!»
Мы, услышав этот голос, поспешили подойти,
И возник пред нами всадник, словно солнце во плоти.

Все лицо его в тумане, точно молния, сверкало,
Это дивное виденье всю окрестность озаряло.
И хотя ездок учтивым не старался быть нимало,
Он склонял свои ресницы, как агатовые жала.

Тут расспрашивать мы стали и разглядывать светило.
Всадник тот посланцем не был, это людям ясно было.
Вдруг Рошак, признав в нем деву, дернул лошадь за удило,
И дружина незнакомку в плен тотчас же захватила.

Снова мы спросили деву: «Ты откуда, дивный свет?
И зачем ты здесь блуждаешь, наподобие планет?»
Но она, дрожа от гнева, только плакала в ответ.
Плохо, коль луну драконы пожирают в цвете лет!

Не прислушалась девица ни к мольбам, ни к уговорам,
Не сказала, кто велел ей по степным скакать просторам,
Только сумрачно молчала пред разбойничьим дозором,
И людей она, как аспид, обливала гневным взором.

И сказал Рошак нам: «Братья, не простое это дело:
Нелегко ей нам открыться, если б даже захотела.
Но удел царицы нашей лучше всякого удела,
Так как бог свои щедроты посылает ей всецело.

Ниспослав нам эту деву, видно, хочет наш творец,
Чтобы мы ее к царице проводили во дворец.
Мы скрывать ее не в силах от владычицы сердец,
Если деву обнаружат, то и нам придет конец!»

Возражать мы не решились и, в ответ на речи эти,
Вместе с пленною девицей понеслись назад в Каджети.
Больше ей не докучая, мы в ее купались свете,
Но она рыдала горько, словно пойманная в сети.

Обратился я к Рошаку: «Витязь, шелковые ткани
Я купил себе недавно в Гуланшаро на майдане.
Отпусти меня за ними! Приложу я все старанье,
Чтоб догнать твою дружину и служить тебе, как ране».

Я возрадовалась духом, услыхав того раба.
Знать, до праведного неба донеслась моя мольба!
На следы моей беглянки навела меня судьба,
И зажглась во мне надежда, хоть была еще слаба.

Я рассказчика немедля привела в свое жилище
И сказала: «Повтори мне, что сказал ты им, дружище!»
Повторил он все до слова, что поведал братье нищей,
И вернул меня он к жизни, не отправил на кладбище.

Двух искусных чернокожих я держу для услуженья,
И любой из них умеет стать невидимым для зренья.
С поручением в Каджети их послала в тот же день я:
«Отыщите эту деву, если хватит вам уменья!»

За три дня слетали к каджам оба эти колдуна.
«Дулардухт,— они сказали,— ехать за море должна.
Взор же девы солнцеликой изливает пламена,
И с царевичем Росаном уж помолвлена она.

«Быть девице за Росаном! — возвестила там царица.—
Но теперь мне не до свадьбы: умерла моя сестрица.
К обрученью их, однако, я успею возвратиться».
В башне деве служит евнух, и устроена светлица.

Колдунов и чародеев Дулардухт берет с собою,
Ибо путь ее опасен, а враги готовы к бою.
Крепость каджей остается под охраной боевою,
И теперь уже царица, верно, плачет над сестрою.

Крепость каджей неприступна. Под охраной трех ворот
Там скала стоит крутая, упираясь в небосвод,
И внутри скалы той чудной проведен подземный ход,
Он на самую вершину в башню пленницы ведет.

Там всегда стоит у входа боевое охраненье.
Десять тысяч лучших стражей охраняют укрепленье,
Их не менее трех тысяч насчитал я в каждой смене...»
Мир обрек тебя, о сердце, на заботу и томленье!»

Так открылось Автандилу, погруженному в заботы,
Где скрывается светило, унесенное в высоты.
И вознес хвалу он богу за великие щедроты
И сказал Фатьме: «Смягчила горе сердца моего ты!

Ты, любимая, достойна благосклонности моей,
Ты обрадовала сердце дивной повестью своей.
Но коль каджи бестелесны, словно духи,— хоть убей,
Не пойму, зачем их племя так похоже на людей?

Я и сам скорблю о деве, но весьма дивлюсь, не зная,
Для чего бесплотным духам эта женщина земная?»
И Фатьма в ответ сказала: «Объяснить тебе должна я,
Что они совсем не духи, это выдумка сплошная.

Каджи — это те же люди, только, тайнами владея,
Каждый кадж напоминает колдуна и чародея.
Ослепить он нас сумеет лучше всякого злодея,
И сражаться с ним, проклятым,— бесполезная затея.

Что они творят над нами, эти изверги земли!
Поднимают ураганы, топят лодки, корабли,
По морям умеют бегать и, кощунствуя вдали,
Ночь в сиянии скрывают, день — в тумане и пыли.

Потому названье каджей и дано им здесь народом,
Что они, людьми рождаясь, помыкают нашим родом».
Молвил витязь: «Положила ты конец моим невзгодам,
Ибо радостные вести здесь узнал я мимоходом».

Проливая слезы счастья, он воскликнул: «Вседержитель!
Ты мне в скорби утешитель и от горя избавитель!
Ты, которого не узрит и не выразит мыслитель,
Даровал свою мне милость, посетив мою обитель!»

Так хвалил и славил бога юный витязь, но Фатьма,
Истомленная желаньем, ревновала без ума.
Хоть и сдержан был любовник и почтителен весьма,
Пав на грудь, его лобзала эта женщина сама.

В эту ночь она на ложе счастье полное вкусила,
Хоть, по правде, неохотны были ласки Автандила.
Тайным трепетом печали Тинатин его томила,
Обезумевшее сердце, словно зверь, в лесу бродило.

Слезы тайные точил он, изнывая от позора.
Плыл агатовый кораблик сквозь чернильные озера.
«Соловей, считал я розу утешительницей взора,
Но в разлуке, став вороной, ныне сел на кучу сора».

Сквозь агатовые рощи слезы он точил ручьем,
Растопить могли бы камни на пути они своем.
Но Фатьма торжествовала, с милым будучи вдвоем:
Рядом с розой и ворона хочет щелкать соловьем.

На рассвете солнце мира совершило омовенье.
Поднесла ему хозяйка дорогое подношенье —
Плащ, чалму, наряд богатый, благовонные куренья:
«Выбирай себе, что хочешь! Наряжайся без стесненья!»

Автандил же солнцеликий, сердцем преданный надежде,
Снял купеческое платье и оделся так, как прежде.
В этот день он появился в дорогой своей одежде.
Лев подобен стал светилу, не барышнику-невежде.

В этот день Фатьма роскошный приготовила обед.
Видит: гость идет в покои, славным витязем одет.
Удивилась, что торговец нарядился, как спаспет:
«Тем, кто здесь пленен тобою, ты сулишь немало бед!»

Как она ни восхищалась видом гостя молодого,
Солнцеликий этот витязь не ответил ей ни слова,
Лишь смеялся он, заметив, сколь хозяйка бестолкова...
Чтоб спасти от смерти друга, он не знал пути иного!

После трапезы расстались, и, испив из чаши винной,
Он заснул в своем покое, полон радости невинной.
Ввечеру проснулось солнце, свет рассыпав над долиной,
И Фатьме сказать велело: «Приходи в мой сад пустынный!»

И Фатьма к нему явилась и пред ним склонилась ниц:
«Ты мое похитил сердце, мой убийца из убийц!»
Но велел ей сесть поближе этот витязь, светлолиц,
И на садик роз упала тень от хижины ресниц.

«О Фатьма,— сказал ей витязь,— то, что я тебе открою,
Может быть, тебя ужалит подколодною змеею,
Ибо ты еще не знаешь, кто беседует с тобою...
Лес агатовых деревьев, лес ресниц владеет мною!

Не торговец я заезжий, не начальник каравана,
Я — великий полководец государя Ростевана.
Рать моя неисчислима и его достойна сана.
Кроме рати, мне подвластны арсенал и зарадхана.

Ныне я с тобой, как с другом, без утайки говорю.
Дочь царя похожа ликом на небесную зарю.
Лишь о ней воспоминая, я пылаю и горю,
По ее скитаясь воле, не служу теперь царю.

По желанию царицы в дальний путь я ныне еду
За девицей, о которой ты вела со мной беседу.
Бледный лев, ее любимый, по ее скитаясь следу,
Уж отчаялся, и гибнет, и не верует в победу.

О Фатьма, не понапрасну повествую эту быль я,
Как одетый в шкуру тигра терпит горя изобилье!
Ты должна помочь герою, чтобы он, собрав усилья,
Поднял вновь свои ресницы, словно вороновы крылья!

Помоги, Фатьма, миджнуру, ибо ты ему бальзам!
Может быть, светила эти сочетать удастся нам!
Благодарные потомки воздадут нам по делам,
А влюбленные разделят радость жизни пополам.

Приведи раба скорее, я пошлю его в Каджети,
Пусть колдун плененной деве про дела расскажет эти.
Дева нам помочь сумеет — мы нуждаемся в совете,
Мы хотим, чтоб этих каджей больше не было на свете».

«Славен бог! — Фатьма сказала.— Этой вестью
животворной
Исцелил меня ты ныне от печали непритворной!»
За рабом она послала. Тот пришел, как ворон, черный.
И послал его немедля Автандил к твердыне горной.

Он сказал: «Коль ты и вправду чародей, а не хвастун,
Потуши мое горнило ради двух прекрасных лун!
«Наступил,— скажи ты деве,— избавления канун!»
«Все, что надобно, исполню!»— отвечал ему колдун.

ПОСЛАНИЕ ФАТЬМЫ К НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Вот письмо жены Усена: «Солнце мира! Свет вселенной!
Весь народ скорбит и плачет о тебе, царевне пленной!
Ты нас голосом чаруешь и красою несравненной,
Сочетавшийся с кристаллом дивный камень драгоценный!

Ты сказать мне не хотела о судьбе твоей постылой,
Но узнала я всю правду, и опять полна я силой.
Дай же весточку миджнуру, чтоб воспрянул он, унылый.
Будет он твоею розой, ты ж ему — фиалкой милой.

Прибыл брат его названый из Аравии ко мне.
Автандил, могучий витязь, он велик в своей стране.
Полководец Ростевана, он прославлен на войне.
Получить хотим мы вести о тебе, моей луне.

Ты с гонцом моим искусным сообщи нам, бога ради,
Возвратилась ли царица, сколько душ в ее отряде,
Велико ли ополченье у ворот и на ограде,
Кто начальствует над стражей при тебе, моей отраде.

Все, что знаешь ты, светило, напиши нам без пристрастья
И пошли в письме миджнуру знак любови и участья.
Пусть послужат испытанья для тебя залогом счастья!
Если мне творец поможет, не позволю вам пропасть я!»

И Фатьма раба немедля в край послала отдаленный:
«Передай посланье это нашей девушке плененной!»
И колдун натерся мазью чародейною, зеленой.
И над крышами помчался, словно призрак окрыленный.

Словно пущенный из лука, улетел он вдаль стрелою
И достиг ворот Каджети, лишь поля покрылись мглою.
И прошел он сквозь ворота, не замеченный толпою,
И принес посланье деве, сочиненное Фатьмою.

Сквозь закрытые ворота в башню девы он проник
И вошел, натертый зельем, волосат и чернолик.
И царевне показалось: не с добром пришел старик.
И шафраном стала роза, и осыпался цветник.

Но сказал пришлец царевне: «О небесное созданье!
Раб Фатьмы, к тебе я послан госпожою на свиданье.
Правду слов моих смиренных подтвердит ее посланье.
Скоро вновь осветит розу долгожданное сиянье!»

Удивленная царевна глаз миндалины открыла,
И агаты задрожали над зеницами светила.
Отдал раб посланье деве, и она его схватила,
И, вздыхая, прочитала, и слезами окропила.

«Что за гость,— она спросила,— мой разыскивает след?
И кого еще тревожит, есть я в мире или нет?»
«Я открою то, что знаю,— чародей сказал в ответ,—
С той поры, как ты исчезла, потускнел над нами свет.

С той поры, как ты исчезла, мы с Фатьмой копьем пробиты,
Госпожа моя не видит, где искать себе защиты.
Посчастливилось узнать мне, как живешь от нас вдали ты,
И, увы, не просыхают с той поры ее ланиты.

Ныне прибыл некий витязь, и Фатьма, его устроя,
Рассказала, как ты дева, стала жертвою разбоя.
Этот витязь — твой искатель, человек с рукой героя.
Посетить твою темницу постарался для него я».

«Ты, пришлец,— сказала дева,— мне не кажешься лгуном.
Но откуда вы узнали о несчастии моем?
Верно, жив еще доселе тот, кто жжет меня огнем!
Напишу Фатьме посланье я, скорбящая о нем».

ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ФАТЬМЕ

«Ты, Фатьма-хатун, дана мне вместо матери судьбою!
Посмотри, что хочет сделать этот мир с своей рабою!
В довершенье к прежним бедам он подверг меня разбою.
Лишь теперь, письмо читая, я утешена тобою!

Ты спасла меня когда-то от врагов моих. Однако
В руки каджей я попала, погоняя аргамака.
На меня одну отныне ополчилось царство мрака.
Где искать мне утешенья иль спасительного знака?

О других моих несчастьях что могу я написать?
Дулардухт еще в отъезде, с ней кудесники и знать.
Стережет меня в неволе многочисленная рать,
Как спасти меня отсюда — бесполезно и гадать!

Зря томится мой искатель, по лицу земли гонимый,
Зря он ездит вслед за мною, лютым пламенем палимый!
Но завидую ему я: с ним встречался мой любимый,
Без кого отныне стала жизнь моя невыносимой!

До сих пор с тобой об этом говорить я не хотела —
И сказать я не умела, и сама себя жалела.
Но теперь я умоляю: извести ты Тариэла,
Чтобы он сюда не ездил из далекого предела.

Не хочу я новой муки, мне довольно униженья!
Я умру двойною смертью, коль умрет он в день сраженья.
Нет мне более спасенья, это помню каждый день я.
Если милый не поверит, да побьют меня каменья!

Пишешь ты, что знак любови я послать ему должна.
Шлю ему кусок вуали, тяжкой горести полна.
Та вуаль отбита милым у хатавов, и она,
Всюду странствуя со мною, как судьба моя, черна!»

ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

Лишь теперь она к миджнуру начала писать посланье,
И слова ее доселе причиняют нам страданье...
Слезы пленницы тушили лютой горести пыланье,
Сквозь разорванную розу жемчуг лил свое сиянье.

«О мой милый! Эти строки я рукой моей чертила.
Стан мой сделался тростинкой, превратилась скорбь в чернила.
Два несчастных наших сердца я в одно соединила
И на нем, как на бумаге, эти буквы выводила.

Посмотри на мир, мой витязь, что он делает со мной!
Мудрецы земли недаром нарекли его тюрьмой.
Сколько б солнце ни сияло, жизнь моя покрыта мглой.
Как я только не погибла, разлученная с тобой!

Мир и время нас с тобою оторвали друг от друга.
Уж давно тебя, мой милый, я не вижу в час досуга.
Острием копья пробито, сердце страждет от недуга,
Постарайся же постигнуть, как скорбит твоя подруга.

Жив ли ты, о мой любимый, я не ведала доселе,
У меня же, мне казалось, не осталось жизни в теле.
Но прославила я бога, услыхав о Тариэле,
И одним мерилом стала мерить горе и веселье.

Возвратил ты мне надежду тем, что сам не изнемог,
Хоть израненное сердце сожжено огнем тревог...
Вспоминай меня в разлуке, нелюдим и одинок.
Знай, любовь к тебе, мой витязь, я лелею, как цветок.

Как сумею рассказать я о былой моей печали?
Удивится каждый смертный, но поверит мне едва ли.
Хоть Фатьма от двух злодеев и спасла меня вначале,
Но теперь для сердца снова дни тяжелые настали.

Мир страданьями моими не насытился доныне.
Снова он великой мукой досадил своей рабыне:
В руки каджей я попала, проезжая по пустыне,—
Нам судьба не пожалела даже этой благостыни!

В башне я сижу высокой вдалеке от всех людей,
И ведет лишь ход подземный к келье каменной моей.
Днем и ночью злые стражи у моих стоят дверей.
Тот, кто с каджами сразится, погибает от огней.

Каджи — люди не простые, умереть от них — не диво.
Если ты погибнешь в битве, прискакав нетерпеливо,
Я сгорю, подобно труту, что сгорает от огнива!
Будь же, витязь, крепок сердцем и живи один счастливо.

О, не думай, мой любимый, что достанусь я другому!
Если нет тебя со мною, я чужда всему земному.
Лучше нож вонзить мне в сердце, погруженное в истому,
Или броситься в ущелье, чем достаться каджу злому.

Я клянусь великим солнцем, что верна тебе луна,
Даже трем светилам неба не достанется она!
Если в пропасть гор высоких я низринусь из окна,
Помолись, чтоб крылья неба душу подняли со дна!

Помолись, мой милый, богу, чтоб послал он мне спасенье!
Со стихиями земными тяжко мне соединенье.
Воспарив на легких крыльях, я постигну обновленье,
Днем и ночью буду видеть солнца дивное горенье.

Без тебя не светит солнце, ибо ты — его частица!
Зодиак его любимый, ты обязан с солнцем слиться!
Я в лучах тебя увижу — сердце светом озарится!
Горько было жить на свете — сладко с жизнью распроститься!

Душу я тебе вручила, умереть не страшно мне.
Жар любви твоей сокрыла я в сердечной глубине.
Лишь припомнив о разлуке, снова я горю в огне.
Обо мне не плачь, любимый, в чужедальней стороне!

Лучше в Индию, мой витязь, отправляйся ты с полками.
Там беспомощный отец мой окружен теперь врагами.
Ты утешь его, больного,— он скорбит в разлуке с нами.
Вспоминай меня, царевну, орошенную слезами.

Долго я себя жалела, но теперь излишни пени.
Знай: идет от сердца к сердцу правда искренних стремлений.
Скоро будет каркать ворон близ моей могильной сени.
Жизнь моя, увы, достойна слез твоих и сожалений!

Так как ты, о мой любимый, для меня теперь воскрес,
Шлю тебе кусок вуали — это чудо из чудес.
Горе мне! Надежды призрак навсегда от нас исчез,
Повернулось к нам с угрозой колесо семи небес!»

И окончила посланье дева, полная печали,
И отрезала на память лоскуток своей вуали.
И открытые для взора косы деву украшали,
Благовонием алоэ крылья ворона дышали.

Чародей из Гуланшаро полетел назад стрелою
И, исполнив порученье, дома встречен был Фатьмою.
Автандил, его увидев, был обрадован судьбою,
И воздел он руки к небу с благодарственной мольбою.

Он сказал Фатьме: «Посланец просьбу выполнил мою.
Что тебе я дам в награду за отзывчивость твою?
Ныне я, Фатьма, обязан в чужедальнем быть краю,
Привести того, кто каджей разобьет в честном бою».

«Лев,— Фатьма ему сказала,— с каждым днем горю я боле.
Сердце с солнцем расстается, как ему не ведать боли?
Но спеши скорей к миджнуру, о моей не сетуй доле:
Если каджи возвратятся, не бывать луне на воле».

Подозвав рабов Фридона, витязь им сказал: «Отныне
Возродился я для жизни, пребывающей в кручине.
Я узнал все то, что нужно, и теперь моей дружине
Покажу, как истребляют супостатов в их твердыне.

Передайте вы Фридону эту радостную весть,
Я же к другу поспешаю, как велят мне долг и честь.
Пусть Фридон дружину кличет, призывая всех, кто есть.
Вы ж возьмите столько злата, сколько каждый может
снесть.

Эти деньги за отвагу — недостаточная плата,
Но коль я вернусь к Фридону, награжу я вас богато.
Забирайте то, что в море я отбил от супостата!
Не скупец я, но сегодня не имею больше злата».

В земли чуждые заброшен и от дома отдален,
Тем рабам корабль богатый подарил за службу он.
«Возвращайтесь,— приказал он,— ожидает вас Фридон.
Вы письмо ему отдайте и свезите мой поклон».

ПОСЛАНИЕ АВТАНДИЛА К ФРИДОНУ

Он писал: «Фридон счастливый, царь царей, владыка края,
Юный лев, подобный солнцу, к нам ниспосланный из рая!
Государь, от чьей десницы кровь врагов струится злая!
Младший брат твой, издалече я пишу, к тебе взывая.

За невзгоды и лишенья ныне, к радости великой,
Бог воздал мне полной мерой, а не малою толикой:
Достоверные я вести получил о солнцеликой —
Той царевне, о которой страждет лев в пустыне дикой.

У правительницы каджей солнцеликая в плену.
Без особых затруднений мы проникнем в ту страну.
Там с нарциссов дождь хрустальный льет, и юную луну
Многочисленные стражи стерегут в ночи одну.

Я возрадовался сердцем и забыл о горьком плаче,
Ибо ты и брат твой старший разрешите все задачи.
Что бы вы ни затевали, вам сопутствуют удачи.
Даже горы перед вами отступают, не иначе.

Я к тебе не заезжаю, и за это не взыщи ты,
Я спешу затем, что дева остается без защиты.
Мы приедем с Тариэлом лобызать твои ланиты,
И коль ты поможешь брату, будут недруги разбиты!

Я не мог в достойной мере отплатить твоим рабам,
Ведь они со мной делили скорбь и радость пополам.
Но взращенные тобою равнодушны к похвалам.
«Сходный сходное рождает»,— мудрецы вещают нам».

Витязь свиток запечатал и вручил охране ратной,
И прислужников Фридона в путь отправил он обратный.
Приоткрыв уста-кораллы, где светился жемчуг скатный,
Рассказать велел он брату о судьбе своей превратной.

Отыскав себе галеру и велев поднять ветрило,
Снова двинулось в дорогу луноликое светило.
Но Фатьме-хатун расстаться нелегко с героем было.
Вместе с ней Усен и слуги провожали Автандила.

Плача горькими слезами, говорил народ ему:
«Ты сожгло нас, о светило, непостижное уму!
Отчего же, уезжая, ты на нас наводишь тьму,
Зарываешь нас в могилу по желанью своему?»

ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА ИЗ ГУЛАНШАРО И ВСТРЕЧА ЕГО С ТАРИЭЛОМ

Переехав через море на попутной той галере,
Автандил с веселым сердцем поскакал верхом к пещере.
Торопясь на помощь к другу, был он счастлив в полной мере,
И, вздымая к небу руки, по своей молился вере.

Наступало время лета, трав весенних прозябанья.
В доме Рака восседало солнце, полное сиянья.
Уж цвели повсюду розы, приближая миг свиданья,
И вздыхал над ними витязь, погружен в воспоминанья.

Небо вешнее гремело, ночью падала роса.
Розой уст лобзал он розу, проезжая сквозь леса.
Он шептал ей: «Вместо девы лишь тебя, моя краса,
В собеседницы сегодня мне послали небеса!»

Витязь, друга вспоминая, много видел бедствий новых.
По дороге к Тариэлу он блуждал в местах суровых,
И в пустынях он скитался, и в неведомых дубровах,
Убивал он львов и тигров в диких чащах тростниковых.

Увидав вдали пещеру, он сказал: «Мой друг любимый
Здесь живет вдали от мира, лютым пламенем палимый.
Мой рассказ его излечит от болезни нестерпимой.
Если ж нет его на месте, что я сделаю, гонимый?

Здесь, в пещере, без сомненья, он бывает только миг,
Он в степи обычно рыщет, словно зверь, угрюм и дик.
Лучше мне объехать поле, где колышется тростник!»
И копя направил витязь к тем трущобам напрямик.

Он скакал туда, и сердце ликовало в нем и пело,
Громко кликал он собрата, чтоб свое поведать дело.
Наконец, подъехав ближе, он увидел Тариэла.
Тот стоял у края чащи, и лицо его горело.

Перед ним, сраженный насмерть, лев виднелся бездыханный,
Обагряла меч героя кровь, исторгнутая раной.
Услыхав в степи далекой окрик витязя нежданный,
Тариэл забыл мгновенно о своей потехе бранной.

Поспешил он встретить гостя, и, исполнив свой обет,
Слез с коня пред ним соперник звезд небесных и планет.
И опять скрестили выи тот страдалец и спаспет.
И, открывшись, роза розе слала сладостный привет.

Благозвучны и красивы были сетованья брата:
«Без тебя в багрец окрасил я ресницы из агата,
Без тебя поил слезами я алоэ в час заката,
Но с тобой я забываю, что душа тоской объята!»

И в ответ на эти речи вкруг отверстого коралла
Автандилова улыбка, словно молния, сверкала:
«Не с худой я прибыл вестью! Я хочу, чтоб засияла
И воскресла наша роза — та, что раньше увядала!»

«Брат,— миджнур ему промолвил,— мне достаточно того,
Что, приехав, облегчил ты тяжесть горя моего.
Пусть, скитаясь на чужбине, не узнал ты ничего,—
Если нет от бога счастья, не найти и нам его!»

Недоверчивости друга Автандил не стал дивиться,
Но с известием о деве он решил поторопиться.
Вынул он вуаль царевны, дал ей медленно развиться,
И страдалец к той вуали не замедлил устремиться.

Он схватил ее, расправил, и увидел в ней посланье,
И, прижав его к ланитам, пал на землю без сознанья.
По сравненью с этим горем недостойны описанья
Саламоновы печали и Каисовы страданья.

В этот миг, когда, как мертвый, распростерся Тариэл,
Автандил к нему на помощь, словно птица, подлетел.
Но не мог он, как ни бился, облегчить его удел:
Дар царевны солнцеликой жизнью друга овладел.

Автандил сладкоголосый зарыдал: беда пришла!
Стаю воронов согнал он — кудри черные с чела.
Расколол уста-рубины взмах алмазного жезла,
Кровь коралловым потоком по ланитам потекла.

Он терзал свои ланиты, умирая от испуга:
«Что наделал я, безумец! Я убил сегодня друга!
Разве можно столь поспешно заливать огонь недуга?
Неожиданная радость — человеку не услуга.

Погубила побратима слишком радостная весть!
Поспешил я, неразумный, не обдумал все как есть...
Из беды глупец не может выход правильный обресть.
В жизни надобно терпенье, а не спешку предпочесть».

Тариэл лежал безмолвно, как застигнутый кончиной,
И воды не видно было в этой местности пустынной.
Автандил, блуждая взглядом, снова труп заметил львиный,
И на грудь больного друга брызнул кровью он звериной.

И ко льву вернулась сила, кровью львиною согрета.
Задрожали над очами стрелы траурного цвета.
Тариэл открыл зеницы и увидел вновь спаспета.
Луч луны казался синим в блеске солнечного света.

Розам смерть несут зимою и морозы и ветра.
Летом, в засуху, на солнце убивает их жара.
И хотя весной над ними соловьи поют с утра,
Ни зимой нельзя, ни летом от судьбы им ждать добра.

Человек, подобно розе, обделен своей судьбою.
Ведь ни в радости, ни в горе не в ладу он сам с собою.
Весь израненный, разбитый, вечно занят он борьбою...
Недруг тот себе, кто миру доверяет всей душою!

Тариэл читал посланье той, что жизнь его разбила.
Речь ее томила сердце и с ума его сводила.
Перед витязем сквозь слезы мерк туманный луч светила.
И великая досада охватила Автандила.

Он сказал: «Коль ты разумен, отчего не рад письму?
Не к лицу счастливцу слезы! Счастье выпало ему!
Встань, пойдем поищем солнце, заключенное в тюрьму,
Я сведу тебя к светилу дорогому твоему.

Ныне мы должны покончить с безутешными слезами
И к твердыне злобных каджей проложить дорогу сами.
Пусть одни мечи стальные служат нам проводниками.
Мы сюда еще вернемся, если справимся с врагами».

И тогда миджнур, воспрянув, понял, что вокруг творится,
И в очах его блеснула черно-белая зарница.
Как рубин на ярком солнце, снова начал он светиться.
Милосердна к человеку всемогущая десница!

Прочитав посланье девы, он прославил пришлеца:
«Чем воздам тебе, достойный восхвалений мудреца!
Ты поишь цветок долины, утешаешь ты сердца,
Осушаешь ты нарциссы истомленного лица!

Отплатить тебе достойно не сумею никогда я.
Пусть хранит тебя создатель, за любовь вознаграждая!»
Братья двинулись к пещере, и рабыня молодая
Наконец вкусила счастья, по утехам голодая.

Дева, сидя близ пещеры, не совсем была одета.
Вдруг бедняжка увидала амирбара и спаспета.
Оба пели соловьями, что поют в начале лета.
И рабыню испугала радость пламенная эта.

До сих пор миджнур являлся, проливая реки слез,—
Ныне пел он, и смеялся, и не рвал своих волос.
И Асмат была не в силах ни один задать вопрос
И, как пьяная, гадала, что с собою он принес.

И улыбка побратимов перед нею засветилась.
«О Асмат! — вскричали братья.— Снизошла к нам божья милость!
Обрели мы в этом мире то, к чему душа стремилась!
Наш огонь теперь погаснет: горе в радость превратилось!»

Автандил сошел на землю и, счастливый, обнял деву,
И она его лобзала, прислонясь к алоэ-древу,
И твердила, удивляясь непривычному напеву:
«Отчего поешь ты, витязь, не внимая божью гневу?»

И письмо луны плененной, побледневшей от утрат,
Показал с улыбкой витязь недогадливой Асмат:
«Вот что пишет Тариэлу претерпевшая стократ!
Скоро дивное светило возвратится к нам назад».

Увидав знакомый почерк госпожи своей гонимой,
Громко вскрикнула рабыня и, подобно одержимой,
Затряслась, как в лихорадке, и сказала: «Брат любимый,
Неужели это правда — твой рассказ непостижимый?»

Автандил сказал: «Не бойся, справедливо это дело!
Снова к нам явилось счастье, а несчастье отлетело,
Встало солнце над землею, бездна мрака просветлела,
Зло убито добротою, доброте же нет предела!»

И Асмат и царь индийцев, слыша эти чудеса,
Обнимались и сливали воедино голоса.
С перьев ворона на розы снова капала роса...
Тех, кто помощи достоин, не покинут небеса!

Простирая к небу руки, все твердили в умиленье:
«Не беду нам бог готовил, но от скорби исцеленье!»
И вошли друзья в пещеру, забывая утомленье,
И рабыня им, голодным, предложила угощенье.

И промолвил витязь гостю: «Поделюсь с тобою тайной,
Ибо друг тебе я верный и рассказчик не случайный.
С той поры, как завладел я этой дикою окрайной,
Перешел ко мне от дэвов некий клад необычайный.

Я его еще не видел, разгромив своих врагов,
Но теперь с тобою вместе осмотреть его готов».
И друзья, позвав рабыню и не тратя лишних слов,
Сорок входов отворили в сорок дальних тайников.

Помещенья эти были переполнены казною.
Самоцветы там лежали, кучей свалены сплошною.
Много было там жемчужин с крупный мяч величиною.
Кто несчитанное злато оценить бы мог ценою!

Но в палате для оружья было редкостей поболе,
И, вступив в нее, два брата удивились поневоле:
Там покоились доспехи, словно овощи в засоле,
И стоял ковчег чудесный, запечатанный дотоле.

И была на крышке надпись: «Здесь, врагу наперекор,
Острый меч лежит басрийский и военный весь убор.
Дэвы витязей каджетских отобьют от этих гор,
Но убьет царя, кто крышку приподнимет до тех пор».

Тариэл приподнял крышку. В ложах, сделанных из лала,
Там бесценное оружье, словно молния, сверкало:
Три меча и три кольчуги, три шелома, три забрала —
То, в чем быть на поле битвы трем героям надлежало.

И когда они оделись, сразу выяснила проба,
Что невиданным оружьем одарила их трущоба:
Словно тонкую бумагу, сталь они рубили оба.
А ведь меч дороже жизни ценят витязи до гроба!

«Славный знак! — сказали братья.— Видно, бог, увидев нас,
Ниспослал нам эту милость и помог на этот раз».
И чудесные доспехи братья вынесли тотчас
И оружие Фридону захватили про запас.

Отобрав пригоршню перлов, чтоб на всю хватило братью,
Побратимы сорок входов опечатали печатью.
Гость сказал: «С моей ладонью меч мой сросся рукоятью.
Завтра выедем в дорогу, чтоб сразиться с вражьей ратью».

ОТЪЕЗД ВИТЯЗЕЙ К ФРИДОНУ

Утром братья в край Фридона степью двинулись глухою,
И везли они рабыню, посадив ее с собою.
Там купец коня им продал, соблазнен большой ценою.
Автандил без провожатых вел дорогой их степною.

Скоро путники столкнулись с пастухами Нурадина.
Табуном царя Фридона занята была долина.
Тариэл сказал спаспету: «Шутка добрая невинна,
Не напасть ли нам на стадо, чтоб потешить властелина?

Нурадин о том узнает и пошлет за нами рать,
Чтоб отбить коней обратно и виновных покарать,
Но, увидев нас с тобою, станет весел он опять,
И гордец, с которым шутят, добродушным может стать!»

И помчались побратимы по зеленым этим нивам.
Пастухи схватили факел, искру высекли огнивом.
«Кто идет?— они вскричали.— Стыд воякам нечестивым!
Нурадин — наш повелитель! Быть теперь без головы вам!»

Услыхав пастушьи вопли, братья выхватили луки.
Громче прежнего вскричали пастухи, ломая руки:
«Помогите! Помогите! Гибнем мы, царевы слуги!»
И народ на эти крики собрался со всей округи.

Нурадин, вооружившись, в поле выехал верхом,
И войска, перекликаясь, оцепили степь кругом,
И увидел царь два солнца, но забрало и шелом
Укрывали незнакомцев, учиняющих погром.

Тариэл узнал Фридона: «Вон он — тот, который нужен!»
Снял он шлем и засмеялся, открывая ряд жемчужин.
«Для чего ты, царь, примчался, караульными разбужен?
Чем соперничать с друзьями, пригласил бы нас на ужин!»

Слез Фридон с коня и низко поклонился им обоим,
И они, раскрыв объятья, поздоровались с героем.
И прославил витязь бога, ниспославшего добро им,
И лобзали их вельможи, окружив веселым роем.

«Отчего вы задержались? — обратился витязь к ним.—
Уж давно я ожидаю, одиночеством томим!»
И поехали два солнца вместе с месяцем своим
В славный город Нурадина, провожаемые им.

Дом его в Мульгазанзаре отличался дивным видом.
Сел хозяин с Автандилом, побратимом именитым.
Царский трон для Тариэла был украшен аксамитом.
И оружие Фридону побратимы поднесли там.

«Здесь,— они ему сказали,— кроме этого булата,
Ничего мы не имеем, хоть у нас довольно злата».
Отвечал с поклоном витязь: «Если б каждого собрата
Одарить я мог дарами столь же пышно и богато!»

После пира и купанья, как предписывал закон,
Утомленные скитальцы погрузились в крепкий сон.
Утром каждый был наряжен в пурпур, злато и виссон,
И большую чашу перлов подарил им царь Фридон.

«Речь моя,— сказал он братьям,— речь хозяина плохого,
Словно вас, как сумасбродов, я лишить желаю крова.
Но пора уж нам в дорогу, если все у нас готово.
Каджи, в крепость возвратившись, повстречают нас сурово.

Многочисленного войска брать с собою нам не надо.
Триста всадников довольно для отборного отряда.
Мы клинки свои заправим и, лишь кончится осада,
Отобьем у супостатов ту, чей стан — души отрада.

Был я в крепости Каджети. Неприступная, она
Цепью скал непроходимых от врагов ограждена.
Если скрытно не пробраться, там немыслима война.
Оттого и рать большая нам сегодня не нужна».

Побратимы с Нурадином заключили соглашенье
И, оставив там рабыню, собрались без промедленья.
Триста всадников отважных повели они в сраженье.
Будет праздновать победу претерпевший огорченье!

Братья, море переехав, продвигались по пустыне.
День и ночь они спешили, не давая спать дружине.
Но сказал Фридон однажды: «Приближаемся к твердыне.
Можно будет только ночью путешествовать отныне».

С той поры они внимали лишь Фридоновым советам —
Ночью быстро продвигались и кончали путь с рассветом.
И возник пред ними город, неприступный по приметам,
Где конца не видно было стражам, в панцири одетым.

Десять тысяч храбрых стражей там стояло у ворот.
Восходил над башней месяц, освещая небосвод.
«Здесь, в горах,— решили братья,— битву выиграет тот,
Кто, имея сто героев, опрокинет десять сот».

СОВЕТ ВИТЯЗЕЙ У КРЕПОСТИ КАДЖЕТИ

Нурадин сказал героям: «Велика моя забота:
Никому такую крепость невозможно взять с налета.
Нас же так ничтожно мало, что и хвастать нет расчета.
Тут хоть сотню лет сражайся, не откроются ворота.

В детстве, силу развивая, был я славным акробатом,
Перепрыгивал канавы, ловко бегал по канатам,
Обучался я уловкам и скачкам замысловатым.
Подражали мне, бывало, все, кто видели меня там.

На уступ соседней башни кто забросит мой аркан?
Перебравшись по аркану, спрыгну я во вражий стан.
Я пройду, как по тропинке, и ворвусь, как ураган,
Чтоб увидели в твердыне умирающих от ран.

Щит и меч таща с собою, я пройду вооруженным,
Я, как вихрь, ворвусь внезапно к этим стражам
пораженным,
Я открою вам ворота, лишь разделаюсь с заслоном,
Вы ж, заслышав шум и крики, поспешите за Фридоном».

Автандил сказал Фридону: «Ты в сраженье не впервые,
Знаем мы твой норов львиный, помним раны боевые.
От твоих советов мудрых у врагов ярмо на вые.
Но взгляни, как близко к башне ходят эти часовые!

Если в воздухе внезапно заскрежещет твой доспех,
Вскочит стража и веревку перережет раньше всех.
Понапрасну ты погибнешь, коль случится этот грех!
Хоть совет твой и отважен, но сомнителен успех.

Будет правильнее, братья, оставаться вам в засаде!
Здесь купцов не обижают, здесь торговцы не в накладе,
Потому пойду я в крепость как купец, в простом наряде,
А оружие на мула приспособлю в виде клади.

Если мы втроем подступим, не укрыться нам от каджей,
Я ж, купец, пройду спокойно, занят куплей и продажей.
Там надену я доспехи и рассею этих стражей.
Дай-то бог в потоке крови затопить мне город вражий!

Те, кто в крепости засели, не доставят мне хлопот.
Вам останется ударить, осадив наружный вход.
Чтобы вы попали в крепость, я собью замки с ворот.
Кто придумал лучший способ, пусть его откроет тот».

Тариэл сказал им: «Братья! Два достойные героя!
Дали вы мне два совета, планы доблестные строя.
Вы не зря махать мечами собрались в разгаре боя.
Бить злодеев вместе с вами ныне жажду оттого я.

Но и мне вы дайте дело. Ведь, заслышав шум, девица
Поглядит с вершины башни, словно солнце, светлолица.
Как посмею, не сражаясь, я потом за ней явиться?
Опозорюсь я навеки, коль с врагом не буду биться!

Мой совет удачней ваших и достоин храбрецов:
Мы разделим на три сотни наших верных удальцов.
Лишь заря займется в небе, к трем воротам с трех концов
Подлетим мы и с собою приведем своих бойцов.

Стражи выйдут к нам навстречу, но сражаться нам не внове.
От ворот мы их отрежем, так как будем наготове.
Кто ворвется в крепость первый, пусть прольет потоки
крови.
Быть решительным в сраженье — это первое условье».

Нурадин сказал со смехом: «Понял я, что это значит!
Он моим конем владеет и быстрее всех доскачет!
Знал бы я, что он в Каджети нас, несчастных, одурачит,
Поскупился б на подарок, посмотрел бы, как он плачет!»

Нурадин шутил с друзьями, и за этим разговором
Веселились побратимы и смеялись дружным хором.
Так они договорились и, сверкающие взором,
Перед битвой грудь покрыли металлическим убором.

Знали трое полководцев по примеру прежних дней:
Предложенье Тариэла и удачней и верней.
Поделив свою дружину, чтоб сражаться вместе с ней,
Взяли витязи по шлему и воссели на коней.

ВЗЯТИЕ КАДЖЕТИ И ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Видел этих я героев, лучезарных, как светило.
От семи планет небесных к ним сиянье нисходило.
Вороной под Тариэлом в нетерпенье грыз удило.
Как сердца они сжигали, так оружье их грозило.

Этих витязей отважных с горным я сравню потоком:
После яростного ливня мчит в ущелье он глубоком,
И ревет он, и грохочет, и, уже незримый оком,
Успокоенный, смолкает только на море широком.

Хоть соперников не знали ни Фридон, ни Автандил,—
Состязаться с Тариэлом не хватало братьям сил,
Ибо солнце затмевает даже яркий свет светил...
Вот рассказ о том, как витязь вражье племя истребил.

Поле битвы побратимы поделили меж собою.
Каждый воин в их отряде уподобился герою.
Ночью, выставив дозорных, предались они покою,
Но с рассветом появились, щит имея под рукою.

Словно путники простые, братья ехали вначале.
Караульные в воротах без опаски их встречали:
Ничего не замечали, лишь стояли да скучали.
Вдруг надели братья шлемы и вперед, как вихрь, помчали.

В скакуна вонзая шпоры, под веселый свист кнута
Каждый бросился к воротам под прикрытием щита.
Стража пала бездыханной, не успев закрыть врата.
Бил набат, ревели трубы, начиналась суета.

И решил творец покончить с этой крепостью бесчестной:
Отвратил свой лик от солнца Кронос, злобствуя над бездной,
Опрокинул он на землю колесо и свод небесный,
И повергнутые трупы полегли в долине тесной.

Мощный голос Тариэла заставлял терять сознанье.
Витязь рвал мечом кольчуги, рушил латы, одеянья.
С трех сторон ворвавшись в город, где творились злодеянья,
Братья яростно рубились, очищая эти зданья.

С полководцем Автандилом скоро встретился Фридон.
Враг был смят и уничтожен, кровь текла со всех сторон.
Но, оглядываясь, думал каждый витязь, поражен:
«Что случилось с Тариэлом? Почему не виден он?»

И встревоженные братья к третьим бросились воротам,
Но в живых от целой стражи не осталось никого там.
Десять тысяч там злодеев облились кровавым потом,
Вал разбитого оружья не давал пройти к высотам.

Полегли, как от недуга, в этом месте супостаты —
У того в крови кольчуга, у того в обломках латы,
С петель сорваны ворота, опрокинуты и смяты...
«Узнаем,— сказали братья,— чьи здесь руки виноваты!»

Поднялись они на башню и увидели: луна,
Устремившаяся к солнцу, от дракона спасена.
Тариэл стоял без шлема, в косы куталась она,
Грудь к груди была прижата, шея с шеей сплетена.

Обнимались, целовались, прижимали лалы к лалам.
Так Муштар, сияя в небе, обнимается с Зуалом...
На заре оттенок розы снова делается алым,—
Пусть и к ним вернется радость, злополучным и усталым!

Разойтись была не в силах эта пара, светлолица.
Розы губ, припав друг к другу, не могли разъединиться.
Наконец они очнулись — юный витязь и девица,
И царевне два героя поспешили поклониться.

И счастливая царевна обняла, ликуя, их,
Благородных и бесстрашных избавителей своих,
И от ласкового слова гнев их яростный утих,
И беседовали с ними там невеста и жених.

И приветствовали братья станом стройного собрата
И друг друга поздравляли с одоленьем супостата.
Полегли в бою злодеи и исчезли без возврата,
Ибо львов они страшились, словно малые козлята.

Но когда узнали братья, что от верной их дружины
После боя уцелело чуть побольше половины,—
Перебили тех, кто скрылся за уступами теснины,
И великие богатства повезли домой с чужбины.

На три тысячи животных — вьючных мулов и верблюдов—
Был погружен крупный жемчуг из подвалов и сосудов.
Было много там рубинов и граненых изумрудов...
Дева села в паланкине, всю фатой себя закутав.

Шестьдесят оставив стражей в той твердыне у дверей,
Повезли они царевну в славный град царя морей.
«Хоть длинна туда дорога,— говорили братья ей,—
Мы Фатьму лишить не можем благодарности своей!»

ПРИБЫТИЕ ТАРИЭЛА К ЦАРЮ МОРЕЙ

Прибыл вестник в Гуланшаро и привез царю посланье:
«Тариэл, гроза неверных, я свершил свое желанье.
Вывел я из стен Каджети солнце, полное сиянья,
И к тебе, подобно сыну, нынче еду на свиданье.

Царь! Разбив в сраженье каджей и владея их страною,
Одному тебе обязан я победою такою,
Ибо ранее царевна спасена была Фатьмою...
Чем воздам тебе я нынче, осчастливленный тобою?

Выйди, царь, ко мне навстречу: ныне я в твоем краю.
Я тебе все царство каджей, благодарный, отдаю.
Укрепи же их твердыню, защищай ее в бою.
Я же с милою невестой еду в вотчину свою.

От меня скажи Усену, чтоб прислал свою супругу.
Пусть она ко мне приедет и обрадует подругу.
Не она ль нам оказала столь великую услугу?
Ждет ее мое светило, озарившее округу!»

Царь морей, приняв посланца и услышав эти речи,
Удивленья и восторга скрыть не мог в простосердечье.
Он хвалил и славил бога за успех каджетской сечи
И с великою поклажей поспешил на место встречи.

Он решил сыграть их свадьбу и, исполненный забот,
Взял с собой добра немало в этот свадебный поход.
Десять дней они с Фатьмою бодро ехали вперед,
Чтоб увидеть льва и солнце, восхитившее народ.

Братья спешились при встрече, поздоровались с владыкой,
И владыка целовал их с благодарностью великой.
Поздравлял он Тариэла, беглеца пустыни дикой,
И, взирая на царевну, любовался солнцеликой.

И Фатьма при виде девы, возвратившейся из плена,
Обняла ее, рыдая, целовала ей колена.
«Слава богу, тьма исчезла,— говорила ей смиренно,—
Зло мгновенно в этом мире, доброта же неизменна!»

Обняла Фатьму царевна и сказала ей она:
«Пожалел создатель сердце, пробудил его от сна!
Раньше я была ущербна, ныне радостью полна,
Как оттаявшая роза, снова солнцем спасена».

В благодарность за Каджети царь в течение недели
Пировал на этой свадьбе, сам участвуя в веселье.
Много роздал он подарков — дивных кубков, ожерелий,
По червонцам там ходили и под ноги не глядели.

Горы шелка там лежали и атлас, царем даренный.
Увенчал гостей владыка гиацинтовой короной.
Оценить подарок этот не сумел бы и ученый,
Тариэлу же вдобавок трон поставлен был червонный.

Государь поднес невесте одеянье, и на нем
Бадахшанские рубины рдели пурпурным огнем.
Дева молнией светилась, сидя с юношей вдвоем,
И дивились им вельможи, приезжая на прием.

Автандилу и Фридону царь того морского края
Подарил по иноходцу, по заслугам воздавая.
Были им даны и седла, и одежда дорогая.
«Благодарствуй, царь великий!» — братья молвили,
вставая.

Тариэл же к государю обратился со словами:
«Рады мы, что ты, владыка, здесь пируешь вместе с нами.
Одарил ты нас сегодня драгоценными дарами!
Хорошо, что я заехал навестить тебя с друзьями».

«Лев достойный и властитель!— отозвался царь морей.—
Ты печалишь нас разлукой, тешишь близостью своей!
Неужели дар мой скудный равен доблести твоей?
Тяжко мне с тобой расстаться, наилучший из людей!»

Витязь речи вел с Фатьмою, как с названою сестрою:
«В неоплатном, в небывалом я долгу перед тобою!
Ныне все богатства каджей, привезенные с собою,
Я дарю тебе, сестрице, мне ниспосланной судьбою!»

И Фатьма пред ним колени, благодарная, склонила:
«Без тебя я, повелитель, сожжена огнем светила!
Ты лишил меня рассудка, погрузил меня в горнило!
Счастье — взысканным тобою, а покинутым — могила!»

И царю морей сказала новобрачная чета,
Чью кристальную улыбку льют жемчужные уста:
«Без тебя, о царь, свирели умолкают неспроста,
Но, увы, пора вернуться нам в родимые места.

Ты отец наш и наставник, наша жизнь и упованье!
Дай же нам корабль, владыка! Окажи благодеянье!»
Царь ответил: «Я исполню ваше каждое желанье,—
Что еще могу я сделать, коль настало расставанье?»

Судно быстро снарядили и наполнили добром,
И отъехал славный витязь на богатом судне том.
Провожавшие рыдали, били в темя кулаком,
И от слез Фатьмы вздувалось море синее кругом.

ПРИБЫТИЕ ТАРИЭЛА В ЦАРСТВО ФРИДОНА

Переплыли через море братья, верные обету,
И в дороге подтвердили клятву дружескую эту.
Смех и пенье услаждали их, блуждающих по свету.
Разливался блеск жемчужин по кристаллу-самоцвету.

И с дороги некий вестник послан был к Асмат-рабыне,
Чтоб сказать девице этой и Фридоновой дружине:
«Вот грядет светило наше, восседая в паланкине!
Погибавшие от стужи, мы не сетуем отныне!»

Вдоль по берегу морскому братья тронулись верхом
И, как дети, веселились, вспоминая о былом.
Наконец страна Фридона показалась за холмом,
Где приветственное пенье раздавалось, словно гром.

Повстречали их вельможи посреди большого луга,
И Асмат, обняв царевну, исцелилась от недуга.
Не смогла бы и секира оторвать их друг от друга!
Верной службой послужила деве царственной подруга!

И твердила ей царевна, челядинку обнимая:
«Всю тебя я истомила! Горе мне, моя родная!
Ныне бог послал нам милость, о печалях наших зная.
За твое большое сердце чем воздать тебе должна я?»

Та сказала: «Нашу розу не засыпали снега,
И сокрытое открылось нам, спасенным от врага:
Возвращенная к веселью, ты, как жизнь, мне дорога!
Средь друзей всего достойней повелитель и слуга!»

Низко кланяясь, вельможи говорили в восхищенье:
«Мы должны прославить бога за его благоволенье.
Возвратил он вас с победой, даровал нам утешенье.
Сам он ранит наше сердце, сам приносит исцеленье!»

Подходили эти люди, руки братьям целовали.
Царь сказал: «Собратья ваши ради нас в сраженье пали,—
Вместо прежних упований и земной своей печали
Приобщились к вечной жизни и стократ блаженны стали.

И хотя по тем убитым пролил я потоки слез,
Души их творец вселенной в кущи райские вознес!»
Царь заплакал, безутешный, и с ресниц дохнул мороз,
И, мешая дождь со снегом, заморозил купу роз.

Увидав царя в печали, зарыдали и вельможи
И оплакивать убитых принялись усердно тоже.
Но потом они сказали: «На светила вы похожи,
Так неужто нам стенанья всякой радости дороже?

Кто достоин в этом мире ваших горестных рыданий?
Смерть за вас, герои наши, лучше жизненных скитаний!»
И Фридон сказал собрату: «Здесь не место для стенаний!
Бог тебе готовит радость вместо этих испытаний!»

И когда погибшим в битве Автандил вознес хвалу,
Все решили: «Пусть улыбка разольется по челу!
Так как лев обрел светило и пресек дорогу злу,
Мы оплакивать не будем то, что кануло во мглу!»

И тогда великий праздник наступил в Мульгазанзаре.
Барабаны и кимвалы пели песнь о государе.
Горожане и торговцы шли навстречу юной паре,
Так что всякая торговля прекратилась на базаре.

Были улицы забиты многочисленной толпою,
Впереди стояла стража длинной цепью круговою.
Больше всех ей досаждали те, кто шли со всей семьею,
Ибо все они стремились заглянуть в лицо герою.

У дворца царя Фридона братья кончили поход.
В поясах своих червонных челядь стала у ворот.
По ковру, бросая деньги, гости двинулись вперед,
И ловил червонцы эти торжествующий народ.

СВАДЬБА ТАРИЭЛА И НЕСТАН-ДАРЕДЖАН, УСТРОЕННАЯ ЦАРЕМ НУРАДИН-ФРИДОНОМ

Пышный трон, бело-пурпурный, изукрашенный Фридоном,
Весь в каменьях красно-желтых, возвели молодоженам.
Желтый трон для Автандила посредине был черненым.
Двор собрался, и герои по своим расселись тронам.

И явились сладкопевцы и свои запели гимны,
И друзьям шелков немало царь поднес гостеприимный,
И отпраздновал он свадьбу ради их любви взаимной,
И пленяла приглашенных красота царевны дивной.

Девять перлов драгоценных царь поднес им в честь побед.
Каждый был с яйцо гусыни и струил туманный свет.
Но зато подобен солнцу был там некий самоцвет,—
С этим светочем художник ночью мог писать портрет.

Дорогим молодоженам, приглашая их на ужин,
Царь поднес по ожерелью из рубинов и жемчужин.
Автандилу дал он блюдо в знак того, что с ним он дружен.
Чтоб внести такое блюдо, был немалый навык нужен.

Был насыпан крупный жемчуг на огромном блюде этом.
Царь поднес его герою с поздравленьем и приветом.
Там ковры и аксамиты отличались дивным цветом.
Благодарность Тариэла на дары была ответом.

Восемь дней, играя свадьбу, веселилась вся страна.
Ежедневно новобрачным подносила дар казна.
Били бубны и кимвалы, арфы пели дотемна.
Как достался витязь деве, так и витязю — она.

Как-то раз сказал Фридону Тариэл такое слово:
«Мне любой из вас, герои, ближе брата дорогого.
Чтоб воздать вам по заслугам, сердце все отдать готово,
Ибо, вами исцеленный, я вернулся к жизни снова.

Есть ли что прекрасней жертвы, принесенной Автандилом?
Оказать спаспету помощь нам с тобой теперь по силам.
Ты сходи к нему, разведай, как нам быть с собратом милым?
Потушив мое горнило, он сожжен своим горнилом!

От меня спроси ты брата: «Как избыть твою беду?
Богом посланную с неба, ты свою получишь мзду,
Но коль я тебя забуду и на помощь не приду,
Пусть нигде себе приюта я, бездомный, не найду.

Чем тебе помочь я должен, верным будучи собратом?
Я в Аравию с тобою рад, коль надо, ехать сватом.
Где словами, где мечами, все устроим мы дела там.
Не женив тебя на деве, не хочу я быть женатым!»

Лишь дошло до Автандила предложенье Тариэла,
Безграничная веселость Автандилом овладела.
«Для чего мне эта помощь? — он воскликнул.— В чем тут дело?
Ведь луна моя от каджей бед пока не претерпела.

Ведь она по божьей воле занимает свой престол,
Почитается народом, никаких не знает зол,
Ни один колдун на свете козней ей пока не плел.
Почему ж ты с этим делом, милый друг, ко мне пришел?

Лишь когда творец исполнит все свои предначертанья
И пошлет мне утешенье за минувшие страданья,—
Лишь тогда я вновь увижу солнце, полное сиянья...
До тех пор, увы, напрасны будут все мои метанья.

Вот что должен Тариэлу я сказать по доброй воле:
«Я похвал твоих не стою, царь, рожденный на престоле!
С материнской я утробы предназначен рабской доле,
Пусть же я останусь прахом, не займешь ты трон доколе!

Ты сказал: «Желаю справить свадьбу славную твою!»
Голос любящего сердца в этом слове узнаю!
Но ни меч, ни красноречье не помогут в том краю,
Где послал мне бог царицу солнцеликую мою!

Лучше ждать решенья свыше, чтоб душа не унывала!
Но тебе индийским троном овладеть пора настала,
Чтоб с тобой твое светило, словно молния, блистало,
Чтоб, рассеянный тобою, враг бежал куда попало.

В день, когда осуществятся эти наши замышленья,
Я в Аравию, мой витязь, возвращусь без промедленья.
Там, коль солнце пожелает, я уйму огонь томленья.
Ни к чему иному больше не имею я стремленья».

И когда о том услышал от Фридона Тариэл,
Он сказал: «Не с колдунами я сражаться захотел.
Так же как источник счастья возвратить он мне сумел,
Ныне я отдам все сердце ради этих важных дел.

Передай ему все это и скажи: «Воитель славный,
На меня давно в обиде воспитатель твой державный.
Много слуг его когда-то я убил в борьбе неравной.
Я хочу просить прощенья за поступок своенравный».

Ты скажи: «Со мною больше не веди переговоров.
Завтра двинусь я в дорогу, мне не нужно долгих сборов.
Царь Аравии забудет для меня упрямый норов
И меня, как свата, встретит без упреков и раздоров».

С этим словом к Автандилу Нурадин пришел опять.
Он сказал: «Решилось дело. Поздно споры затевать».
И хотя спаспета стала боль души одолевать,
Уважения к владыке он не мог позабывать.

Он явился к Тариэлу, и склонил пред ним колени,
И, поднять очей не в силах, говорил ему в волненье:
«Грешен я пред Ростеваном, не свершил его велений,—
Не зови меня с собою ради новых преступлений!

Если мы туда поедем, взяв с собою Нурадина,
Никому я не позволю нападать на властелина!
Уж и так пред государем голова моя повинна!
Разве смеет раб ничтожный меч поднять на господина!

Между мною и царицей вы посеете раздор.
Горе мне, коль то светило потускнеет с этих пор!
Оттолкнет меня царица, позабудет уговор,
Не простит, не пожалеет, всем мольбам наперекор!»

Тариэл, светило мира, поднял брата со словами:
«Ты помог мне в затрудненье и советом и делами.
Ныне мы познали счастье, но, разделавшись с врагами,
Ты и сам обязан ныне утешаться вместе с нами.

Не могу хвалить я друга, если он со мной чинится,
Слезы льет в уединенье, убивается, томится...
Кто меня считает братом, должен мне во всем открыться,
Если ж нет, то нам обоим лучше будет разлучиться.

Овладел ты сердцем девы и меня от смерти спас.
Вряд ли дева огорчится, если вдруг увидит нас.
Задавать царю загадки я не буду в этот раз,—
У меня одно желанье: позаботиться о вас.

Буду я молить владыку, чтоб, радея о престоле,
Он тебе свое светило уступил по доброй воле.
Нужно вам соединиться, для чего страдать вам боле?
Украшать друг друга нужно, а не вянуть в диком поле!»

Увидав, что не отступит от решенья Тариэл,
Автандил противоречить побратиму не посмел.
Нурадин собрал охрану, счел ее и осмотрел
И с любимыми друзьями в дальний двинулся предел.

ТАРИЭЛ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ПЕЩЕРЕ И ВИДИТ СВОИ СОКРОВИЩА

Мудрый Дивнос человека учит тайне сокровенной:
«Нам добро ниспосылает, а не зло творец вселенной.
Он добру отводит вечность, злу дает он срок мгновенный.
Он стремится к совершенству, сам от века совершенный».

Львы, покинув край Фридона, шли в веселье небывалом.
Новобрачная скрывалась под дорожным покрывалом.
Крылья ворона, чернея, колыхались над кристаллом,
И казалось то светило бадахшанским дивным лалом.

В паланкине ту царевну проносили средь долин.
Братья тешились охотой, окружая паланкин.
Где б они ни проходили, каждый встречный селянин
Торопился к ним с дарами, созерцая тот рубин.

И казалось всем прохожим, что высоко над землею
Три луны сопровождают солнце стражею тройною.
Наконец они достигли диких скал, где над рекою
Витязь жил в своей пещере, опекаемый сестрою.

Тариэл сказал собратьям: «Вот она, моя округа!
Здесь я странствовал и плакал, умирая от недуга.
Пусть же здесь нехитрый ужин соберет Асмат-подруга
И любой из вас получит дар от преданного друга!»

Братья слезли у пещеры, и устроили привал,
И оленины поели, отдыхая возле скал.
Вспоминая о минувшем, каждый витязь ликовал,
И хвалил, и славил бога, столь достойного похвал.

Обошли они пещеры, опечатанные братом,
И опять они немало обнаружили добра там.
Кто считал свои богатства, обладая этим златом?
Попадая в те пещеры, каждый делался богатым!

Много роздал там сокровищ Тариэл непобедимый,
Награжден был каждый воин, Нурадином предводимый.
Никого не позабыл он, путешествуя с любимой,
Но нетронутым казался клад его неисчислимый!

И сказал Фридону витязь: «Я должник твой, милый брат!
Но на свете добродетель возмещается стократ.
Потому тебе в подарок отдаю я этот клад,
Увези его с собою как награду из наград».

С благодарностью ответил витязь брату дорогому:
«Ты меня, как видно, хочешь уподобить скопидому!
Даже тех, кто крепче дуба, ты ломаешь, как солому!
Буду счастлив я, покуда твоему служу я дому!»

Чтобы выслали верблюдов, он послал домой известье
И сокровища пещеры перевез в свое поместье.
И тогда в страну арабов братья выехали вместе:
Автандил, ущербный месяц, к молодой спешил невесте.

В некий день они достигли Аравийской стороны,
Где повсюду были села или крепости видны.
В синих траурных одеждах, по заветам старины,
Люди бегством Автандила были там огорчены.

Прибыл вестник Тариэла и предстал пред Ростеваном:
«Благоденствуй, о владыка, в ликованье непрестанном!
Ныне я к тебе явился — царь, рожденный Индостаном,—
Чтоб бутон прекрасной розы возвратить тебе сохранным.

Я, твой прах, при первой встрече неприветлив был с тобою,
Но и ты напрасно вздумал поскакать вослед за мною.
Не сдержав своей досады, я расправился с толпою,
И рабов твоих немало распростилось с головою.

Ныне прибыл я, владыка, после многих трудных лет,
Чтоб молить тебя усердно о забвенье этих бед.
Подтвердят Фридон и стража, что даров со мною нет,
Лишь один со мной подарок — твой возлюбленный спасnет».

В день, когда к царю явился вестник этих сообщений,
Царь возрадовался духом и заплакал в восхищенье,
И с ресниц на лик царевны опустились стрелы теней,
И краса ее рубинов стала втрое совершенней.

Загремели барабаны, взволновалась вся столица,
Вышли воины на площадь, чтоб навстречу устремиться.
Выносили седла, сбрую, запрягал коней возница,
Храбрых витязей проворных потянулась вереница.

Сел и царь на иноходца, и по знаку воевод
Войско двинулось навстречу из распахнутых ворот.
И хвалил и славил бога весь собравшийся народ:
«Лишь добро одно бессмертно, зло подолгу не живет!»

И когда заметно стало приближенье каравана,
Автандил сказал собрату, опечалившись нежданно:
«Посмотри, как в туче пыли степь далекая туманна!
Там горит мое горнило, пламенея непрестанно!

Там мой царь и воспитатель. Он спешит к тебе навстречу.
Я идти с тобой не в силах, ибо что ему отвечу?
Кто, как я, себя унизил, честь утратив человечью?
Без меня вам надо встретить государя мудрой речью!»

Тариэл сказал: «Похвально почитание царя!
Оставайся же на месте, не ходи со мною зря.
Я добьюсь его согласья, и, сиянием горя,
Станет витязю женою та небесная заря».

Был шатер для Автандила на лугу разбит зеленом,
И Нестан в шатре осталась вместе с братом нареченным.
Вздох ресниц ее казался легким ветром благовонным.
Тариэл, простившись с нею, дальше двинулся с Фридоном.

И воскликнул царь арабов, проезжая по долинам:
«Тариэл, прекрасный станом, шлет приветствие вдали
нам!»
И, подъехав, поклонился властелину с сердцем львиным,
Обошелся он с индийцем, как отец с любезным сыном.

И пред ним склонился витязь, посетивший те места.
Целовал его владыка, чтоб порадовать уста.
Говорил он Тариэлу, удивляясь неспроста:
«Ты как солнце над землею! Без тебя и жизнь пуста!»

И проворство рук героя, и краса его, и сила —
Все в нем старого владыку привлекало и дивило.
Похвалил он и Фридона, но ему печально было,
Что среди гостей приезжих он не видел Автандила.

Увидав, что царь печален, Тариэл промолвил слово:
«Царь, тебе повиноваться сердце путника готово.
Но дивлюсь я, как ты можешь возносить меня, чужого?
Разве можно быть милее Автандила молодого?

Не дивись, что появиться было брату недосуг.
Лучше сядь со мной, владыка. Как прекрасен этот луг!
Я сказать тебе осмелюсь, почему не прибыл друг,
И просить о нем я буду ради всех его заслуг».

Сели рядом два владыки. Окружили их отряды.
Свет блеснул в очах героя, как мерцание лампады.
Тот, кто видел Тариэла, не искал другой отрады.
Речь его была достойна и вниманья и награды.

«Царь,— сказал он Ростевану,— не гневись на слово это,
Но пришел к тебе я ныне ради славного спаспета,
Умоляет этот витязь, чье лицо светлее света,
Чтобы ты его прошенье не оставил без ответа.

Оба мы к тебе взываем, о светило из светил!
Сообразно разуменья дал мне счастье Автандил!
Он возлюбленную деву ради друга позабыл!
Чтоб о том распространяться, недостанет наших сил!

Царь, давно друг друга любят этот витязь и девица!
Вижу я, как он в разлуке и тоскует и томится!
Я молю, склонив колена: дай им счастьем насладиться!
Пусть ему женою будет солнцеликая царица!

Ничего прибавить больше к этой речи я не смею...»
Тут платок расправил витязь, повязал петлей на шею,
И упал он на колени с дивной просьбою своею...
Тот, кто слышал эту просьбу, был смущен немало ею.

Увидав царя индийцев распростертого в ногах,
Ростеван и сам склонился со слезами на глазах.
Он сказал: «Принес ты радость, но ее развеял в прах,
Ибо эти униженья на меня наводят страх.

Разве может не исполнить человек твое желанье?
Для тебя я дочь родную свел бы даже на закланье,
Я б ее в рабыни отдал, будь на это приказанье...
Автандил же — зять, достойный и любви и почитанья.

Разве кто другой на свете мне понравиться сумеет?
Царство дочери я отдал, им она теперь владеет.
Юный цвет произрастает, старый сохнет и желтеет...
Как могу я ей перечить, коль она любовь лелеет?

Я ее, коль ты прикажешь, выдам даже за раба!
Лишь безумного не тронет столь великая мольба!
Но отверг бы я спаспета, будь любовь моя слаба!
Говорю, как перед богом: такова ее судьба!»

Тариэл, владыка индов, услыхав такое слово,
С благодарностью великой поклонился старцу снова.
Царь ему ответил тем же. Ради гостя дорогого
Он забыл свои печали и не хмурился сурово.

Нурадин с веселой вестью поскакал за братом милым.
Новость радостную эту встретил он с великим пылом.
Скоро он на место встречи возвратился с Автандилом,
Но смущенный этот витязь смутным выглядел светилом.

Он предстал пред государем, и в томлении поник,
И платком закрыть пытался беспокойный бледный лик.
Солнце, спрятавшись за тучу, затуманило цветник,
Но отнять красу у розы не сумело ни на миг.

Царь хотел обнять героя, но в печали и смущенье
Витязь, лик не поднимая, целовал его колени.
«Встань! — сказал ему владыка.— Ты отважен был в сраженье!
Не смущайся, я не буду обвинять тебя в измене!»

Обнял царь его великий, целовал его ланиты,
Говорил: «Живой водою потушил мои огни ты!
Так пойдем же, лев, к светилу, где агат с агатом слиты!
Я сведу вас воедино, не лишу своей защиты!»

Лев, обласканный владыкой, исцелился от забот.
Сидя рядом с Ростеваном, он вкусил его щедрот.
Был жены он и престола удостоен в этот год.
Только тот оценит радость, кто печаль переживет!

И сказал владыке витязь: «Кончив дело непростое,
Отчего ты, царь, не хочешь встретить солнце золотое?
Отведи ее в чертоги, посели в своем покое,
Пусть дворец в ее сиянье лучезарней станет вдвое!»

Взяв с собою Тариэла, все к царевне поскакали,
И ланиты голиафов, словно солнце, просияли:
Всех побед достигли братья, получили, что искали,
И мечи не понапрасну бедра их отягощали.

Увидав вдали царевну, государь сошел с седла.
Ослепил его внезапно дивный свет ее чела.
Дева, сидя в паланкине, старца радостно ждала,
И сказал ей царь великий, позабыв про все дела:

«Свет пресветлый, не сравнимый ни с кристаллом, ни с алмазом!
Не напрасно пред тобою мудрецы теряют разум!
Посреди светил небесных ты — луна и солнце разом!
Увидав тебя, на розы не взгляну я больше глазом!»

Любовались все арабы светозарной той зарницей,
Всем очам она сияла благодатною денницей.
Люди счастье находили в созерцанье светлолицей
И, узнав ее, спешили вслед за нею вереницей.

И повез ее с собою престарелый царь-отец
И в семи планетах неба находил ей образец.
Но красу ее постигнуть не сумел бы и мудрец.
И явились в город гости и вступили во дворец.

И явилась перед ними Тинатин, надежда трона.
Были ей к лицу порфира, царский скипетр и корона.
На гостей она взглянула, словно солнце с небосклона:
Тариэл, владыка индов, к ней приехал для поклона.

С молодой своей женою поклонился он трикраты.
Повели они беседу, светлой радостью объяты.
Лучезарным их сияньем осветились все палаты.
Стали ликами рубины и ресницами агаты.

Но когда им трон воздвигла эта лучшая из дев,
Молвил витязь: «Ты приводишь судию судей во гнев!
Будь сама царицей нашей, на престоле этом сев!
Пусть сильнейший между львами с солнцем солнц воссядет лев!»

Усадил царицу витязь на престоле том старинном,
И велел он Автандилу с нею сесть под балдахином.
Кто, подобно им, на свете пламенел огнем единым?
Не могли б сравниться с ними даже Вис с ее Рамином!

И смутилась эта дева, увидав героя рядом,
Побледнела и взглянула на отца пытливым взглядом.
«Не страшись! — сказал родитель.— Мудрецы вещают чадам:
«Возлюбившие друг друга все дела кончают ладом».

Дай вам бог удачи, дети, чтобы с этого вы дня
Благоденствовали вместе, доблесть царскую храня!
Будьте верными, как небо, вечно полное огня,
И своими вы руками положите в гроб меня».

Указав на Автандила, царь сказал своей дружине:
«Вот ваш царь. По воле божьей он царит в моей твердыне.
Утвердив его на троне, я готов теперь к кончине.
Так же, как вы мне служили, и ему служите ныне!»

И ответила дружина, преклоняясь пред царями:
«Мы, цари, лишь пыль земная, возвеличенная вами!
Благосклонные к покорным, непреклонные с врагами,
Доблесть нашу и отвагу умножаете вы сами!»

И к царице царь индийский обратился с похвалой:
«Возвращен тебе твой витязь и огонь потушен твой.
Твой супруг — мой брат названый, будь и ты моей сестрой!
Посрамлю я всех неверных, кто нарушит твой покой!»

СВАДЬБА АВТАНДИЛА И ТИНАТИН, УСТРОЕННАЯ ЦАРЕМ АРАБОВ

В этот день на царском троне величали Автандила.
Тариэлу нежность сердца украшением служила.
Тинатин с Нестан сидела, и толпа о них твердила,
Что сошли с небес на землю два сияющих светила.

Чтоб дружинников насытить, принесли там хлеба, соли,
И немало там баранов и коров перекололи.
Раздавали там подарки сообразно царской воле,
И цари, подобно солнцу, там сияли на престоле.

Был там дивного чекана каждый свадебный бокал,
Гиацинтовые чаши, кубки — выдолбленный лал.
Ты, увидев эту свадьбу, сам бы сердцу приказал:
«Погуляй с гостями, сердце! Не спеши покинуть зал!»

И гремели там кимвалы, и по воле властелина
Сто фонтанов источали удивительные вина,
И сияли там созвездья бадахшанского рубина,
И гуляла там до света Ростеванова дружина.

Не остался без подарка ни хромой там, ни увечный.
Рассыпали там горстями дивный жемчуг безупречный.
Набивали там карманы каждый встречный-поперечный...
Дружкой был у Автандила Тариэл добросердечный.

Ночь прошла, и на рассвете Тариэлу, выбрав срок,
Царь промолвил: «Вы с царицей озарили мой чертог!
Вы — владыки над царями, мы — рабы у ваших ног:
Их следы напоминают блеск невольничьих серег.

Восседать нам вместе с вами, царь великий, не годится!»
И престол на возвышенье был поставлен для индийца.
Автандил воссел пониже, рядом — юная царица.
Дар, врученный Тариэлу, и с горой не мог сравниться!

Царь их потчевал, как равных, по законам царской чести,
Подходил с своим бокалом то к герою, то к невесте,
За свои благодеянья был хвалим без всякой лести...
Царь Фридон близ Автандила восседал на царском месте.

И индийского владыку, и владычицу сердец,
Словно зятя и невестку, одарил старик отец.
Малой доли тех подарков сосчитать не мог мудрец.
Был там скипетр, и порфира, и рубиновый венец.

Соответствовали сану эти дивные подарки:
Самоцветы из Романьи сходны с яйцами цесарки,
Перлы крупные, как сливы, многочисленны и ярки,
Кони рослые, как горы,— скакуны, не перестарки.

Девять полных блюд Фридону царь насыпал жемчугами,
Девять редких иноходцев отдал вместе с чепраками...
Отвечал владыка индов благодарными словами
И вполне казался трезвым, хоть немало пил с друзьями.

Лишних слов не буду тратить: день за днем летели дни.
Целый месяц с Тариэлом пировали там они.
Царь дарил владыке индов лалы дивные одни,
И горели эти лалы, как небесные огни.

Тариэл сиял, как роза, но, прервав увеселенья,
С Автандилом государю он послал уведомленье:
«Был бы рад с тобой, владыка, развлекаться каждый день я,
Но боюсь, что край индийский враг пожрет без промедленья.

Чтоб тебя не огорчала ни одна моя утрата,
Должен знаньем и искусством я низвергнуть супостата.
Ныне я спешу в отчизну, покидаю я собрата,
Но надеюсь вас увидеть после скорого возврата!»

«Не смущайся! — царь ответил, ожиданьям вопреки.—
Делай то, что нужно делать, коль враги недалеки.
Автандил тебе на помощь поведет свои полки.
Бей коварных супостатов, разрывай их на куски!»

Автандил сказал миджнуру о решении царевом.
Тот ответил: «Спрячь свой жемчуг под рубиновым покровом!
Как ты можешь, поженившись, распроститься с мирным кровом!»
Но ему собрат любимый возразил шутливым словом:

«Ты, я вижу, уезжаешь, чтоб потом злословить друга:
«Он в беде меня оставил! Для него милей супруга!»
Я же буду здесь томиться, погасив огонь недуга.
Нет! Покинуть побратима — невеликая заслуга!»

Смех веселый Тариэла рассыпался, как кристалл.
Он сказал: «И я б в разлуке горевать не перестал!
Торопись же, если хочешь, и не жди моих похвал!»
И дружинам аравийским царь собраться приказал.

Он не мешкал и составил свой отряд в престольном граде.
Ровно восемьдесят тысяч было всадников в отряде,
Все в доспехах хорезмийских и воинственном наряде.
Царь-отец, увидев это, приуныл разлуки ради.

С грудью грудь и с шеей шею на прощание сливая,
Там сестру свою царица провожала молодая.
Дав друг другу слово клятвы, обнялись они, рыдая,
И народ на них дивился, со всего собравшись края.

Вместе с утренней звездою и луна горит с утра,
Но сестру потом бросает бледноликая сестра.
Коль они не разойдутся, небо скажет им: пора!
Чтобы их увидеть вместе, будь высоким, как гора.

Точно так же тот, кто создал и земные два светила,
Отведет их друг от друга, как бы им ни трудно было.
Розы, слитые в лобзанье, вновь судьба разъединила.
Тем, кто с ними разлучался, оставалась лишь могила!

«Если б мы,— Нестан сказала,— здесь не встретились с тобою,
Никогда бы и разлуку не считала я бедою.
Не забудь, пиши мне письма, если я вниманья стою!
Как сгораю по тебе я, так и ты томись тоскою!»

«О пленительное солнце! — Тинатин сказала ей.—
Как могу я отказаться от тебя, сестры моей!
Без тебя просить о смерти буду я царя царей!
Сколько слез я потеряю, столько ты процарствуй дней!»

Так расстались две царицы, столь счастливые дотоле.
Та, что дома оставалась, вдаль смотрела поневоле.
Оборачивалась к дому та, что выехала в поле...
Я не мог из тех страданий описать десятой доли!

Провожая побратимов, убивался царь могучий.
«Горе мне!» — твердил владыка, трепеща от скорби жгучей.
Видно, сердце в нем кипело, как котел кипит кипучий!
Тариэл был хмур, как солнце, занавешенное тучей.

Старый царь, прощаясь с гостем, поминутно говорил:
«Сладким кажешься виденьем ты, светило из светил!
В двадцать раз я стал печальней, потеряв остаток сил.
Сам меня вернул ты к жизни, сам теперь и погубил!»

Витязь сел на вороного, опечаленный немало.
Стража, вышедшая в поле, дол слезами орошала.
«Близ тебя,— она твердила,— даже солнце темным стало!»
Он в ответ: «Мои страданья тяжелей страданий Сала!»

Так они в поход пустились, и под стягом Тариэла
Автандил с царем Фридоном войском правили умело,
С ними восемьдесят тысяч шли в неведомое дело,
И сердца их там друг другу были преданы всецело.

Славных витязей подобных в мире нет уже давно!
Спорить встречным-поперечным было с ними мудрено.
На привалах эти братья расстилали полотно
И не сыворотку пили, а как водится — вино!

СВАДЬБА ТАРИЭЛА И НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Позвала детей царица, руки их соединила
И на трон земли индийской в царском зале посадила.
Исстрадавшееся сердце новой силой укрепила,
Позабыв свои печали, светлой радости вкусила.

На высоком царском троне Тариэл воссел с женою,
Оба равные друг другу и любимые страною.
Кто сумел бы в полной мере возвеличить их хвалою?
Кто из всех сынов Адама спорил с ними красотою?

Семь престолов Индостана, все отцовские владенья,
Получили здесь супруги, утолив свои стремленья.
Наконец они, страдальцы, позабыли про мученья:
Только тот оценит радость, кто познает огорченья.

Даже солнце ликовало, отражаясь в тех героях!
Люди били здесь в литавры, громыхали на гобоях.
Принесли ключи хранилищ и, собравшись в тех покоях,—
«Вот наш царь с своей царицей»,— говорили про обоих.

На отдельных сели тронах там Фридон и Автандил.
Хор вельмож, представ пред ними, их деяния хвалил.
Бог подобных им героев на земле не сотворил,
И любой из них о прошлом там с гостями говорил.

Пили, ели, круг придворных становился больше, шире,
Свадьбу радостно справляли, как справляют свадьбы в мире.
Драгоценные подарки получили все четыре.
Много нищих вспоминает о великом этом пире.

Ублажали их индийцы, как спасителей народа:
«Возродились мы для жизни после вашего прихода!»
Был любой из них прославлен, как герой и воевода,
И всегда толпа придворных ожидала их у входа.

И тогда владыка индов объявил Асмат-рабыне:
«Верной службой ты служила нам с царицею в пустыне!
Из семи моих престолов дам тебе один отныне,
Будь на нем такой же верной, как в пещере на чужбине.

Управляя этим царством, позаботься и о муже,
Послужи нам верной службой, став счастливою к тому же!»
Но Асмат упала в ноги: «Есть ли что на свете хуже,
Чем покинуть вас с царицей и о вас томиться вчуже!

В Индостане трое братьев проводили день за днем,
Позабавиться охотой удосужились втроем.
Наделен был каждый витязь дивным жемчугом, конем...
Автандил один, тоскуя, вечно думал о своем.

Увидав, что сердце друга вновь охвачено тоскою,
Тариэл сказал: «Я вижу, нелегко тебе со мною!
Семь напастей без супруги увеличил ты восьмою.
Рок, завидуя счастливым, разлучает нас с тобою!»

Царь Фридон за Автандилом стал отпрашиваться следом:
«Путь к земле твоей индийской мне отныне будет ведом.
Можешь мной распоряжаться, как сосед своим соседом.
Я примчусь быстрее лани, чтоб помочь твоим победам!»

И тогда их царь индийский отпустил в обратный путь,
Но напомнил он Фридону: «Возвратись же, не забудь!»
Автандилу же прибавил: «Без тебя изноет грудь!
Как мне быть, коль солнцу мира льва обязан я вернуть!»

Царь в подарок Ростевану слал одежд различных груду,
Из граненых самоцветов драгоценную посуду.
«Отвези,— сказал,— все это, утоли мою причуду!»
«Без тебя,— ответил витязь,— что теперь я делать буду!»

Шубку с ценным покрывалом Дареджан сестре дарила,
И была даров достойна лишь супруга Автандила.
Был на шубке этой камень, весь горящий, как светило,
В темноте его сиянье отовсюду видно было.

Попрощавшись с Тариэлом, удалился верный друг.
Запылал огонь разлуки и в сердцах воспрянул вдруг.
Горько плакали индийцы, слезы падали на луг.
«Яд судьбы,— промолвил витязь,— умножает мой недуг!»

Долго ехали два брата через горные отроги.
Наконец они расстались: расходились их дороги.
Все желанья их свершились, уничтожились тревоги.
Так вернулся царь арабов в Ростевановы чертоги.

Украшение державы, был он встречен там с почетом
И, свое увидев солнце, положил конец заботам.
Вместе с юною царицей возвели на трон его там,
И вознес его корону бог к сияющим высотам.

Были преданы друг другу три державные собрата:
Часто все они встречались, победивши супостата.
Нарушители их воли исчезали без возврата,
И росли их государства вместе с мощью их булата.

Милосердные дела их всюду сыпались, как снег.
Вдов, сирот они кормили, престарелых и калек.
Усмирен был в их владеньях недостойный человек
И на пастбище с козою волк не ссорился вовек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пронеслась их жизнь земная, как ночное сновиденье,
И ушли они из мира — таково его веленье!
Даже тот, кто долговечен, проживет одно мгновенье!
Месх безвестный из Рустави, кончил я мое творенье.

Божеству грузин Давиду, что грядет путем светила,
Чья с восхода до заката на земле известна сила,
Кто для преданных — опора, для изменников — могила,
Написал я эту повесть, чтоб досуг его делила.

Мне ли петь дела Давида, возглашая славу слав?
Я служил ему стихами, эту повесть отыскав.
В ней прославлены владыки многочисленных держав,
Их чудесные деянья и величественный нрав.

Никому на жизнь земную невозможно положиться:
И моргнуть мы не успеем, как она уже промчится.
Для чего ж нам то, что ищем? Подведет судьба-срамница!
Благо тем, кто ладит с нею и кончины не боится!

Мы в стихах Мосэ Хонели Амирана узнаем.
Прочитав «Абдул-Мессию», дань Шавтели воздаем.
Диларгета пел Тмогвели, сожигаемый огнем,
Тариэла — Руставели, горько плачущий о нем.

ПРИМЕЧАНИЯ

До наших дней не дошли не только оригинал «Витязя в тигровой шкуре», но и сколько-нибудь близкая к эпохе его создания рукопись. В этом отношении произведение Руставели разделяет участь большинства классических творений древности и средневековья.

Время наложило свой отпечаток на поэму, на ее языковую ткань, художественное построение. Наряду с отдельными лакунами, как это установлено в настоящее время, в тексте появились позднейшие вставки,— как отдельные строки, так и целые эпизоды.

Восстановление предполагаемого оригинала памятника и его очистка от позднейших наслоений начались уже давно. Первый шаг в этом направлении сделал царь Вахтанг VI. Двести пятьдесят лет назад, в 1712 году, в основанной им грузинской типографии была напечатана поэма Руставели. Фактически это было первое научное издание «Витязя в тигровой шкуре» (editio princeps), выполненное на высоком по тем временам филологическом уровне. Как выяснилось, Вахтанг VI выбрал рукопись, содержащую сравнительно хорошую текстуальную традицию, с учетом других источников и, что главное, по возможности очистил текст от позднейших включений, приблизив тем самым состав поэмы к предполагаемому оригиналу. К своему изданию он приложил комментарии (главным образом лексикографического характера), заложив таким образом основу для научного изучения выдающегося памятника грузинской культуры.

Это издание заметно повлияло на последующие публикации поэмы, число которых достигает в настоящее время пятидесяти.

Большая и серьезная работа по восстановлению текста «Витязя в тигровой шкуре» проводится в последнее время. Однако, несмотря на это,

мы пока еще не располагаем полным академическим изданием поэмы, которое, наряду с научно установленным текстом, будет снабжено необходимым для современной филологической науки текстологическим аппаратом (variae lectiones, apparatus criticus), показаниями специальной литературы и соответствующими параллелями из грузинских и иностранных памятников.

Восстановление текста «Витязя в тигровой шкуре» и подготовка академического издания — одна из сложнейших и в то же время неотложных задач советской грузинской филологии. Последние годы в этом направлении проводится весьма интенсивная работа, сосредоточенная в основном в Комиссии по установлению академического текста «Витязя в тигровой шкуре» при Президиуме Академии наук Груз. ССР.

Известный интерес представляет история иностранных переводов «Витязя в тигровой шкуре». Поэма лишь сравнительно недавно вышла за пределы Грузии (причиной этого были тяжелые исторические условия: окруженная воинственными соседями Грузия в XV—XVIII веках была до некоторой степени оторвана от цивилизованного мира).

Так, например, Европа знакомится с поэмой Руставели только с XIX века, причем весьма поверхностно. В 1802 году в Петербурге выходит книга русского общественного деятеля Евгения Болховитинова «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии». Наряду с кратким обзором грузинской литературы, здесь, естественно, говорится о Шота Руставели и его поэме. В качестве образца первая строфа этой поэмы подстрочно переведена на русский язык.

Кто сотворил твердь силою своею крепкою,
И, осуществовав свыше душу, создал с небеси дуновением,
Дал человекам и землю неисчислимо оразноображенную,
От того суть цари и его суть образ.

Следует отметить, что существовавшие в то время на европейских языках обзоры грузинской литературы опирались большей частью на эту книгу и в качестве образца текста поэмы приводили именно этот перевод.

Уже в двадцатых годах прошлого века парижский журнал «Nouveau Journale Asiatique» публикует серию статей ориенталиста Мари Броссе, который впоследствии стал членом Российской Академии наук и переехал в Петербург. В Париже он начал переводить поэму и опубликовал отрывки. В полном виде его труд не опубликован (он в настоящее время хранится в Ленинградском отделении Института народов Азии). В дальнейшем французские переводы были выполнены известным грузинским литератором XIX века Ионой Меунаргия (в настоящее время считается утерянным), Борэном (был напечатан в Тбилиси в 1885 г.), Е. Орбелиани (не опубликован).

В 1938 году в Париже вышел прозаический перевод Георгия Гвазава и Ани Марсель-Паон («L'Homme à la Peau de Léopard»). Недавно в

Париже был опубликован полный французский перевод грузинского литератора Серги Цуладзе, удостоенный в 1965 году премии имени Ланглуа Французской Академии (перевод выполнен белым стихом, вместо рифм спорадически используются ассонансы).

В XIX веке началась работа над немецким переводом «Витязя в тигровой шкуре». Первая попытка принадлежит писателю Артуру Лейсту, который долгое время жил в Грузии. Крупный отрывок из его перевода был напечатан в 1889 году в Германии. Имеются сведения о том, что в те же годы над немецким переводом работали австрийские писатели супруги Берта и Артур Зуттнеры (в настоящее время текст утерян). Остался также неопубликованным научный перевод на немецкий язык известного ориенталиста Михаила Церетели, один экземпляр которого хранится в Грузии. Полный немецкий стихотворный перевод, выполненный австрийским поэтом Гуго Гуппертом, был издан в Берлине в 1955 году.

В истории иностранных переводов «Витязя в тигровой шкуре» первое место занимает английский прозаический перевод поэтессы Марджори Скотт Уордроп, напечатанный в Лондоне в 1912 году, уже после ее смерти.

В 1968 году вышел в свет первый стихотворный перевод поэмы Руставели на английский язык, выполненный известной грузинской переводчицей Венерой Урушадзе.

В настоящее время «Витязь в тигровой шкуре» приобрел широкую популярность. Поэма Руставели переведена на итальянский, испанский, венгерский, польский, китайский, японский, чешский и другие языки, а также на языки почти всех народов Советского Союза.

Наиболее трудоемкую работу в этой области проделали русские переводчики. Достаточно сказать, что, считая частично опубликованные переводы, в настоящее время существует несколько десятков русских переводов поэмы (см.: П. Б е р к о в, Шота Руставели в русской литературе, Известия АН СССР, Отд. общественных наук, 1938, № 3, стр. 49—81).

В XIX веке, кроме упомянутой попытки Болховитинова, на русский язык были переведены несколько эпизодов «Витязя в тигровой шкуре». Среди них следует отметить отрывки перевода (шестьсот строф), выполненного малоизвестным русским поэтом И. Бартдинским, напечатанные в 1845 году в Петербурге в журнале «Иллюстрация» (№№ 6 и 7). Русскому поэту, не владевшему грузинским языком, большую помощь оказали известный поэт Г. Дадиани (под псевдонимом Г. Колхидели) и работавший в Петербурге профессор Д. Чубинашвили.

В деле перевода «Витязя в тигровой шкуре» на русский язык этапное значение имела работа, проделанная Константином Бальмонтом. Отдельные отрывки поэмы, переводимые поэтом, печатались на протяжении ряда лет, а полный текст был издан, в 1933 году, в Париже, под названием «Носящий барсову шкуру». В дальнейшем перевод Бальмонта неоднократно издавался и в Советском Союзе.

Одним из основных недостатков бальмонтовского перевода следует считать весьма произвольную трактовку поэтической формы, ряд значительных отступлений от оригинала. Переводчик создал скорее поэтический перепев произведения Руставели, нежели его адекватный перевод.

В тридцатых—сороковых годах XX века был опубликован ряд полных русских поэтических переводов: Ш. Нуцубидзе, П. Петренко и Г. Цагарели. В 1966 году издан подстрочный перевод С. Иорданишвили, выполненный еще в 1937 году и заново отредактированный. В свое время он послужил основой для многих русских переводов. Однако полноценный подстрочник, в котором будут учтены все достижения современной науки, пока еще не осуществлен.

Как показало сопоставление перевода Н. Заболоцкого с научно установленным ныне текстом поэмы Руставели, между ними существует расхождения: некоторые строфы оригинала остались не переведенными русским поэтом и, наоборот, ряд переведенных строф, как оказалось, не принадлежит перу Руставели, а представляет собой, видимо, позднейшую интерполяцию (ниже приведен перечень этих строф).

Строфы, ошибочно приписанные Руставели:

Стр. 43.

Если он такой же смертный, человек, как мы с тобою,—
Он со временем найдется. Если ж нет, тогда, не скрою,
Был, как видно, это дьявол, нам ниспосланный судьбою.
Не томи себя печалью, не терзай себя тоскою!

Стр. 80.

Мне пятнадцать лет минуло, царским сыном я считался,
Во дворце у властелина день и ночь я оставался.
Кипарис в садах Эдемских, силой я со львом сравнялся,
Бил без промаха из лука и с друзьями состязался.

Стр. 83.

За оградой изумрудной, в окруженье тополей,
Царь сошел с коня у башни безоаровой своей.
Драгоценная завеса колыхалась у дверей.
В этот день копье печали над душой взвилось моей!

Стр. 334.

Позвала детей царица, руки их соединила
И на трон земли индийской в царском зале посадила.
Исстрадавшееся сердце новой силой укрепила,
Позабыв свои печали, светлой радости вкусила.

Подстрочный перевод строф из поэмы Руставели, не вошедших в русский текст Н. Заболоцкого:

Стр. 42. После строфы «Увидав, что я разгневан, он помчался на коне...»:

Ныне меня удивляет, что это было, что за видение?
Он перебил мое войско, кровь пустил потоком.
Как можно считать существом во плоти того, кто так быстро скрылся из глаз?
Без сомнения, бог отверг меня, доселе счастливого.

Стр. 45. После строфы «Но мрачна была царица под прозрачною фатою...»:

Дева молвила: «Я боюсь рассказать об этом,
Хотела умолчать о том, чего не могу снести.
Но знаешь ли ты, почему тебя пригласили сюда,
Почему я сижу хмурая и печальная, с затуманенным рассудком?»

Стр. 75. После строфы «Ты искать меня пустился по велению любимой...»:

Асмат сказала ему (Тариэлу): «От слез, лев, какая польза огню этому (любви)!
Как я заставлю тебя говорить против воли, когда это не подобает.
Вижу, этот некий безумный витязь за тебя готов голову сложить (проиграть себя).
(Поэтому) пусть он узнает причину твоих (сердечных) ран, пусть сделает то, что ему под силу.
Он (Автандил) умолял меня, (старался) услышать от меня что-либо;
Быть может, бог даст (тебе силы) выдержку, я же как могу положиться на (свой) язык! (могу ли я рассказать об этом?)
Если он (Автандил) узнает о тебе, быть может, от этого будет вам какая-то радость,
Лучше то, чего желает небесное провидение».

Стр. 89. После строфы «Я вошел в опочивальню. Дева, кланяясь, сказала...»:

Я вошел и сел на тахту, дева подошла к краю ковра,
Она не сочла себя достойной сидеть подле меня.
Я сказал ей: «Что ты там сидишь, если любишь меня?»
Она ничего не ответила, казалась несловоохотливой.

Стр. 99. После строфы «Стали дерзкими хатавы, рвутся к нашему порогу...»:

Я сказал ей с почтением: «Мне не жаль было ради тебя сжечь свою голову,
Но раз ты сохранила мне жизнь, а не стала убийцей моей,
Ты будешь светом моих глаз, для взгляда — солнцем будешь.
Пойду я ныне, сражусь с хатайцами, там я, лев, проявлю свою доблесть».

Стр. 112. После строфы «В драгоценные одежды мы должны тебя облечь...»:

Мне поднесли сто ключей от ста сокровищниц:
Я поклонился им (царю с царицей) и благословил их счастливую судьбу;
Встали они, солнца солнц, и поцеловали меня,
Смогу ли я разве сказать, сколько они роздали, сколь велики были дары войскам!

Стр. 221. После названия главы «Отъезд Автандила на поиски Нестан-Дареджан»:

Схожий с полной луной витязь едет и приговаривает дорогой,
Воспоминание о Тинатин радует его сердце;
Он говорит: «Я разлучился с тобой,— о коварство проклятого мгновенного мира! —
У тебя целебный бальзам для моих ран.
Почему жар трех пламеней (героев) постоянно сжигает мое сердце?
Почему мое сердце — крепкая скала — превратилось в три обломка?
Не может одно копье нанести три раны,
Ты являешься причиной того, что мир стал для меня таким горьким».

Стр. 255. После строфы «Отвечала мне девица: «Не дивись, моя сестрица...»:

Зачастили слезы из глаз ее, словно жемчужины,
Она встала так бесстрашно, будто была тигрицей или героиней;
Радость не в радость ей была и горе — не в горе;
Она попросила шаль у меня и окутывала стан и лицо.

Из всех русских переводов наиболее удачным до сих пор остается перевод Н. Заболоцкого, являющийся результатом многолетнего творческого труда, завершенного и изданного в 1957 году. Переводчику удалось во многих случаях передать присущую оригиналу величественность и возвышенность поэтического стиля. И все же, несмотря на все эти положительные качества труда Н. Заболоцкого, пока еще остается в силе замечание П. Антокольского, сделанное им в 1956 году на Втором Всесоюзном съезде советских писателей: «Многие из поэтов пытались передать на своем языке поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Есть и полные переводы на русский язык... Но ни один из русских переводов не может вполне удовлетворить взыскательного читателя».

Среди наиболее известных изданий поэмы на русском языке следует указать следующие:

«Витязь в тигровой шкуре». Поэма, перевод с грузинского К. Д. Бальмонта, Academia, М. 1936;

«Витязь в тигровой шкуре», перевод с древнегрузинского П. Петренко, при участии и под ред. К. Чичинадзе, Изд-во АН СССР, Л. 1938;

«Витязь в тигровой шкуре». Поэма в стихах, перевод с грузинского Ш. Нуцубидзе, ред. С. Городецкого, Гослитиздат, М. 1941;

«Витязь в тигровой шкуре». Поэма, перевод с грузинского Г. Цагарели, Гослитиздат, М. 1953;

«Витязь в тигровой шкуре», перевод с грузинского Н. Заболоцкого, Гослитиздат, М. 1957;

то же, Гослитиздат, М. 1962;

то же, «Художественная литература», М. 1966.

Прилагаемые ниже комментарии не ставят своей целью указать на все неточности и отклонения от оригинала, встречающиеся в переводе Н. За-

болоцкого. Поясняются лишь те случаи, где встречаются труднопонимаемые выражения или реалии памятника, а также неточности, которые могут создать неправильное представление о содержании поэмы Руставели.

Стр. 23. *Тот, кто силою своею основал чертог вселенной...*— В оригинале поэма тоже начинается местоимением «ромэлман» (который), употребляющимся как обозначение бога. Употребление этой формы было характерно для грузинской христианской литературы, в частности — гимнографии. Традиция начинать произведения местоимением, обозначающим бога, была общехристианской. Сравним, например, Библию (кн. Иеремии, 10, 12 — «Он сотворил землю силою своею...»). Первые строфы пролога, как это было принято в средневековой литературе, перекликаются с соответствующими местами библейских текстов. Сравним книгу Бытия, 1, 7 («Создал Бог твердь...»), там же, 2, 7 («... создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни...»); там же, 1, 28; Послание к Римлянам, 13, 1 и др.

Лев, служа Тамар-царице, держит щит ее и меч...— Метафора «лев» подразумевает в данном случае супруга царицы Тамар Давида Сослана (См. словарь). Конец строки в дословном переводе звучит так: «Льва украшает владение копьем, щитом и мечом».

Стр. 24. *Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!..*— В переводе изменен важный художественный образ оригинала. Поэт говорит «Восхвалим царицу Тамар, проливая кровавые слезы»; выражение «кровавые слезы» употребляется в повествовании довольно часто для передачи особенно глубокого чувства.

Мне пером была тростинка, тушью — озеро агата...—«Тростинка» и «озеро агата» (точнее «гишера») употребляются метафорически для обозначения стройного и гибкого, как тростник, стана Тамар и ее черных глаз, служивших источником вдохновения для поэта. Вообще «тростник» и «гишер» часто используются в поэме как образное обозначение стана и глаз.

Даже камень разбивают мягким молотом свинцовым...—Вместо слова «камень» в оригинале читается «твердый камень» (магари ква), обозначающий алмаз. Исследователи полагают, что автор имеет в виду древнейший способ обработки этого драгоценного камня, известный и в Грузии (на свинцовый столик или плиту насыпали алмазный порошок и на нем шлифовали обрабатываемый осколок алмаза, придавая ему нужную форму. Ср. «Искендер-наме» — «Алмазы гранили свинцовыми инструментами». Низами. Пять Поэм, М. 1946, стр. 525), поэтому данную строку следует понимать следующим образом: «Подобно тому, как самый твердый камень (алмаз) разбивают (гранят) мягким свинцом, нежная красота Тамар разбивает твердое сердце поэта».

Это древнее сказанье я, чье имя Руставели...— В этой строфе пролога впервые упоминается фамилия поэта, или, как это принято в современной

руставелологии, его прозвище Руставели (что должно означать «происходящий из Рустави», или «владетель замка и поместья Рустави»). В поэме Руставели упомянут четыре раза (вторично — в следующей строфе пролога, но опущен в данном переводе, и дважды — в эпилоге).

Эта повесть, из Ирана занесенная давно...—Перевод этой строфы неточен, ее содержание можно перевести следующим образом: «Этот персидский сказ, переведенный на грузинский язык и кочевавший из рук в руки, подобно драгоценной жемчужине, я, Руставели, нашел и переложил в стихи. Я совершил дело, достойное похвалы («сачочманэби» — скорее следовало бы перевести как «спорное»), и теперь та, которая свела меня с ума (Тамар), пусть решит мою судьбу: ее воля — как она со мной поступит, то есть как встретит мое произведение». Таким образом, Руставели, прибегая к своеобразной литературной мистификации, указывает на псевдоисточник своей поэмы (известно, что сюжета, напоминающего «Витязя в тигровой шкуре», нет не только в персидской, но и вообще в восточной литературе). Поэт тем самым смягчил сказанное им выше, что поэма является восхвалением царицы Тамар, и, сославшись на якобы «существующий источник», обрел известную свободу действий, подчеркнув вместе с тем достоверность рассказываемых им событий. (Ср.: В. Ф. Ш и ш м а р е в, Шота Руставели, сб. «Деятели русской культуры о Шота Руставели», Тбилиси, 1966, стр. 155.)

Стр. 25. *Стихотворство — род познанья, возвышающего дух...*— В оригинале сказано, что «поэзия («шаироба» — стихотворство) издревле отрасль мудрости». Такой взгляд на поэзию существовал еще в античную эпоху (Платон и особенно Аристотель), и его разделял Шота Руставели. Таким образом, замена «мудрости» термином «познание» здесь вряд ли оправдана. Этой строфой Шота Руставели начинает изложение своих взглядов на поэзию. Создание подлинного поэтического произведения он считает героическим подвигом, который наряду с мудростью требует также чувства или, говоря словами поэта, «сердца». Излагая в прологе свое поэтическое кредо, автор поэмы говорит о назначении и цели отдельных поэтических жанров, так же как и поэзии вообще, основывая свои рассуждения на понятиях «мудрости» и «рыцарской любви» («миджнуроба»), «сердца» и «искусства». Изложенная здесь своеобразная «теория» поэтического творчества в дальнейшем развитии грузинской литературы, вплоть до XVIII века, играла почти такую же роль, какую сыграли «Поэтика» Аристотеля в развитии западной литературы или «Поэтическое искусство» Буало для французского классицизма.

Испытаньем иноходцу служит дальняя дорога...— В этой и последующей строфе стихотворство сравнивается с конным поло, но в переводе этого не видно, ибо здесь опущено название главного орудия этой игры — «чоган» (клюшка для выбивания мяча). Эта игра была распространена среди рыцарства на Востоке и требовала от ее участников большой смелости и

мастерства. (Ср. перевод этого же места у Ш. Нуцубидзе: «И взмахнув чоганом ловко...»)

Стр. 26. *Той, кого я раньше славил, продолжаю я гордиться...*— Подразумевается царица Тамар, которой посвящена поэма и которую поэт восхвалял раньше (по мнению исследователей, здесь имеется в виду утерянное произведение Шота Руставели, в котором восхвалялась царица). Следует заметить, однако, что смысл последних слов первой строки в оригинале «винца микиа» (кого я восхвалял) или, как читал Н. Я. Марр, «вин цам икиа» (кого небо взяло к себе), до сих пор не выяснен окончательно.

Мне она дороже жизни, беспощадная тигрица...— Выражение «беспощадная тигрица» также относится к Тамар. Нужно отметить, что в поэме подобная метафора употребляется и при создании образа Нестан (в том эпизоде, когда Нестан намереваются выдать замуж за сына хорезмийского шаха и она разгневана на Тариэла за то, что он не выступил в ее защиту). Это свидетельствует о том, что в образе Нестан частично персонифицирована сама Тамар.

Есть любовь высоких духом, отблеск высшего начала...— В оригинале эта и последующие строфы исключительно сложны и интересны по смыслу. Поэт касается разных родов любви и излагает собственную, оригинальную концепцию. В первую очередь Шота Руставели говорит о так называемой божественной любви, или, с точки зрения христианской теологии, любви высшего рода. По словам поэта, любовь эта непостижима для разума, и только в состоянии особого экстаза или порыва можно приблизиться к ней, то есть к богу. Любовь эта совершенно лишена плотской страсти. Такое понимание любви приближается к концепции «Божественной Комедии» Данте, основанной на христианском мистицизме (поэтому следует считать ошибочным мнение некоторых исследователей о том, что здесь Руставели говорит о суфийской любви, так как сам суфизм в данном случае многим обязан христианскому мистицизму или христианскому неоплатонизму).

Из этих же строф видно, что Шота Руставели ставит перед собой другую цель — воспеть плотскую, естественную любовь, но нравственно чистую и возвышенную, уподобляющуюся в этом отношении небесной или божественной любви.

Стр. 27. *Нрав миджнура постоянен: не чета он блудодею...*— Поэт здесь указывает на распространенный в восточной (особенно персидской) литературе мотив «миджнура» (значение этого слова см. в словаре), известный под названием арабского «учения о безумной любви». Впоследствии этот мотив распространился через Испанию и в европейской литературе (об арабской теории любви см.: К р ы м с к и й А. И., Арабская поэзия в очерках и образцах, М. 1906 ; об аналогиях руставелевской миджнурской любви см.: В. Ф. Ш и ш м а р е в, Шота Руставели, сб. «Деятели русской культуры о Шота Руставели», Тбилиси, 1966, стр. 150—184).

Стр. 30. *Увядающая роза дышит слаще молодой...*— В оригинале говорится об увядшей розе, которая все же превосходит другие цветы своим ароматом и нежной окраской.

Стройный станом, почитался он соперником планет...— Автандил здесь ошибочно отождествлен с планетами, что совершенно не соответствует руставелевской поэтике. В оригинале герой уподобляется солнцу и луне.

Стр. 31. *Все в слезах, затрепетали стрелы девичьих ресниц...*—В подлиннике сказано иначе: «Дева плачет и проливает слезы, наклоняя крылья ворона» (метафора, обозначающая черные ресницы, а иногда — волосы).

Стр. 32. *Потому в слезах томился садик роз, взращенный югом...*— «Садик роз» — образ, часто употребляющийся в поэме для обозначения прекрасного лица, увлажненного слезами.

Царь сказал: «Отцы и дети, мы царим здесь друг за другом...»— Эта фраза передана не совсем точно. В оригинале говорится, что вообще дети заменяют своих родителей.

Стр. 33. *Выводи коней, конюший! Выносите перлы, лалы!..*— Грузинский термин «амилахор» следует переводить не как «конюший», а как «заведующий царскими конюшнями», «шталмейстер». «Амилахор» общераспространенное восточное слово (в частности, арабско-персидское «амирахор»: амир — старший, ахор — конюшня), проникшее и в грузинский язык.

На сокровища царицы устремились, как шакалы...— В оригинале сказано — «Войска загребали драгоценности, точно пираты».

Стр. 34. *Удивился: как он смеет упрекать его, наглец...*— В подлиннике говорится только о смелости вазира, связавшего печаль царя с тем, что Тинатин щедро раздарила царскую казну.

Не дала судьба мне сына. Жизнь моя — сплошная мука...— В оригинале слова Ростевана звучат так: «Бог не дал мне сына, который у меня научился бы рыцарским обычаям (стрельбе из лука, игре в мяч и т. д.), я же старею и скоро покину этот мир».

Стр. 35. *Тот проходит трое суток с непокрытой головою...*— В древности в Грузии, как и в ряде других стран, шапка была признаком могущества и высокопоставленного положения. Поэтому ходить без шапки (тем более для представителя высшего сословия) считалось постыдным.

Стр. 36. *В дорогой чалме, в оружье, как лилея, строен станом...*— В переводе пропущен ряд важных реалий. Во-первых, Автандил подъехал к царскому дворцу на белом коне, во-вторых, здесь не сказано о том, что он был опоясан ножнами с мечом, который украшал его.

Стр. 38. *Роза инеем покрылась, как от ветра ледяного...*— «Инеем покрытая роза» — образ, обозначающий печальное, грустное лицо Тариэла.

Но струился дождь хрустальный из агатовых стремнин...— «Дождь хрустальный» — часто употребляющийся в поэме образ для обозначения слез. Упомянутая здесь «агатовая стремнина» — метафорическое обозначение черных глаз; таким образом, вся эта фраза означает, что из черных глаз Тариэла проливались хрустальные слезы.

Стр. 44. *Вдруг явился негр-служитель той, чей стан стройней алоэ. «Солнцеликая,— сказал он»...*— В выражениях «стан стройней алоэ» и «солнцеликая» подразумевается Тинатин.

Стр. 46. *Хоть пронзи меня кинжалом, не скажу тебе ни слова!..*— В оригинале клятва Тинатин заканчивается следующими словами: «Пусть любовь к тебе (то есть к Автандилу) убьет меня и вонзит мне в сердце нож».

Стр. 47. *Жемчуга из уст открытых, словно молнии, блистали...*— «Жемчуга» — здесь метафора для обозначения зубов.

Обнялись агат с агатом и слились рубин с рубином...—Эта строка означает: они поцеловались, приблизив друг к другу ресницы (агат) и уста (рубин).

На сияющие розы сыпал он хрустальный град...— иносказательное описание радости Автандила: на пылающее лицо обрадованного витязя (розы) сыпался хрустальный град (слезы).

Я — кристалл, рубин и роза — принимаю цвет янтарный...— Эта строка образно выражает любовные страдания Автандила, который говорит о самом себе: «Я, подобный хрусталю и рубину (метафора «роза» в оригинале отсутствует), пожелтел, как янтарь».

Стр. 49. *Тинатин меня пленила, и нарциссы в день печали на заснеженные розы слезы жгучие роняли...*— Описание переживаний Автандила. Жгучие слезы, текущие из нарциссов (глаза Автандила; ср., например, прим. к стр. 212), заставляли увянуть розу (лицо Автандила).

Стр. 50. *Из владык и подчиненных только мы друзья друг другу...*— В оригинале сказано: «Из всех сюзеренов и вассалов я и ты — самые близкие».

На охоте и в сраженьях принимай мое обличье...— Глосса переводчика, в подлиннике этой строки нет.

Стр. 51. *Коль миджнур бежит в пустыню, он не странствует вдвоем...*— одно из необходимых условий для миджнура — безумно влюбленного, обязанного в одиночестве скитаться по полям.

Одиночество — не гибель, если бог спасает нас...— В подлиннике в этой строфе помощниками Автандила выступают не только бог, но и небесные сонмы (по мнению некоторых исследователей, ангелы, а других — небесные светила). Сравним то место в поэме, где Автандил обращается с молитвой к светилам (стр. 208, 209).

Стр. 55. *Мудрый Эзрос в «Дионосе» нам оставил назиданье...*»— Перевод неточен, поскольку он основан на старых изданиях. В новом издании «Витязя в тигровой шкуре» это место восстановлено, в результате

строка имеет следующий вид: «Об этом деле мне свидетельствуют мудрый Дионос (Дивнос, см. словарь) и Эзра» (Эзрос, см. словарь).

Всю Аравию проехав за четыре перехода...— Выражение «за четыре перехода» не соответствует оригиналу, где сказано, что Автандил проскакал галопом огромное поле, расположенное у аравийской границы, и покинул Аравию.

Стр. 63. *Видит: витязь солнцеликий безбород, едва усат...*— В оригинале у неизвестного витязя, на которого смотрел Автандил, были растрепаны усы и борода, но он не был «безбород». Тем более что, как мы узнаем из поэмы, Тариэл старше Автандила по возрасту.

Стр. 64. *Видел я, как роза мая увядает средь долин...*— Имеется в виду незнакомый витязь, Тариэл.

Расскажи, открой мне тайну, кто он, этот райский крин?..— «Райский крин» — райская лилия. Этот образ используется переводчиком в качестве метафоры для обозначения Тариэла. В оригинале сказано, что герой станом подобен кипарису.

Стр. 68. *Кто с петлей на шее ходит, коль душа его бодра?..*— В подлиннике Автандил говорит, что если бы он не был в беде, то не обратился бы к Асмат с просьбой («кто же станет перевязывать здоровую голову?»).

Стр. 69. *Пусть истерзанную розу холод больше не тревожит...*— «Истерзанная роза» — подразумевается Автандил, измученный поисками Тариэла и разлукой с возлюбленной.

И возник из влаги всадник, как светило из светил...— В оригинале Тариэл сравнивается с луной (по древним астрологическим представлениям, у луны была своя обитель). Этот образ несколько раз используется в поэме.

Стр. 70. *Повстречался мне однажды государь один жестокий...*— В оригинале ничего не сказано о жестокости этого царя. Тариэл не приближался к охотникам и поэтому не мог знать, был ли увиденный им царь добрым или жестоким.

Стр. 72. *Ты ему не пожелаешь ни опасностей, ни мук...*— В подлиннике Асмат просит Тариэла, если у него окажется друг, побратим, не убивать его, не причинять ему вреда.

Стр. 73. *Крепкорукими рабами ныне ей дана корона...*— Царь получает трон и корону от бога (ср. первую строку поэмы). Это место дословно звучит так: «Тинатин считают своей царицей крепкорукие подданные».

Стр. 74. *На него поднять оружье я, подумав, не решился...*— Эти слова произносит Тариэл, но перевод их не совсем точен. В оригинале герой говорит: «Поскольку он был государем, я пожалел его и не тронул». Тариэл уклонился от стычки с Ростеваном потому, что тот был царем, а в поэме рыцари вообще относятся к царям с большим уважением и почтением, в полном соответствии с правилами феодально-рыцарского этикета.

Стр. 75. *Человек бывает редко всемогущим позабыт...*— В подстрочном

переводе это звучит так: «Трудно найти человека, обреченного, забытого богом». Тем самым указано на трудность разыскать Тариэла.

С хрусталем я не сравняю драгоценные каменья...— В подлиннике сказано следующее: «Яхонт всегда превосходит эмаль, даже в тысячу раз лучшую среди эмалей». Этим подчеркивается, что самоотверженная дружба с Тариэлом — выше всего и ценнее всего (в том числе — даже любви к Тинатин). Это оправдано и самим кодексом миджнурской любви: миджнур должен жалеть миджнура, жертвовать собой ради него и помогать ему во всякой беде.

Стр. 87. «*Стал я думать: «Это дело неприятнее копья...»* — В переводе этой строфы ошибочно говорится об Асмат («Коль меня застанут с девой»), тогда как здесь Тариэл ободряет себя самого, говоря, что сумеет скрыть любовь к Нестан и не вызвать гнева индийцев (в дальнейшем мы увидим, что Нестан обязывает Тариэла вести себя так, как будто он влюблен в Асмат).

Стр. 95. *Расцветающая роза ждет любимого героя!..*— Подразумевается Нестан, принимающая у себя Тариэла в первый раз.

Стр. 97. *Хорезмийское оружье, легкость конницы лихой...*— Хорезм (государство в нижнем течении Аму-Дарьи, столица — Хива) славился на Востоке изготовлением воинских доспехов и оружия.

Стр. 100. *Речь его была искусна и притом замысловата...*— В оригинале говорится не о «замысловатой», то есть трудно понимаемой речи, а о речи льстивой, успокаивающей сердце.

Стр. 102. *Втрое большая дружина выйдет к нам наперехват...*— Здесь неправильно понято древнегрузинское слово «беври» (десять тысяч), в результате чего допущена фактическая ошибка: наперехват Тариэлу должна выйти из укрытия не трехсоттысячная дружина, как получается в переводе, а тридцатитысячная.

Стр. 105. *Не задерживайтесь боле! Божий гнев на нас дохнул!..*— Вместо выражения «Божий гнев на нас дохнул!» в первоисточнике сказано: «Небеса снова повернулись к нам с гневом».

Неужели, вызвав войско, нас противник обманул?..— В оригинале эта строка звучит так: «Неужели многочисленное войско полностью истребит нас?»

Стр. 106. *И в восторге не решались нарушать мое молчанье...*— В подлиннике эта фраза звучит так: «Им не хватало слов для моего восхваления».

Стр. 107. *Там пленился покрывалом рядом с шубкой дорогою...*— «Шубка» не совсем точно передает значение грузинского «кабача» — короткое платье.

Стр. 109. *На него взглянул владыка, как на глупого юнца...*— Слова «как на глупого юнца» создают неправильное представление о том, как Фарсадан принял плененного царя хатайцев. В соответствии с традицией патроно-вассальных отношений, царь, простивший своему вассалу измену,

встречает его ласково, с уважением относится к побежденному врагу, безо всякой насмешки, уверенный в том, что отныне его вассал, подчинившись верховной власти сюзерена, будет исправно служить ему.

Стр. 111. *Я украшен был чалмою, что судьба мне в дар послала...*— Грузинское слово «ридэ» переведено иногда как «покрывало», а иногда как «чалма». В данном случае речь идет о той самой вуали, которую Тариэл привез в дар Нестан из Хатаети и которая подробно описана в заключительных строфах предыдущей главы.

Стр. 117. *Видит бог, твое желанье я хотел предупредить!..*— В этой строфе опущена одна деталь, которая упоминается и ранее в поэме: Тариэл привез Нестан в подарок не только вуаль, но и платье, и здесь посылает оба эти подарка Нестан.

Стр. 118. *Вам, правителям, известен образ свадебного чина...*— В подлиннике сказано: «Что я могу еще сказать? Вы сами лучше знаете, как поступить».

Стр. 119. *Что я мог сказать на это ей, владычице надменной?..*— Эпитет «надменной» звучит в устах Тариэла несколько неожиданно. В первоисточнике сказано иначе: «Как я мог с ней спорить, раз она сама этого хотела?»

Стр. 123. *Ливень, розу леденивший, вдруг повеял теплотою...*—Поэтический образ, довольно точно переданный в переводе. «Роза» здесь — лицо Нестан, «ливень» — ее слезы.

Стр. 126. *Хорезмиец въехал в город и сошел с коня степенно...*— Здесь в переводе отсутствует интересная деталь, передать которую трудно. В оригинале сказано: «Жених прибыл, сошел с коня. День походил на пасхальный (по своей пышности, торжественности)». Это свидетельствует о христианском вероисповедании автора, проявляющемся даже при описании магометанского мира.

Стр. 135. «*Это древо,— он промолвил,— краше всех иных дерев!..*»— В поэме «дерево» употребляется довольно часто как метафорическое обозначение стройного и могучего станом витязя (в данном случае —Тариэла).

Стр. 136. *Ныне дядя с сыновьями захватил его в сраженье...*— В оригинале сказано: «Самому моему дяде (этот край) достался, сыновья которого меня теперь поранили». И в дальнейших строфах «дядя» в оригинале нигде не упомянут. Бой с Фридоном затеяли его двоюродные братья. Источником этого недоразумения следует считать неправильное понимание слов оригинала: «бидза-дзени», означающих не «дядю с сыновьями», а «сыновей дяди».

Стр. 140. *Мне понравилась в сраженье доблесть юного героя...*— Судя по целому ряду признаков, Фридон не так молод, как Автандил, и, уж конечно, не «юн».

Стр. 148. *Чтоб любовь ее окрепла, я обязан возвратиться...*— Здесь не совсем правильно переведены слова Автандила. Его беспокоит не сла-

бость любви Тинатин к нему, не ее измена в случае, если он не вернется вовремя. Витязь должен вернуться к своей повелительнице, чтобы доказать ей свою любовь тем, что выполнил ее поручение, разыскал Тариэла и узнал его историю.

Стр. 158. *Целый день не уставая о герое толковать*...— Под героем, о котором толковали все, подразумевается Тариэл.

Стр. 169. *Ведь ему непостижимо то, что свято для другого!*..— В оригинале сказано иначе: «Он не знает, какое горе у меня или благодаря кому я живу».

Стр. 173. *О любви ты, верно, помнишь, что апостолы гласили*...— Это указание на апостолов имеет в виду, по всей вероятности, Первое послание апостола Павла к коринфянам (Новый завет, 13, 4—8).

Тот, кто дал мне крепость тела и открыл мои зеницы...— Имеется в виду бог, к которому и относятся все эти эпитеты, известные в христианской литературе.

Стр. 179. *Пусть я буду иудеем, коль не спятил ты доселе!*..— Здесь подразумевается библейский персонаж Левий (а не иудей вообще).

Стр. 183. *И воззвал он к солнцу: «Солнце! Ночи солнечной сиянье!*..— «Солнечная ночь», упомянутая в поэме,— одно из названий божества в христианской теологии.

Потеряв свои агаты, я ищу рубин бесценный...— Метафорический ряд представлен в оригинале более подробно («ищущий хрусталь и рубин, я потерял гишер и эмаль»). «Хрусталь и рубин» означают здесь Тариэла, на помощь которому отправился Автандил, а «гишер и эмаль» — покинутую им Тинатин.

Стр. 194. *Ту, чьи розы осеняют копий сомкнутых агат*...— Здесь подразумевается покинутая Автандилом Тинатин, агатовые копья (черные ресницы) которой осеняют розу лица.

Стр. 201. *Горе мне: потерян жемчуг, роза больше не цветет*!..—Здесь Тариэл вспоминает свою возлюбленную.

Стр. 204. *Пусть они тебя разбудят, словно псы могучим лаем!*..— Некоторыми исследователями высказано соображение, что здесь под «псами» подразумевается созвездие, и Автандил назначает Тариэлу для встречи то время, когда созвездие Гончих Псов будет стоять в зените.

Стр. 207. *Тяжела друзьям разлука, как загробные свиданья!*..—В поэме Руставели, как и вообще в представлениях верующих, разлучившиеся друзья и влюбленные, потеряв надежду встретиться в этом мире, мечтают о загробной встрече. У Руставели сказано следующее: «Теперь разлука так же тяжела, как тогда тяжела была встреча». В четвертой строке оригинала говорится: «Не все люди равны друг другу, большое (расстояние) лежит между людьми».

Звери вкруг него толпились, слезы горестные лили...— Перевод не совсем точен. Звери не плакали, а лизали кровавые слезы, проливаемые

витязем (гиперболизированная метафора, довольно часто встречающаяся у Руставели).

В четвертой строке слово «роза» следовало поставить в единственном числе, поскольку здесь «роза», как и обычно в поэме, метафорически обозначает прекрасное лицо.

Стр. 208. *Вяла роза, увядала ветвь алоэ, и кристалл уподобился лазури и светиться перестал...*— Метафорический образ разлученного с возлюбленной Автандила: печаль и скорбь витязя, станом подобного алоэ, изменили цвет его лица, подобного розе и хрусталю, на цвет лазури.

Для чего дивиться мраку, если свет невидим стал?..— Метафора «свет», подразумевает Тинатин. В поэме часто встречаются такие понятия, как «свет», «солнце» и другие, не умещающиеся, однако, в рамках христианских идей.

И опять молил он Солнце, проезжая средь долин...— В этой и последующих семи строфах представлена молитва Автандила, обращенная к светилам, в которой Руставели проявляет глубокие познания в области древней астрологии. Живописание чувств и переживаний героев у него нередко основано на варьировании астральных представлений (вспомним «полную» и «ущербную» луну). Астрологические свойства семи светил также используются при изображении духовного мира героя (см., например, обращение Автандила к семи планетам).

Стр. 212. *Но нарциссы, как и прежде, слезы горькие роняли...*— «Нарциссы» — метафорическое обозначение прекрасных глаз (ср. примеч. к стр. 31).

Стр. 224. *Ибо страх ведет к любови, как вещает нам Писанье...* — Писанье — Библия; см. книгу Премудрости Иисуса сына Сирахова (1, 13).

Стр. 230. *Некий витязь солнцеликий в нашей гавани пристал!..*— В данном случае грузинское слово «кма» следовало переводить как «молодой человек», «юноша». Ведь Автандил специально скрывается в купеческой одежде, чтобы сохранить свое инкогнито.

Стр. 239. *Тронув бороду рукою, удалился гость сердитый...*— Прикосновение рукой к бороде означает клятву; этот древнейший обычай и поныне сохранился в народе.

Стр. 252. *Солнце, скрытое драконом, людям больше не блистало...*— Этот поэтический образ основывается на древнейшем астрологическом представлении о том, что за солнцем или луной по небу гоняется дракон и затмения вызваны этой причиной. В восточной поэзии и, в частности, у Руставели это астральное представление используется в качестве символа, изображающего борьбу света и тьмы, доброго и светлого начал. Освобождение Нестан из плена сравнивается с освобождением луны из пасти змея (дракона).

Стр. 269. *Плыл агатовый кораблик сквозь чернильные озера...*— Метафора, обозначающая глаза («агатовый кораблик»— зрачок, «чернильные

ное озеро»— глаз). В данном случае обозначает глаза Автандила, полные слез.

Удивилась, что торговец нарядился, как спаспет...— В поэме нигде нет указания на специальную одежду, носимую «спаспетом». И здесь, и в других местах говорится, что Автандил вместо купеческой одежды облачился в одеяние витязя (см. словарь — спаспет).

Стр. 270. *Лес агатовых деревьев, лес ресниц владеет мною!..*— Метафорический ряд, как «лес агатовых деревьев», или «лес ресниц» означает ресницы Тинатин. В этом эпизоде Автандил открывает Фатьме, что его возлюбленная — Тинатин, имеющая густые, как лес, гишерово-черные ресницы.

Стр. 273. *И колдун натерся мазью чародейною зеленой...*— Грузинское слово «моли» исследователи толкуют по-разному: как «волшебную мазь» или как «волшебное одеяние» (зеленого цвета).

Стр. 277. *Сквозь разорванную розу жемчуг лил свое сиянье...*— «Роза» здесь — уста Нестан, «жемчуг» — ее зубы. Эпитет «разорванная» звучит здесь неточно. Лучше было бы сказать: «сквозь раскрывшуюся розу...»

Стр. 279. *Со стихиями земными тяжко мне соединенье...*— «Земные стихии» — четыре элемента (земля, огонь, вода, воздух), из которых состоял, по древним представлениям, мир. Христианская теология позаимствовала это понимание у древнегреческой философии.

Без тебя не светит солнце, ибо ты — его частица!..— Перевод не раскрывает полностью смысла оригинала. Слово «цили» означает в данном случае не «частицу», а скорее «долю». Речь идет о том, что Солнце периодически проходит через созвездие Льва, символизирующее Тариэла.

Стр. 283. *Вместе с ней Усен и слуги провожали Автандила...*— В подлиннике здесь назван не Усен (муж Фатьмы), а Усам, старейшина купеческого каравана.

Стр. 284. *И, вздымая к небу руки, по своей молился вере...*— В оригинале не говорится в данном случае о религиозной принадлежности Автандила. Руставели вопросам вероисповедания, как и языка, вообще не придает важного значения.

Стр. 287. *Расколол уста-рубины взмах алмазного жезла...*— «Алмазный жезл» (в оригинале — «адамантовый молот») здесь означает руку Автандила.

Стр. 294. *И поехали два солнца вместе с месяцем своим...*—Здесь «два солнца» образно обозначают Тариэла и Автандила, а «месяц» — Фридона.

Стр. 310. *И сокрытое открылось нам, спасенным от врага...*— Одна из формул христианской теологии. Бог, помогающий людям, дает им возможность открыть сокрытое. В поэме эта формула упоминается неоднократно (ср. Евангелие от Матфея, 10, 26; от Марка, 4, 22 и др.).

Стр. 324. *Но отверг бы я спаспета, будь любовь моя слаба!..*— Здесь создается впечатление, что царь отверг бы Автандила, как зятя, то есть

не выдал бы за него свою дочь, будь его любовь (спрашивается — к кому?) слаба. В оригинале сказано несколько иначе: «Если бы я не любил Автандила, почему я так жаждал бы его?» (ср. с эпизодом тайного бегства Автандила из Аравии). Таким образом, в этой строке царь говорит, что он рад иметь Автандила своим зятем.

Стр. 328. *Что сошли с небес на землю два сияющих светила...*— В подлиннике сказано, что на землю снизошли четыре солнца (имеются в виду две пары молодых влюбленных).

Стр. 330. *Самоцветы из Романьи сходны с яйцами цесарки...*— Подразумеваются не римские самоцветы, а «лалы-романы» (от перс. лал-романи), подобные гранатам.

Стр. 331. *Тот ответил: «Спрячь свой жемчуг под рубиновым покровом!..»*— Здесь, как и в других местах, «жемчуг» — зубы, а «рубины» — уста; таким образом, Тариэл просит Автандила не говорить более о том, что он намерен покинуть невесту и отправиться с ним, Тариэлом, в Индию.

Стр. 336. *Шубку с ценным покрывалом Дареджан сестре дарила...*— В описании подарков допущена небольшая неточность: Нестан шлет Тинатин не «шубку», а платье, камень-самоцвет, о котором здесь говорится, составляет отдельный подарок, а не прикреплен к этому платью.

Стр. 338. *Меск безвестный из Рустави, кончил я мое творенье...*— Здесь, по мнению некоторых исследователей, говорится не о Руставели-месхе, а о «неком месхе», безымянном продолжателе его поэмы.

Божеству грузин Давиду, что грядет путем светила...— Перевод в данном случае не совсем точен. Солнце бога грузин — Давида — служит царице Тамар, и на это намекает оригинал (сама Тамар здесь не упоминается, но подразумевается).

Мы в стихах Мосэ Хонели Амирана узнаем...—См. словарь — Мосэ Хонели, Амиран.

Прочитав «Абдул-Мессию», дань Шавтели воздаем...— См. словарь — Абдул-Мессия, Шавтели.

Диларгета пел Тмогвели, сожигаемый огнем...—См. словарь — Диларгет, Тмогвели.

Саргис Цаишвили

СЛОВАРЬ
НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ, СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абдул-Мессия.— Полагают, что здесь подразумевается ода «Царице Тамар и Давиду», сложенная Иоанном Шавтели (см.). По мнению некоторых исследователей, существовало произведение, носящее такое название и также приписываемое Иоанну Шавтели, которое в настоящее время утрачено.

Автандил — один из главных героев поэмы. Некоторые ученые связывают это имя с арабско-персидским миром, например, avtan+dil, то есть сердце родины (проф. Ю. Абуладзе).Это имя как в полной (Автандил), так и в сокращенной форме (Тандила) издревле имеет широкое распространение в грузинской ономастике. Академик Н. Марр считал его именем, возникшим на грузинской почве (см.: Н. М а р р, Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре», 1917, стр. 428).

Аксамит — то же, что в грузинском тексте «оксино», и означает драгоценный златотканый бархат, изготовленный в стране Оксу (Западный Туркестан).

Амиран — древнегрузинский мифологический герой, который был наказан богами и прикован к скале на Кавказском хребте. Образ Амирана использовал грузинский писатель XII века Мосэ Хонели (см.) в своем приключенческо-рыцарском романе «Амиран-Дареджаниани».

Амирбар — арабское слово, обозначающее морского министра; то же, что адмирал.

Арабы — жители Аравии.

Аравия — в поэме родина главных героев Тинатин и Автандила; некоторые реалии в описании Аравии, как и Индии, говорят о том, что Руставели, рассказывая об этих странах, подразумевает Грузию.

Аспироз — по древним астрологическим представлениям — планета красоты и любви — то же, что Афродита у древних греков, Венус или Венера у римлян, «утренняя звезда» («Цискрис варсквлави») у грузин. «Аспироз» — арабско-греческое название планеты.

Багдад — столица древней Аравии (в настоящее время — Ирака). Купцов, ехавших из этого города, возглавил и довел до Гуланшаро (см.) Автандил.

Бадахшанский камень — Бадахшан, Балахшан — страна на Южном Памире (на границе с Афганистаном), где добывали драгоценный лал (рубин), называвшийся бадахшанским или сокращенно бадахшем, балахшем. В поэме употребляется как метафора, обозначающая лицо и уста.

Безоар — то же, что грузинское «фазари». Камень, который добывается в печени некоторых животных. В древности на Востоке употреблялся в качестве лечебного средства. Существует также драгоценный камень минерального происхождения, носивший то же название, и, видимо, именно о нем говорится в поэме.

Вазир — высшая должность при царском дворе, царский советник. Как известно, на Востоке цари имели по одному такому советнику — везирю или визирю. В поэме же при царском дворе находятся несколько вазиров, что соответствует чину грузинского царского двора (например, при дворе Тамар совет вазиров состоял из четырех должностных лиц), и в данном случае, несмотря на описание чужеземных стран, поэт имеет в виду обычаи царского двора Грузии своего времени.

Вис — главная героиня любовного романа известного персидского поэта Гургани (XI в.) «Вис и Рамин». Грузинский перевод этого произведения приписывается писателю XII века Саргису Тмогвели (см.).

Габаон — гористая местность вблизи Иерусалима, считавшаяся священной. Произраставшие там ели и кипарисы считались самыми прекрасными, и поэтому с ними сравнивает поэт стан Нестан-Дареджан.

Геон — река Аму-Дарья, по-грузински Джеон.

Греки — имеются в виду не вообще греческие ученые, а афинские мудрецы.

Гуланшаро — фантастическая, сказочная страна, называемая иногда в поэме царством морей. Это географическое название некоторые исследователи связывают с персидским словосочетанием «гул шахр», означающим город роз.

Давар — сестра отца Нестан-Дареджан, царя Индии Фарсадана, и воспитательница Нестан.

Давид — в строфах эпилога следует подразумевать супруга царицы

Тамар (см.) Давида Сослана, осетинского царевича и выдающегося полководца (ум. в 1207 г.).

Дивнос — он же Псевдо-Дионисий Ареопагит. Философ V века, автор учения, известного под названием ареопагитики; его сочинения оказали большое влияние на христианскую философию последних веков. Как выяснено в последнее время (проф. Ш. Нуцубидзе, бельгийский ученый Э. Хонигман), под именем Дионисия скрывался подвизавшийся в Палестине грузинский философ V века, бывший одно время епископом г. Майюмы (Газа) в Палестине, Петр Ивер. Его учение было хорошо известно в грузинской христианской литературе. В поэме Руставели заметны некоторые явные отголоски отдельных положений ареопагитики.

Диларгет — подразумевается, видимо, главный герой утерянного произведения «Диларгетиани». Авторство этого произведения в эпилоге «Витязя в тигровой шкуре» приписывается Саргису Тмогвели (см.).

Достакан — большой стакан для вина.

Драхма — мелкая единица веса, серебряная монета.

Дулардухт — сестра царя каджей, после смерти царя временная правительница Каджети.

Дэв — в грузинской мифологии — гигантское злое существо, враг людей.

Евфрат — река в Месопотамии.

Зарадхана — склад оружия.

Зуал — арабское название планеты Сатурн, то же, что Кронос. По древним астрологическим представлениям — светило, предвещающее несчастье. В обращении Автандила к светилам планета Зуал упомянута именно в этом значении.

Индиго — темно-синяя краска.

Индостан (Индия) — в поэме родина Тариэла и Нестан-Дареджан; ср. Аравия.

Кадж — сказочное существо, злой дух. В поэме — человекоподобное существо, коварное и владеющее тайнами магии.

Каджети — страна каджей (см.), в которую Нестан-Дареджан увели в плен.

Каис — имя героя романтической поэмы Низами «Лейли и Меджнун» (Каиса иногда называют и Меджнуном).

Караван-сарай — на Среднем и Ближнем Востоке — дом, в котором останавливаются караваны.

Кимвалы—то же, что грузинский музыкальный инструмент «цинцила», состоящий из двух металлических чаш, издающих при ударе друг о друга резкий звенящий звук. Часто упоминается в Библии.

Китай — в поэме упоминается название «Чини», в дательном падеже — «Чинс». Вообще в грузинском языке Китай носит название «Чинети».

Лал — персидское слово, распространенное в грузинском языке; то же, что «рубин»,— драгоценный камень красного цвета. В поэме часто употребляется для метафорического обозначения ланит и уст.

Магомет — основоположник мусульманской религии Ислама (VII в). В грузинских памятниках, в том числе и в поэме Руставели — «Махмад».

Майдан — место для игр, ристалище, а также базарная площадь.

Марих — планета Марс. В обращении Автандила к планетам получило свое отражение древнее астрологическое представление: Марс считался светилом войны.

Мекка — священный город мусульман в Аравии, родина Магомета (см.).

Мелик-Сурхави — царь морей, или Гуланшаро (см.).

Мерани — быстроходный скакун. В грузинской мифологии — быстрый, как молния, крылатый конь.

Месх — житель одной из провинций Южной Грузии.

Миджнур — грузинская форма арабского слова «меджнун», означающего обезумевшего от любви человека. Этот эпитет в дальнейшем стал использоваться как имя героя повести, которая легла в основу распространенной на Востоке романтической поэмы Низами «Лейли и Меджнун» (см. также примечания).

Моурав — управитель.

Мукр — мусульманский священнослужитель, мулла.

Муллим — духовное лицо у магометан, лекарь.

Мульгазанзар — как и Гуланшаро, вымышленная, сказочная страна, название которой происходит, видимо, от персидского слова «мульгазар», что означает страну цветов.

Муштар — арабское название планеты Юпитер. По-грузински эту планету называли «диа». Как видно из обращения Автандила к светилам, Муштар, по древнейшим астрологическим представлениям, считался планетой счастья и справедливости.

Нарды — восточная игра в кости.

Нестан-Дареджан — имя главной героини поэмы. Его связывают с персидским выражением «нист андаре-джехан», что означает: «нет подобной (красавицы) в мире» (Н. М а р р, Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре», 1917, стр. 428).

Нурадин-Фридон — один из главных героев поэмы, побратим Тариэла и Автандила. Фридон — широко распространенное имя на Востоке, в частности — в персидской классической литературе (например, в произведениях Фирдоуси и др.).

Отарид — арабское название планеты Меркурий или Гермес (г р е ч.). По древним астрологическим представлениям, эта планета символизирует дар красноречия. Автандил в своем обращении к светилам молит Отарида описать его любовь и тяжкие страдания.

Платон — величайший греческий философ (427—347 гг. до н. э.).

Рамаз — царь Хатаети (см.), вассальной Индии страны.

Рамин — главный герой любовного романа известного персидского поэта XI века Гургани «Вис и Рамин». Это произведение было переведено на грузинский язык в XII веке (см. Тмогвели Саргис).

Родия — младший сын царя каджей.

Росан — сын царя каджей, за которого собираются выдать замуж Нестан-Дареджан.

Ростом — Рустам, главный герой поэмы Фирдоуси «Шах-наме». В грузинской литературе классической эпохи это произведение было хорошо известно. До нас дошли грузинские версии «Шах-наме», переведенные в XV—XVI веках, упоминавшиеся под названием «Ростомиани».

Рошак — начальник отряда в Каджети, захвативший в плен бежавшую из Гуланшаро Нестан.

Саламон — Саламан, главный герой персидской романтической поэмы «Саламан и Абсаль».

Саридан — отец Тариэла, царь одного из семи царств Индии, в дальнейшем добровольно уступивший свою страну Фарсадану, в результате чего произошло объединение Индии.

Сирин — (в греческой мифологии — сирена) — птица с ликом девы, которая своим сладостным пением заманивает и губит мореходов.

Сограт — вазир аравийского царя Ростевана.

Спасалар — распространенное в грузинском языке персидское слово, обозначающее командующего войсками. Амир-спасалар — верховный главнокомандующий, генералиссимус.

Спаспет — персидский военный термин, получивший распространение и в Грузии. Означает командующего войсками.

Стадий — древнегреческая мера длины.

Тамар — знаменитая грузинская царица (ум. в 1213 г.), при которой Грузия достигла зенита своего могущества и культурного возрождения.

Тамбурин — музыкальный инструмент; бубен.

Тариэл—главный герой поэмы, витязь,носящий тигровую (точнее было бы сказать, барсовую) шкуру. Некоторые исследователи связывают это имя с персидским «Шахриар» (Н. Марр), некоторые же — с персидским «Дариэлом», означающем «царя-героя» (Ю. Абуладзе). Уже в одной грузинской хронике IX века упоминается сокращенная форма этого имени «Тарика» (аналогичная краткая форма «Тарна» встречается и в «Витязе в тигровой шкуре»).

Тигр — река в Месопотамии, в грузинском тексте — «Диджла».

Тинатин — имя одной из главных героинь поэмы. Имеет, по-видимому, грузинское происхождение и чрезвычайно широко распространено в грузинской ономастике (особенно в сокращенной форме — Тина). Древ-

ние грузинские лексикографы увязывали его со словом, обозначающим отблеск солнечных лучей. Интересно, что и в поэме это имя часто употребляется в сопоставлении с солнечными лучами.

Тмогвели Саргис — грузинский писатель XII века, которому приписывается перевод произведения Гургани «Вис и Рамин». В эпилоге «Витязя в тигровой шкуре» назван как автор «Диларгетиани» (см.).

Турач — редкая дикая птица, подобная фазану. Распространена в Закавказье.

Турция, турки — по всем признакам, в поэме подразумевается какое-то турецкое государство и его население, расположенное в Средней Азии, то же, что Хатаети (см.).

Усам — старейшина каравана, спасенного Автандилом от пиратов.

Усен — муж Фатьмы-хатун. Старейшина купцов Гуланшаро.

Фарсадан — царь Индии, отец Нестан-Дареджан. Имя персидского происхождения, означающее мудреца, ученого.

Фатьма-хатун — героиня поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

Фридон — см. Нурадин-Фридон.

Хатаети — здесь, видимо, подразумевается северная провинция Китая, Северный Китай, населенный турками.

Хатун — госпожа.

Хонели Мосэ — грузинский писатель XII века, которому, по традиции, приписывается приключенческо-рыцарский роман «Амиран-Дареджаниани».

Хорезм — могущественное царство в Средней Азии, сына царя которого намеревались пригласить в Индию в качестве мужа для Нестан-Дареджан. В поэме в хорезмийское государство входит и персидское царство.

Чачнагир — витязь, которого по поручению Фатьмы убивает Автандил. Имя этого витязя в поэме не названо. «Чачнагир» означает дегустатора вина в царских погребах.

Шавтели — поэт XII века, которому приписывается авторство «Абдул-Мессии» (см.).

Шермадин — самый преданный из вассалов Автандила. По мнению Н. Марра, «Шермадин буквально значит по-персидски «совесть веры», и это приближается к характеристике Шермадина в поэме» (см.: Н. М а р р, Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре», 1917, стр. 427).

Эдем — по Библии, страна, в которой находился рай.

Эзрос — подразумевается какой-то древний мудрец. По мнению некоторых исследователей, здесь говорится о еврейском поэте XII века.

Саргис Цаишвили

СОДЕРЖАНИЕ

Ираклий Абашидзе. Слово о Шота Руставели 5

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Перевод Н. Заболоцкого

Вступление 23
Начальная повесть о Ростеване, царе Аравийском 29
Аравийский царь встречает витязя в тигровой шкуре . . . 38
Указ Автандила его подданным 52
Автандил уезжает на поиски витязя в тигровой шкуре . . . 55
Повесть о жизни Тариэла, рассказанная Автандилу при первой встрече 77
Повесть о любви Тариэла, впервые полюбившего 83
Первое послание Нестан-Дареджан возлюбленному 90
Первое послание Тариэла возлюбленной 92
Послание Тариэла к хатавам и свидание его с возлюбленной 94
Ответ Рамаза и поход Тариэла на хатавов 97
Послание Тариэла царю индийскому и возвращение его на родину 108
Послание Нестан-Дареджан к ее возлюбленному 114

Послание Тариэла возлюбленной и сватовство Нестан-Дареджан 117
Приезд хорезмийского царевича и гибель его от руки Тариэла 125
Тариэл узнает о похищении Нестан-Дареджан 129
Встреча Тариэла с Нурадин-Фридоном 134
Тариэл помогает Фридону победить врага 139
Рассказ Фридона о Нестан-Дареджан 141
Возвращение Автандила в Аравию 150
Просьба Автандила о новой поездке и разговор вазира с царем 160
Беседа Автандила с Шермадином перед вторым, тайным его отъездом 169
Завещание Автандила царю Ростевану 172
Молитва Автандила перед отъездом 176
Ростеван узнает о тайном отъезде Автандила 178
Второй, тайный отъезд Автандила к Тариэлу 182
Автандил в поисках Тариэла: плач его и стенание 188
Автандил находит Тариэла во второй раз 190
Рассказ Тариэла о том, как он убил льва и тигрицу 198
Возвращение витязей в пещеру и свидание их с Асмат . . . 200
Отъезд Автандила к Фридону, правителю Мульгазанзара . 207
Прибытие Автандила к Фридону после разлуки его с Тариэлом 211
Отъезд Автандила на поиски Нестан-Дареджан 221
Прибытие Автандила в приморский город Гуланшаро . . . 228
Встреча Автандила с Фатьмою 231
Фатьма влюбляется в Автандила 233
Любовное послание, написанное Фатьмой Автандилу . . . 235
Ответ Автандила и встреча его с чачнагиром 238
Автандил убивает чачнагира 242
Фатьма рассказывает Автандилу историю Нестан-Дареджан 244
Фатьма спасает Нестан-Дареджан и рассказывает о ней Усену 249
Усен выдает Нестан-Дареджан царю морей 253
Повесть о пленении Нестан-Дареджан каджами, рассказанная Фатьмой Автандилу 262
Послание Фатьмы к Нестан-Дареджан 272
Послание Нестан-Дареджан к Фатьме 275
Послание Нестан-Дареджан к возлюбленному 277
Послание Автандила к Фридону 282
Отъезд Автандила из Гуланшаро и встреча его с Тариэлом 284
Отъезд витязей к Фридону 293
Совет витязей у крепости Каджети 297
Взятие Каджети и освобождение Нестан-Дареджан 301

Прибытие Тариэла к царю морей 305
Прибытие Тариэла в царство Фридона 309
Свадьба Тариэла и Нестан-Дареджан, устроенная царем Нурадин-Фридоном 312
Тариэл возвращается к пещере и видит свои сокровища . . 318
Свадьба Автандила и Тинатин, устроенная царем арабов 328
Свадьба Тариэла и Нестан-Дареджан 334
Заключение 338

Примечания. *Саргис Цаишвили* 341

Словарь некоторых терминов, собственных имен и географических названий. *Саргис Цаишвили* 358

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

Том 27

Шота Руставели

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

*

Редактор Ю. Розенблюм

Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти

Художественный редактор
Л. Калитовская

Технический редактор
Л. Заселяева

Корректоры Р. Пунга и А. Юрьева

*

Сдано в набор 10/II 1969 г. Подписано к печати 20/V 1969 г. Бумага типографская № 1 60×84¹/₁₆. 23 печ. л. 21,46 усл. печ. л. 12,23 уч.-изд. л. +1 вкл.+5 накидок =12,89. Тираж 300 000 Заказ № 3520. Цена 85 коп.

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28